В. МАЯКОВСКИЙ

10

ВЛАДИМИР

МАЯКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

1929—1930

Стихи детям 1925—1929

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

Подготовка текста и примечания
С. А. КОВАЛЕНКО

В. МАЯКОВСКИЙ
Фото. 1929 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1929—1930)

ПЕРЕКОПСКИЙ ЭНТУЗИАЗМ!

Часто
сейчас
по улицам слышишь
разговорчики
в этом роде:
«Товарищи, легше,
товарищи, тише.
Это
вам
не 18-й годик!»
В нору
влезла
гражданка Кротиха,
в нору
влез
гражданин Крот.
Радуются:
«Живем ничего себе,
тихо.
Это
вам
не 18-й год!»
Дама
в шляпе рубликов на́ сто
кидает
кому-то,
запахивая котик:

«Не толкаться!
Но-но!
Без хамства!
Это
вам
не 18-й годик!»
Малого
мелочь
работой скосила.
В уныньи
у малого
опущен рот...
«Куда, мол,
девать
молодецкие силы?
Это
нам
не 18-й год!»

Эти
потоки
слюнявого яда
часто
сейчас
по улице льются...
Знайте, граждане!
И в 29-м
длится
и ширится
Октябрьская революция.
Мы живем
приказом
октябрьской воли.
Огонь
«Авроры»
у нас во взоре.
И мы
обывателям
не позволим

баррикадные дни
чернить и позорить.
Года
не вымерить
по единой мерке.
Сегодня
равноценны
храбрость и разум.
Борись
и в мелочах
с баррикадной энергией,
в стройку
влей
перекопский энтузиазм.

[*1929*]

ЛОЗУНГИ К КОМСОМОЛЬСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКЕ. ГОТОВЬСЯ! ЦЕЛЬСЯ!

На классовом фронте
ширятся стычки,—
враг наступает
и скрыто
и голо.
Комсомолия,
готовься к перекличке
боевой
готовности
комсомола.
Обыватель
вылазит
из норы кротовой,
готовится
махровой розой расцвесть.
Товарищи,
а вы
к отпору готовы?
Отвечай, комсомолец:
«Готово!
Есть!»
Распоясался
хулиган фартовый,
раздувает
угробленную
национальную месть.

Товарищи,
а вы
к отпору готовы?
Отвечай, комсомолец:
«Готово!
Есть!»
Цены взбираются —
и лавочные
и оптовые,—
вверх
циркачами
норовят влезть.
Товарищи,
а вы
к отпору готовы?
Отвечай, комсомолец:
«Готово!
Есть!»
Некоторые
за борьбой
одиннадцатигодовой
улеглись
(отдохнуть!)
на подхалимство и лесть.
Товарищи,
а вы
к отпору готовы?
Отвечай, комсомолец:
«Готово!
Есть!»

Комсомолия,
готовься к перекличке
боевой
готовности комсомола.
На классовом фронте
ширятся стычки,—
враг наступает
и скрыто
и голо.

[*1929*]

ИТОГИ

Были
дни Рождества,
Нового года,
праздников
и торжества
пива
и водок...
Был
яд в четвертях
в доме рабочего.
Рюмки
в пальцах вертя —
уставали потчевать.
В селах
лился самогон...
Кто
его
не тянет?!
Хлеба
не один вагон
спили
крестьяне.
От трудов
своих
почив,
занавесившись с опаскою,
выдували
нэпачи
зашипевшее шампанское.
Свою
поддерживая стать,

воспоминаньями овеяны,
попы
садились
хлестать
сладчайшие портвейны.
И артист
и поэт
пить
валили валом
коньяки,—
а если нет,
пили
что попало.
На четверку
лап
встав,
христославы рьяные
крепко
славили Христа
матерщиной пьяною...
И меж ругани
и рвот
мир
опóенный
бодро
славил
Новый год
славой мордобойной...
Не введет
в социализм
дорога скользкая.
На битву
с бытом осклизлым,
сила
комсомольская,
швабру взять
и с бытом грязненьким
вымести б
и эти праздники.

[1929]

ГОВОРЯТ...

Барбюс обиделся — чего, мол, ради критики затеяли спор пустой? Я, говорит, не французский Панаит Истрати, а испанский Лев Толстой.

Говорят, что критики названия растратили — больше сравнивать не с кем! И балканский Горький — Панаит Истрати будет назван ирландским Достоевским.

Говорят — из-за границы домой попав, после долгих во́льтов, Маяковский дома поймал «Клопа» и отнес в театр Мейерхольда.

Говорят — за изящную фигуру и лицо, предчувствуя надобность близкую, артиста Ильинского профессор Кольцов переделал в артистку Ильинскую.

[1929]

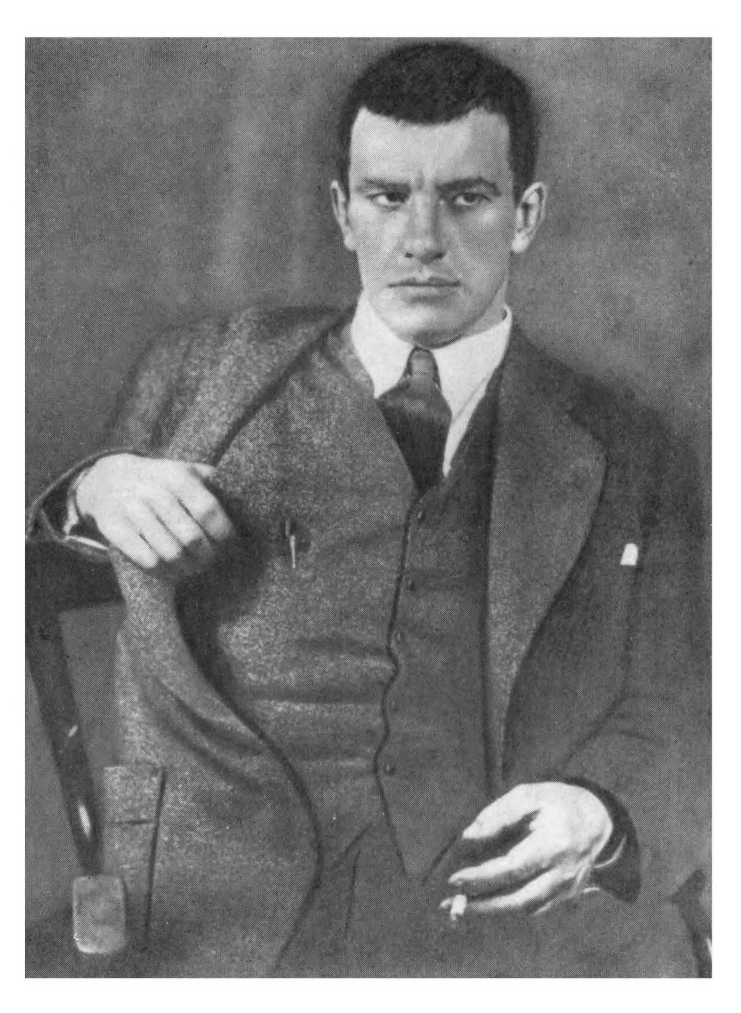
ТЕОРЕТИКИ

С интеллигентским
обличием редьки
жили
в России
теоретики.
Сидя
под крылышком
папы да мамы,
черепа
нагружали томами.
Понаучив
аксиом
и формул,
надевают
инженерскую форму.
Живут,—
возвышаясь
чиновной дорогою,
машину
перчаткой
изредка трогая.
Достигнув окладов,
работой не ранясь,
наяривает
в преферанс.
А служба что?
Часов потеря.

Мечта
витает
в высоких материях.
И вдруг
в машине
поломка простая,—
профессорские
взъерошит пряди он,
и...
на поломку
ученый,
растаяв,
смотрит так,
как баран на радио.

Ты хочешь
носить
ученое имя —
работу
щупай
руками своими.
На книги
одни —
ученья не тратьте-ка.
Объединись,
теория с практикой!

[1929]

В. МАЯКОВСКИЙ.
Фото. 1929 г.

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.
Рот открыт
в напряженной речи,
усов
щетинка
вздернулась ввысь,
в складках лба
зажата
человечья,
в огромный лоб
огромная мысль.
Должно быть,
под ним
проходят тысячи...
Лес флагов...
рук трава...
Я встал со стула,
радостью высвечен,

хочется —
идти,
приветствовать,
рапортовать!
«Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адовая
будет
сделана
и делается уже.
Освещаем,
одеваем нищь и óголь,
ширится
добыча
угля и руды...
А рядом с этим,
конешно,
много,
много
разной
дряни и ерунды.
Устаешь
отбиваться и отгрызаться.
Многие
без вас
отбились от рук.
Очень
много
разных мерзавцев
ходят
по нашей земле
и вокруг.
Нету
им
ни числа,
ни клички,

целая
лента типов
тянется.
Кулаки
и волокитчики,
подхалимы,
сектанты
и пьяницы,—
ходят,
гордо
выпятив груди,
в ручках сплошь
и в значках нагрудных...
Мы их
всех,
конешно, скрутим,
но всех
скрутить
ужасно трудно.
Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и жнивьём,
вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!..»

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.

Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

[*1929*]

МРАЧНОЕ О ЮМОРИСТАХ

Где вы,
бодрые задиры?
Крыть бы розгой!
Взять в слезу бы!
До чего же
наш сатирик
измельчал
и обеззубел!
Для подхода
для такого
мало,
што ли,
жизнь дрянна?
Для такого
Салтыкова —
Салтыкова-Щедрина?
Заголовком
жирно-алым
мозжечок
прикрывши
тощий,
ходят
тихо
по журналам
дореформенные тещи.
Саранчой
улыбки выев,
ходят
нэпманам на страх

анекдоты гробовые —
гроб
о фининспекторах.
Или,
злобой измусоля
сотню
строк
в бумажный крах,
пишут
про свои мозоли
от зажатья в цензорах.
Дескать,
в самом лучшем стиле,
будто
розы на заре,
лепестки
пораспустили б
мы
без этих цензорей.
А поди
сними рогатки —
этаких
писцов стада
пару
анекдотов гадких
ткнут —
и снова пустота.
Цензоров
обвыли воем.
Я ж
другою
мыслью ранен:
жалко бедных,
каково им
от прочтенья
столькой дряни?
Обличитель,
меньше крему,
очень
темы
хороши.

О хорошенькую тему
зуб
не жалко искрошить.
Дураков
больших
обдумав,
взяли б
в лапы
лупы вы.
Мало, што ли,
помпадуров?
Мало —
градов Глуповых?
Припаси
на зубе
яд,
в километр
жало вызмей
против всех,
кто зря
сидят
на труде,
на коммунизме!
Чтоб не скрылись,
хвост упрятав,
крупных
вылови налимов —
кулаков
и бюрократов,
дураков
и подхалимов.

Измельчал
и обеззубел,
обэстетился сатирик.
Крыть бы в розги,
взять в слезу бы!
Где вы,
бодрые задиры?
[*1929*]

УРОЖАЙНЫЙ МАРШ

Добьемся урожая мы —
втройне,
земля,
рожай!
Пожалте,
уважаемый
товарищ урожай!
Чтоб даром не потели мы
по одному,
по два —
колхозами,
артелями
объединись, братва.
Земля у нас хорошая,
вемлица неплоха,
да надобно
под рожь ее
заранее вспахать.
Чем жить, зубами щелкая
в голодные года,
с проклятою
с трехполкою
покончим навсегда.
Вредителю мы
начисто
готовим карачун.
Сметем с полей
кулачество,

сорняк
и саранчу.
Разроем складов завали.
От всех
ответа ждем,—
чтоб тракторы
не ржа́вели
впустую под дождем.
Поля
пройдут науку
под ветром-игруном...
Даешь
на дружбу руку,
товарищ агроном!
Земля
не хочет более
терпеть
плохой уход,—
готовься,
комсомолия,
в передовой поход.
Кончай
с деревней серенькой,
вставай,
который сер!
Вперегонки
с Америкой
иди, СССР!
Добьемся урожая мы —
втройне,
земля,
рожай!
Пожалте,
уважаемый
товарищ урожай!

[1929]

ПРОВЕРЬ,
ТОВАРИЩ,
ПРАВИЛЬНОСТЬ ФАКТА— ТАК ИЛИ НЕ ТАК ЭТО

Вот
что пишут рабкоры
про Севкавгоссахзавод
— Экономия «Большевик».
Да впрямь — большевик ли?
Большевизма
не видно,
хоть глаз выколи.
Зав
Караченцев
откалывает коленца:
из комнаты Шахова,
в ярости зловещей,
зав
аховый
вышвыривает вещи,
со всем
авторитетом веским
с окон
срывает занавески
и гордо говорит,
занавески выдрав:
— Этот Шахов —
контра и гидра!

А Логунов —
предрабочком —
теснит
работников
бочком.
Но нежен к родным,
нежней не найдетс.
Родня
в учреждение тянется —
и тести,
и зяти,
и дяди,
и тети,
и кумовья,
и племянницы.
Уважим также,
строкой одаря,
ячейкиного секретаря.
Нам грустно —
секретарь Седов,
должно быть,
скоро
станет вдов.
Он
на глазах
рабочей массы
жену до смерти отдубасил.
Рабочий класс,
нажми плечистей
и в чистку эдаких прочисти!

[*1929*]

ДУША ОБЩЕСТВА

Из года в год
легенда тянется —
легенда
тянется
из века в век:
что человек, мол,
который пьяница,—
разувлекательнейший человек.
Сквозь призму водки,
мол,
все — красотки...
Любая
гадина —
распривлекательна.
У машины
общества
поразвинтились гайки —
люди
лижут
довоенного лютѐй.
Скольким
заменили
водочные спайки
все
другие
способы
общения людей?!

Если
муж
жену
истаскивает зá волосы —
понимай, мол,
я
в семействе барин! —
это значит,
водки нализался
этот
милый,
увлекательнейший парень.
Если
парень
в сногсшибательнейшем раже
доставляет
скорой помощи
калек —
ясно мне,
что пивом взбудоражен
этот
милый,
увлекательнейший человек.
Если
парень,
запустивши лапу в кассу,
удостаивает
сам себя
и премий
и наград
значит,
был привержен
не к воде и квасу
этот
милый,
увлекательнейший казнокрад.
И преступления
всех систем,
и хрип хулигана,
и пятна быта

сегодня
измеришь
только тем —
сколько
пива
и водки напи́то.
Про пьяниц
много
пропето разного,—
из пьяных пений
запомни только:
беги от ада
от заразного,
тащи
из яда
алкоголика.

[1929]

ДОЛОЙ ШАПКИ!

Ну, и дура —
храбрость-то:
всех
звала
шавками.
Всех, мол,
просто-напросто
закидаю —
шапками.
Бойся
этих
русских фраз
и не верь —
в фуражку.
С этой фразой
нам
не раз
наломают —
ряшку...
Враг Советов
не дитё,
чтоб идти
в кулачики.
Враг богат,
умен,
хитер...
По гробам —
укладчики!

Крыты —
сталью-броней
кони их
крепкие.
Не спугнешь их
враньем
о киданьи кепки.
Враг
в дредноутах-китах,
с танками
с тяжкими,
их —
не сломишь,
закидав
шапками-
фуражками!
Они
молчком
к тебе
придут,
лица
не показывая.
Лишь
на траншею,
на редут
вползет
смертища газовая.
Пока
стальным окружием
враги
не нависли,
крепись —
во всеоружии
техники
и мысли!

[1929]

ТИГР И КИСА

Кийс был начальником Ленинградского исправдома. В результате ряда омерзительных поступков его перевели в Москву на должность... начальника Таганского исправдома.

В «Таганке» Кийс орудовал старыми приемами. Разоблачивший Кийса общественник Сотников после трех незаслуженных выговоров был уволен.

ГУМЗ восстановило Сотникова. Но вмешался Наркомюст, и Сотникова вновь уволили. Дело тянется до сих пор. А Кийс, замешанный в ряде других темных дел, назначен ГУМЗ... начальником Сокольнического исправдома.

(Из письма юнкора)

Кипит, как чайник,
и кроет беспардонно
Кийс —
начальник
Таганского исправдома.
Но к старшим
у Кийса
подход
кисы.
Нежность в глазках.
Услужлив
и ласков.
Этому
Кийсу

потворствуют выси.
Знакомы густо
от ГУМЗ
до Наркомюста.
А товарищ Сотников
из маленьких работников.
Начальству
взирать ли
на мелких надзирателей?
Тем более,
если
служители мелкие
разоблачать полезли
начальника проделки?
И нач зубами
Кийса
в Сотникова вгрызся.
Кийс
под ласковость высей
докатился до точки.
Не пора ль
этой Кийсе
пообстричь коготочки,
чтоб этот
Кийс
умолк
и скис.

[1929]

ЧТО ТАКОЕ?

Петр Иваныч,
что такое?
Он,
с которым
не ужиться,
стал
нежнее, чем левкои,
к подчиненным,
к сослуживцам.
Целый день
сидит на месте.
Надо вам
или не надо,
проходите,
прите,
лезьте
сколько влезет —
без доклада.
Весь
бумажками окидан,
мыслит,
выгнувшись дугой.
Скрылась
к черту
волокита
от энергии
такой.

Рвет
бумажки,
мигом вызнав.
Тают,
как от солнца иней.
Этих
всех
бюрократизмов
просто
нету и в помине.
Свет
в лице
играет с тенью...
Где вы,
кисть
или резец?!
Нет
названий
поведенью,
поведенье —
образец.
Целомудрен,
— смейтесь, куры! —
Нету
силы
надивиться:
не плюет,
не пьет,
не курит
и
не смотрит на девиц он.
Петр Иваныч,
что такое?
Кто
подумать это мог!
Поведенье
таковое
нам,
простите,
невдомек.

Что случилось
  с вами,
    милый?
Расцвели вы
  и взялись
с разутроенною силой
строить
  нам
    социализм.
Эти
  возгласы
    не в тон,
лоб
  в сомнении
    не тискай...
Что такое?
  Это —
    он
подтянулся
  перед чисткой.

[*1929*]

КОТОРЫЙ ИЗ НИХ?

Товарищами
были они
по крови,
а не по штатам.
Под рванью шинели
прикончивши дни,
бурчали
вдвоем
животом одним
и дрались
вдвоем
под Кронштадтом.
Рассвет
подымался
розоволик.
И в дни
постройки
и ковки
в два разных конца
двоих
развели
губкомовские путевки.
В трущобе
фабричной
первый корпел,
где путалась
правда
и кривда,

где стон
и тонны
лежат на горбе
переходного периода.
Ловчей
оказался
второй удалец.
Обмялся
по форме,
как тесто.
Втирался,
любезничал,
лез
и долез
до кресла
директора треста.
Стенгазнул
первый —
зажим тугой!
И черт его
дернул
водить рукой,—
смахнули,
как бы и нет.
И первый
через месяц-другой
к второму
вошел в кабинет.
«Товарищ...
сколько мы...
лет и зим...
Гора с горою...
Здоро́во!»
У второго
взгляд —
хоть на лыжах скользи.
Сидит
собакой дворовой.
«Прогнали, браток...
за што?—
не пойму.

Хоть в цирке
ходи по канату».
«Товарищ,
это
не по моему
ведомству
и наркомату».
«Ты правде,
браток,
а не мне пособи,
вгрызи.
в безобразие
челюсть».
Но второй
в ответ
недовольно сопит,
карандашом ощерясь:
«А-а-а!
Ты за протекцией.
Понял я вас!»
Аж камень
от гнева
завянет.
«Как можно,
без всяких
протекций
явясь,
просить о протекции?
Занят».
Величественные
опускает глаза
в раскопку
бумажного клада.
«Товарищ,
ни слова!
Я сказал,
и...
прошу не входить
без доклада».

По камню парень,
по лестнице
вниз.
Оплеван
и уничтожен.
«Положим, братцы,
что он —
коммунист,
а я, товарищи,
кто же?»
В раздумьи
всю ночь
прошатался тенью,
а издали,
светла,
нацелилась
и шла к учреждению
чистильщика солнца
метла.

[*1929*]

ОНИ И МЫ

В даль глазами лезу я...
Низкие лесёнки;
мне
    сия Силезия
влезла в селезенки.
Граница.
            Скука польская.
Дальше —
            больше.
От дождика
            скользкая
почва Польши.
На горизонте —
            белое.
Снега
        и Негорелое.
Как приятно
            сó снегу
вдруг
        увидеть сосенку.
Конешно —
            березки,
снегами припарадясь,
в снежном
            лоске
большущая радость.
Километров тыщею

на Москву
рвусь я.
Голая,
нищая
бежит
Белоруссия.
Приехал —
сошел у знакомых картин:
вокзал
Белорусско-Балтийский.
Как будто
у про́клятых
лозунг один:
толкайся,
плюйся
да тискай.
Му́ка прямо.
Ездить —
особенно.
Там —
яма,
здесь —
колдобина.
Загрустил, братцы, я!
Дыры —
дразнятся.
Мы
и Франция...
Какая разница!
Но вот,
врабатываясь
и оглядывая,
как штопается
каждая дырка,
насмешку
снова
ломаешь надвое
и перестаешь
европейски фыркать.
Долой
подхихикивающих разины!

С пути,
джентльмены лаковые!
Товарищ,
сюда становись,
из грязи́
рабочую
жизнь
выволакивая!

[*1929*]

КАНДИДАТ ИЗ ПАРТИИ

Сколько их?
Числа им нету.
Пяля блузы,
пяля френчи,
завели по кабинету
и несут
повинность эту
сквозь заученные речи.
Весь
в партийных причиндалах,
ноздри вздернул —
крыши выше...
Есть бумажки —
прочитал их,
нет бумажек —
сам напишет.
Все
у этаких
в порядке,
не язык,
а маслобой...
Служит
и играет в прятки
с партией,
с самим собой.
С классом связь?
Какой уж класс там!

Классу он —
одна помеха.
Стал
стотысячным баластом:
Ни пройти с ним,
ни проехать.
Вышел
из бойцов
с годами
в лакированные душки...
День пройдет —
знакомой даме
хвост
накрутит по вертушке.

Освободиться бы
от ихней братии,
удобней будет
и им
и партии.

[*1929*]

МОНТЕ-КАРЛО

Мир
в тишине
с головы до пят.
Море —
не запятни́тся.
Спят люди.
Лошади спят.
Спит —
Ницца.
Лишь
у ночи
в черной марле
фары
вспыхивают ярки —
это мчится
к Монте-Карле
автотранспорт
высшей марки.
Дым над морем —
пух как будто,
продолжая пререкаться,
это
входят
яхты
в бухты,
подвозя американцев.
Дворцы
и палаццо
монакского принца...

Бараны мира,
пожалте бриться!
Обеспечены
годами
лет
на восемьдесят семь,
дуют
пиковые дамы,
продуваясь
в сто систем.
Демонстрируя обновы,
выигравших подсмотрев,
рядом
с дамою бубновой
дует
яро
дама треф.
Будто
горы жировые,
дуют,
щеки накалив,
настоящие,
живые
и тузы
и короли.
Шарик
скачет по рулетке,
руки
сыпят
франки в клетки,
трутся
карты
лист о лист.
Вздув
карман
кредиток толщью
— хоть бери
его
наощупь!—
вот он —
капиталист.

Вот он,
вот он —
вор и лодырь —
из
бездельников-деляг,
мечет
с лодырем
колоды,
мир
ограбленный
деля.
Чтобы после
на закате,
мозг
расчетами загадив,
отягчая
веток сеть,
с проигрыша
повисеть.
Запрут
под утро
азартный зуд,
вылезут
и поползут.
Завидев
утра полосу,
они ползут,
и я ползу.
Сквозь звезды
утро протекало;
заря
ткалась
прозрачно, ало,
и грязью
в розоватой кальке
на грандиозье Монте-Карло
поганенькие монтекарлики.

[*1929*]

ВОНЗАЙ САМОКРИТИКУ!

Наш труд
сверкает на «Гиганте»,
сухую степь
хлебами радуя.
Наш труд
блестит.
Куда ни гляньте,
встает
фабричною оградою.
Но от пятна
и солнца блеск
не смог
застраховаться,—
то ляпнет
нам
пятно
Смоленск,
то ляпнут
астраханцы.
Болезнь такая
глубока,
не жди,
газеты пока
статейным
гноем вытекут,—
ножом хирурга
в бока

вонзай самокритику!
Не на год,
 не для видика
такая
 критика.
Не нам
 критиковать крича
для спорта
 горластого,
нет,
 наша критика —
 рычаг
и жизни
 и хозяйства.
Страна Советов,
 чисть себя —
нутро и тело,
чтоб, чистотой
 своей
 блестя,
республика глядела.
Чтоб не шатать
 левей,
 правей
домину коммунизма,
шатающихся
 проверь
своим
 рабочим низом.
Где дурь,
 где белых западня,
где зава
 окружит родня —
вытравливай
 от дня до дня
то лаской,
 то плетью,
чтоб быстро бы
 страну
 поднять,

идя
по пятилетью.
Нам
критика
из года в год
нужна,
запомните,
как человеку —
кислород,
как чистый воздух —
комнате.

[*1929*]

ДВА СОРЕВНОВАНИЯ

Европу
огибаю
железнодорожным туром
и в дымные дни
и в ночи лунные.
Черт бы ее взял!—
она не дура,
она, товарищи,
очень умная.
Здесь
на длинные нити расчета
бусы часов
привыкли низаться,
здесь
каждый
друг с другом
спорит до черта
по всем правилам рационализации.
Французы соревнуются
с англичанами рыжими:
кто
из рабочего
больше выжмет.
Соревнуются партии
(«рабочая»
наипаче!),
как бы
рабочего
почище околпачить.

В полицейской бойне,
круша и калеча,
полиция соревнуется
(особенно эсдечья).
Газеты соревнуются
во весь рот,
кто
СССР
получше обоврет.
Миротворцы соревнуются
по Лигам наций,
с кем
вперегонки
вооружением гнаться.
«Соседи»,
перед тем
как попробовать напасть,
соревнуются,
у кого зубастее пасть.
Эмигранты соревнуются
(впрочем, паршиво!),
кто больше
и лучше
наделает фальшивок.
Мордами пушек
в колонии тычась,
сковывая,
жмя
и газами175 пованивая,
идет
капиталистическое
соревнование.
Они соревнуются,
а мы чего же
нашей отсталости
отпустили вожжи?
Двиньте
в пятилетку,
вперед на пятнадцать,
чтоб наши кулаки и мускулы
видели!

В работе
и в обороне
выходите соревноваться,
молодой республики
молодые строители!

[*1929*]

НА ЗАПАДЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Как совесть голубя,
чист асфальт.
Как лысина банкира,
тротуара плиты
(после того,
как трупы
на грузовозы взвалят
и кровь отмоют
от плит поли́тых).
В бульварах
буржуеныши,
под нянин сказ,
медведям
игрушечным
гладят плюшики
(после того,
как баллоны
заполнил газ
и в полночь
прогрохали
к Польше
пушки).
Миротворцы
сияют
цилиндровым глянцем,
мозолят язык,
состязаясь с мечом

(после того,
как посланы
винтовки афганцам,
а бомбы —
басмачам).
Сидят
по кафе
гусары спешенные.
Пехота
развлекается
в штатской лени.
А под этой
идиллией —
взлихораденно-бешеные
военные
приготовления.
Кровавых капель
пунктирный путь
ползет по земле,—
недаром кругла!
Кто-нибудь
кого-нибудь
подстреливает
из-за угла.
Целят —
в сердце.
В самую точку.
Одно
стрельбы командирам
надо —
бунтовщиков
смирив в одиночку,
погнать
на бойню
баранье стадо.
Сегодня
кровишка
мелких стычек,
а завтра
в толпы
танки тыча,

кровищи
вкус
война поймет,—
пойдет
хлестать
с бронированных птичек
железа
и газа
кровавый помет.
Смотри,
выступает
из близких лет,
костьми постукивает
лошадь-краса.
На ней
войны
пожелтелый скелет,
и сталью
синеет
смерти коса.
Мы,
излюбленное
пушечное лакомство,
мы,
оптовые потребители
костылей
и протез,
мы
выйдем на улицу,
мы
1 августа
аж к небу
гвоздями
прибьем протест.
Долой
политику
пороховых бочек!
Довольно
до́ма
пугливо щуплиться!

От первой республики
крестьян и рабочих
отбросим
войны
штыкастые щупальцы.
Мы
требуем мира.
Но если
тронете,
мы
в роты сожмемся,
сжавши рот.
Зачинщики бойни
увидят
на фронте
один
восставший
рабочий фронт.

[*1929*]

ЗАГРАНИЧНАЯ ШТУЧКА

Париж,
как сковородку желток,
заливал
электрический ток.
Хоть в гости,
хоть на дом —
женщины
тучею.
Время —
что надо —
распроститучье.
Но с этих ли
утех
французу
распалиться?
Прожили, мол,
всех,
кроме
полиции.
Парижанин
глух.
Но все
мусьи
подмигивают
на углу
бульвар де Капюсин.

Себя
стеля
идущим
дорогою,
на двух
костылях
стоит
одноногая.
Что
была
за будущность?
Ну —
были ноги.
Была
одной из будочниц
железной
дороги.
Жила,
в лохмотьях кроясь,
жуя
понемногу.
И вдруг
на счастье
поезд
ей
срезал ногу.
Пролечена
выплата.
Поправлена
еле,
работница
выплюнута
больницей
в панели.
Что толку
в ногатых?
Зеваешь,
блуждая.

Пресыщенность
богатых
безножье
возбуждает.
Доказательство —
налицо.
Налицо —
факт.
Дрянцо
с пыльцой,
а девушка
нарасхват.
Платье
зеленое
выпушено
мехом,
девушка
определенно
пользуется
успехом.
Стихом
беспардонным
пою,
забывши
меру —
как просто
за кордоном
сделать
карьеру.

[*1929*]

ПАРИЖАНКА

Вы себе представляете
парижских женщин
с шеей разжемчуженной,
разбриллиантенной
рукой...
Бросьте представлять себе!
Жизнь —
жестче —
у моей парижанки
вид другой.
Не знаю, право,
молода
или стара она,
до желтизны
отшлифованная
в лощеном хамье.
Служит
она
в уборной ресторана —
маленького ресторана —
Гранд-Шомьер.
Выпившим бургундского
может захотеться
для облегчения
пойти пройтись.
Дело мадмуазель
подавать полотенце,
она
в этом деле
просто артист.

Пока
у трюмо
разглядываешь прыщик,
она,
разулыбив
облупленный рот,
пудрой подпудрит,
духами попрыщет,
подаст пипифакс
и лужу подотрет.
Раба чревоугодий
торчит без солнца,
в клозетной шахте
по суткам
клопея,
за пятьдесят сантимов!
(по курсу червонца
с мужчины
около
четырех копеек).
Под умывальником
ладони омывая,
дыша
диковиной
парфюмерных зелий,
над мадмуазелью
недоумевая,
хочу
сказать
мадмуазели:
— Мадмуазель,
ваш вид,
извините,
жалок.
На уборную молодость
губить не жалко вам?
Или
мне
наврали про парижанок,

Страница Записной книжки 1930 г., № 71 с автографом поэмы «Во весь голос».

или
вы, мадмуазель,
не парижанка.
Выглядите вы
туберкулезно
и вяло.
Чулки шерстяные...
Почему не шелка́?
Почему
не шлют вам
пармских фиалок
благородные мусью
от полного кошелька?—
Мадмуазель молчала,
грохот наваливал
на трактир,
на потолок,
на нас.
Это,
кружа
веселье карнавалово,
весь
в парижанках
гудел Монпарнас.

Простите, пожалуйста,
за стих раскрежещенный
и
за описанные
вонючие лужи,
но очень
трудно
в Париже
женщине,
если
женщина
не продается,
а служит.

[*1929*]

КРАСАВИЦЫ

(РАЗДУМЬЕ НА ОТКРЫТИИ GRAND OPÉRA[1])

В смокинг вштопорен,
побрит что надо.
По гранд
по опере
гуляю грандом.
Смотрю
в антракте —
красавка на красавице.
Размяк характер —
всё мне
нравится.
Талии —
кубки.
Ногти —
в глянце.
Крашеные губки
розой убиганятся.
Ретушь —
у глаза.
Оттеняет синь его.
Спины
из газа
цвета лососиньего.

---

[1] Большого оперного театра.

Упадая
с высоты,
пол
метут
шлейфы.
От такой
красоты
сторонитесь, рефы.
Повернет —
в брильянтах уши.
Пошевéлится шаля —
на грудинке
ряд жемчужин
обнажают
шеншиля.
Платье —
пухом.
Не дыши.
Аж на старом
на морже
только фай
да крепдешин,
только
облако жоржет.
Брошки — блещут...
нá тебе! —
с платья
с полуголого.
Эх,
к такому платью бы
да еще бы...
голову.

[*1929*]

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
улыбка у рта.
К другим —
отношение плевое.
С почтеньем
берут, например,
паспорта

с двухспальным
английским левою.
Глазами
доброго дядю выев,
не переставая
кланяться,
берут,
как будто берут чаевые,
паспорт
американца.
На польский —
глядят,
как в афишу коза.
На польский —
выпяливают глаза
в тугой
полицейской слоновости —
откуда, мол,
и что это за
географические новости?
И не повернув
головы качан
и чувств
никаких
не изведав,
берут,
не моргнув,
паспорта датчан
и разных
прочих
шведов.
И вдруг,
как будто
ожогом,
рот
скривило
господину.
Это
господин чиновник
берет

мою
краснокожую паспортину.
Берет —
как бомбу,
берет —
как ежа,
как бритву
обоюдоострую,
берет,
как гремучую
в 20 жал
змею
двухметроворостую.
Моргнул
многозначаще
глаз носильщика,
хоть вещи
снесет задаром вам.
Жандарм
вопросительно
смотрит на сыщика,
сыщик
на жандарма.
С каким наслажденьем
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.
Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.

К любым
чертям с матерями
катись

любая бумажка.
Но эту...
Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

[*1929*]

НОТА КИТАЮ

Чаще и чаще
глаза кидаю
к оскаленному
Китаю.
Тает
или
стоит, не тая,
четырехсотмиллионная
туча
Китая?
Долго ли
будут
шакалы
стаей
генеральствовать
на Китае?
Долго ли
белых
шайка спитáя
будет
пакостить
земли Китая?
Дредноуты Англии
тушей кита
долго ли
будут
давить Китай?

Руку
на долгую дружбу
дай,
сотнемиллионный
рабочий Китай!
Давайте, китайцы,
вместе с Китаем
с империалистами
счеты сквитаем.
Но —
не мерещится пусть
Китаю,
что угрозами
нас
закидают.
Если
белогвардейская стая
к нашим границам
двинет
с Китая —
стиснем винтовки,
шинели
скатаем,
выйдем
в бои
с генеральским Китаем.

[*1929*]

ДОЛОЙ!

ЗАПАДНЫМ БРАТЬЯМ

Старья лирозвоны
умели вывести
лик войны
завидной красивости.
В поход —
на подвиг,
с оркестром и хором!
Девицы глазеют
на золото форм.
Сквозь губки в улыбке,
сквозь звезды очей —
проходят
гусары
полком усачей.
В бою погарцуй —
и тебе
за доблести
чины вручены,
эполеты
и области.
А хочешь —
умри
под ядерным градом, —
тебе
века
взмонументят награду.

Кое-кто
и сегодня
мерином сивым
подвирает,
закусив
поэтические удилá:
«Красивые,
во всем красивом,
они
несли свои тела...»
Неужели красиво?
Мерси вам
за эти самые
красивые дела!
Поэтами облагороженная
война и военщина
должна быть
поэтом
оплевана и развенчана.
Война —
это ветер
трупной вонищи.
Война —
завод
по выделке нищих.
Могила
безмерная
вглубь и вширь,
голод,
грязь,
тифы и вши.
Война —
богатым
банки денег,
а нам —
костылей
кастаньетный теньк.
Война —
приказ,
война —
манифест:

— Любите
протезами
жен и невест! —
На всей планете,
товарищи люди,
объявите:
войны не будет!
И когда понадобится
кучки
правителей и правительств
истребить
для мира
в целом свете,
пролетарий —
мира
глашатай и провидец —
не останавливайся
перед этим!

[*1929*]

ГОЛОСУЕМ ЗА НЕПРЕРЫВКУ

Колокола.
Ни гудка,
ни стука.
Бронзовая скука.
Патлы
маслом прилампадя,
сапоги
наваксят,
в храм
живот
приносит дядя:
«Божья матерь —
накося!»
Вместе с дядею —
жена
шествует
важно.
Как комод —
сложена,
как павлин —
ряжена.
Искрестилась толпа,
отмахала локоть.
Волосатого
попа
надоть
в лапу
чмокать.

К дому,
выполнив обряд,
прутся
дядя с тетей.
Здесь уже с утра
сидят
мухи на компоте.
Семья
садится радостно
вокруг
сорокаградусной.
От водки,
от Христовых дум
философеет
нежный
ум.
Сияет
каждый атом
под серебристым
матом.
Перейдут
на мордобой,
кончив
водку
эту.
Дальше
всё
само собой,
как
по трафарету.
Воскресный город
избит
и испит,
спит
под листком красненьким.
И это
у нас
называлось
«быт»
и называлось —
праздником.

Заря
взвивается светла,
во рту
заметна убыль.
Пречистая
метет
метла
волосья
и зубы.
Сам
господь всеблагой
крестит
пухлой рукой
этот быт
блошино-мушиный.
И вот этот
такой
паутинный покой
изничтожит
товарищ машина.
Эх,
машинушку пустим,
непрерывная —
сама пойдет.
Наладим,
подмажем
да пустим!
На карте Союза
из каждой клетки
встают
гиганты
на смотр пятилетки.
Сквозь облачный пар,
сквозь дымные клубы
виденьем
встают
стадионы и клубы.
На месте
колокольного уханья

пыхтит
аппетитно
фабрика-кухня.
И день,
наступивший
на примус,
на плиты,
встает
электричеством облитый.
Пусть
гибнущий быт
обывателю
бедствие!
Всем пафосом
стихотворного рыка
я славлю вовсю,
трублю
и приветствую
тебя —
производственная непрерывка.

[*1929*]

ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ СЕМИДНЕВКА

Товарищи,
мой
педагогический стих
вам
преподать
рад.
Надо вам
следующие
изобрести
за аппаратом аппарат.
Во-первых,
такой
аппарат желателен:
приладив
рычаги
и винтики,
изобретите
мощный
«электроразжиматель»
для
зажимателей самокритики.
Во-вторых,
большущий
ватман-ковер
расчертите
изобретеньем новеньким,
придумайте
спешно
«автоуховерт»

для проворота
ушей
чиновникам.
В-третьих,
комбинируя
мало-помалу
систему
рычагов и домкратов,—
изобретите
«автомехановышибалу»
для
вышибания бюрократов.
В-четвертых,
чтоб не подменяли
энергию масс
деятельностью
староспецовского лона,
изобретите
и усовершенствуйте
«ком-ватер-пас»
для выявления
руководительских
уклонов.
В-пятых,
объединив
электрический ток
с трубопроводом
близким,
изобретите
особый
канализационный сток
для отвода
канцелярской отписки.
В-шестых,
если «завтраками»
вас
томят —
снимите
с хозяйственников
бремя —

изобретите
«антиволокитоаппарат»
для выдачи
изобретателям
премий.
В-седьмых,
подумайте,
усевшись на крыльцо,
и выдумаете,
когда посидите,
чтоб делалось
в учреждениях
приветливое лицо,
если
явится
изобретатель-посетитель.
Выполнив
мой
руководящий стих,
в любое
учреждение
забредайте:
может
всё, что угодно,
изобрести —
будет
обласкан
изобретатель.

[*1929*]

АНЧАР

(ПОЭМА ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВЕ)

Кто мчится,
кто скачет,
кто лазит и носится
неистовей
бешеного письмоносца?
Кто мчится,
кто скачет,
не пьет и не ест,—
проситель
всех
заседающих мест?
Кто мчится,
кто скачет
и жмется гонимо,—
и завы,
гордясь,
проплывают мимо?
Кто он,
который
каждому в тягость,
меж клумбами граждан —
травою сорной?
Бедный родственник?
Беглый бродяга?
Лишенный прав?
Чумной?
Беспризорный?

Не старайтесь —
не угадать,
куда
фантазией ни забредайте!
Это
прошагивает
свои года
советский изобретатель.
Он лбом
прошибает
дверную серию.
Как птицу,
утыкали перья.
С одной
захлопнутой
справится дверью —
и вновь
баррикадина дверья.
Танцуй
по инстанциям,
смета и план!
Инстанций,
кажись,
не останется,
но вновь
за Монбланом
встает Монблан
пятидесяти инстанций.
Ходил
юнец и сосунок,
ходил
с бородкою на лике,
ходил седой...
Ходил
и слег,
«и умер
бедный раб
у ног
непобедимого владыки».

Кто «владыки»?
Ответ не новенький:
хозяйствующие
чиновники.
Ну, а нельзя ли
от хозяйства
их
отослать
губерний за сто?
Пусть
в океане Ледовитом
живут
анчаром ядовитым.

[1929]

ЗАСТРЕЛЬЩИКИ

Довольно
ползало
время-гад,
копалось
время-крот!
Рабочий напор
ударных бригад
время
рвани
вперед.
По-новому
перестраивай жизнь —
будни и праздники
выровняй.
День ко дню
как цепочка нижись,
непрерывней
и дисциплинированней.
Коммуна —
дело годов,
не веков —
больше
к машинам
выставь
квалифицированных кадровиков
шахтеров,
токарей,
мотористов.

Обещаем
мы,
слесаря и резчики:
вынесем —
любая
работа взвались.
Мы —
зачинатели,
мы —
застрельщики
новой
пятилетки
боев за социализм.
Давай
на тракторе,
в авто
и вагоне
на
пятилетнем перегоне
заносчивых
американцев
догоним,
догоним —
и перегоним.
В стройке,
в ковке,
в кипеньи литья,
всею
силой бригадовой
по
пятилетнему плану
идя,
шагом
год
выгадывай.

[*1929*]

АМЕРИКАНЦЫ УДИВЛЯЮТСЯ

Обмерев,
с далекого берега
СССР
глазами выев,
привстав на цыпочки,
смотрит Америка,
не мигая,
в очки роговые.
Что это за люди
породы редкой
копошатся стройкой
там,
поодаль?
Пофантазировали
с какой-то пятилеткой...
А теперь
выполняют
в 4 года!
К таким
не подойдешь
с американской меркою.
Их не соблазняют
ни долларом,
ни гривною,
и они
во всю
человечью энергию

круглую
неделю
дуют в непрерывную.
Что это за люди?
Какая закалка!
Кто их
так
в работу вкли́нил?
Их
не гонит
никакая палка —
а они
сжимаются
в стальной дисциплине!
Мистеры,
у вас
практикуется исстари
деньгой
окупать
строительный норов.
Вы
не поймете,
пухлые мистеры,
корни
рвения
наших коммунаров.
Буржуи,
дивитесь
коммунистическому берегу —
на работе,
в аэроплане,
в вагоне
вашу
быстроногую
знаменитую Америку
мы
и догоним
и перегоним.

[*1929*]

ДВА ОПИУМА

Вливали
в Россию
цари
вино да молебны,—
чтоб
вместо класса
была
дурацкая паства,
чтоб
заливать борьбу
красноголовым да хлебным,
чтоб
заливать борьбу
пожарной кишкой пьянства.
Искрестившийся народ
за бутылками
орет.
В пляс —
последняя копейка.
Пей-ка,
лей-ка
в глотку
водку.
Пей,
пока
у кабака
ляжешь
отдохнуть
от драк,

расфонаренный дурак.
С этаким ли
винолизом
выстроить
социализм?
Справиться ли
пьяным
с пятилетним планом?
Этим ли
сжать
себя
в дисциплине?
Им
не пройти
и по ровной линии!
Рабочий ответ —
нет!
В жизнь
вонзи,
строитель-класс,
трезвую волю
и трезвый глаз.
Мы
были убогими,
были
хромыми,
в покорных молитвах
горбились в храме.
Октябрь
эту рухлядь
и вымыл,
и вымел,
и выдал нам
землю
у зелени в раме.
Не сгубим
отдых
в пьяной запарке,
не водку в глотку,
а в лодку
на водах!

Смотри —
для нас
расчищаются парки,
и с флагов
сияет
«Культура и отдых».
Рабочий класс
колонны
вывел
в олимпиады
и на стадионы.
Заменим
звоном
шагов в коллективе
колоколов
идиотские звоны.
Мы
пафосом новым
упьемся до́пьяна,
вином
своих
не ослабим воль.
Долой
из жизни
два опиума —
бога
и алкоголь!

[1929]

НАДО БОРОТЬСЯ

У хитрого бога
лазеек —
много.
Нахально
и прямо
гнусавит из храма.
С иконы
глядится
Христос сладколицый.
В присказках,
в пословицах
господь славословится,
имя
богово
на губе
у убогова.
Галдят
и доныне
родители наши
о божьем
сыне,
о божьей
мамаше.
Про этого самого
хитрого бога
поются
поэтами
разные песни.

Окутает песня
дурманом, растрогав,
зовя
от жизни
лететь поднебесней.
Хоть вешай
замок
на церковные туши,
хоть все
иконы
из хаты выставь.
Вранье
про бога
в уши
и в души
пролезет
от сладкогласых баптистов.
Баптисту
замок
повесь на уста,
а бог
обернется
похабством хлыста.
А к тем,
кого
не поймать на бабца,
господь
проберется
в пищаньи скопца.
Чего мы ждем?
Или
выждать хочется,
пока
и церковь
не орабочится?!
Религиозная
гудит ерундистика,

десятки тысяч
детей
перепортив.
Не справимся
с богом
газетным листиком —
несметную
силу
выставим против.
Райской бредней,
загробным чаяньем
ловят
в молитвы
душевных уродцев.
Бога
нельзя
обходить молчанием —
с богом пронырливым
надо
бороться!

[*1929*]

В. МАЯКОВСКИЙ.
Фото. 1929 г.

СМЕНА УБЕЖДЕНИЙ

Он шел,
держась
за прутья перил,
сбивался
впотьмах
косоного.
Он шел
и орал
и материл
и в душу,
и в звезды,
и в бога.
Вошел —
и в комнате
водочный дух
от пьяной
перенагрузки,
назвал
мимоходом
«жидами»
двух
самых
отъявленных русских.
Прогромыхав
в ночной тишине,
встряхнув
семейное ложе,
миролюбивой
и тихой жене

скулу
на скулу перемножил.
В буфете
посуду
успев истолочь
(померяться
силами
не с кем!),
пошел
хлестать
любимую дочь
галстуком
пионерским.
Свою
мебелишку
затейливо спутав
в колонну
из стульев
и кресел,
коптилку-
лампадку
достав из-под спуда,
под матерь,
под божью
подвесил.
Со всей
обстановкой
в ударной вражде,
со страстью
льва холостого
сорвал
со стены
портреты вождей
и кстати
портрет Толстого.
Билет
профсоюзный
изодран в клочки,
ногою
бушующей
попран,

и в печку
с размаха
летят значки
Осавиахима
и МОПРа.
Уселся,
смирив
возбужденный дух, —
небитой
не явится личности ли?
Потом
свалился,
вымолвив:
«Ух,
проклятые черти,
вычистили!!!»

[1929]

ПРИМЕР, НЕ ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

Тем, кто поговорили и бросили

Все —
в ораторском таланте.
Пьянке —
смерть без колебания.
Это
заседает
анти-
алкогольная компания.
Кулаком
наотмашь
в грудь
бьют
себя
часами кряду.
«Чтобы я?
да как-нибудь?
да выпил бы
такого яду?!»
Пиво —
сгинь,
и водка сгинь!
Будет
сей порок
излечен.

Уменьшает
он
мозги,
увеличивая
печень.
Обсудив
и вглубь
и вдоль,
вырешили
всё
до толики:
де —
ужасен алкоголь,
и —
ужасны алкоголики.
Испершив
речами
глотки,
сделали
из прений
вывод,
что ужасный
вред
от водки
и ужасный
вред от пива...
Успокоившись на том,
выпив
чаю
10 порций,
бодро
вылезли
гуртом
яростные
водкоборцы.
Фонарей
горят
шары,
в галдеже
кабачный улей,

и для тени
от жары
водкоборцы
завернули...

Алкоголики,—
воспряньте!
Неуместна
ваша паника!
гляньте —
пиво хлещет
анти-
алкогольная компанийка.

[*1929*]

ПЕРВЫЙ ИЗ ПЯТИ

Разиньте
ширe
глаза раскаленные,
в газету
вонзайте
зрачков резцы.
Стройтесь в ряды!
Вперед, колонны
первой
армии
контрольных цифр.
Цифры выполнения,
вбивайте клинья,
цифры повышений,
выстраивайтесь, стройны!
Выше взбирайся,
генеральная линия
индустриализации
Советской страны!
Множьтесь, единицы,
в грабли и вилы.
Перед нулями
станьте на-караул.
Где вы,
неверы,
нытики-скулилы —
Ау?..

Множим
колес
маховой оборот.
Пустыри
тракторами слизываем!
Радуйтесь
шагу
великих работ,
строящие
социализм!
Сзади
оставляя
праздников вышки,
речку времени
взрезая вброд,—
непрерывно,
без передышки
вперед!
Расчерчивайся
на душе у пашен,
расчерчивайся
на грудище города,
гори
на всем
трудящемся мире,
лозунг:
«Пятилетка —
в 4 года!»
В четыре!
В четыре!
В четыре!

[*1929*]

В 12 ЧАСОВ ПО НОЧАМ

Прочел:
«Почила в бозе...»
Прочел
и сел
в задумчивой позе.
Неприятностей этих
потрясающее количество.
Сердце
тоской ободрано.
А тут
еще
почила императрица,
государыня
Мария Феодоровна.
Париж
печалью
ранен...
Идут князья и дворяне
в храм
на «рю
Дарю».
Старухи...
наружность жалка...
Из бывших
фрейлин
мегеры
встают,
волоча шелка...

За ними
в мешках-пиджаках
из гроба
встают камергеры.
Где
ваши
ленты андреевские?
На помочи
лент отрезки
пошли,
штаны волоча...
Скрываясь
от лапм
от резких,
в одном лишь
лы́синном блеске,
в двенадцать
ч а с о в
ПО НОЧАМ
из гроба,
тише, чем мыши,
мундиры
пропив и прожив,
из гроба
выходят «бывшие»
сенаторы
и пажи.
Наморщенные,
как сычи,
встают
казаки-усачи,
а свыше
блики
упали
на лики
их
вышибальи.
Ссыпая
песок и пыль,
из общей
могилы братской

выходят
чины и столпы
России
императорской...
Смотрю
на скопище это.
Явились...
сомнений нет,
они
с того света...
или
я
на тот свет.
На кладбищах
не пляшут лихо...
Но не буду
печаль корчить.
Королевы
и королихи,
становитесь в очередь.

[*1929*]

ПОМНИТЕ!

Плохая
погодка
у нас на Ламанше.
У нас
океан
рукавом как замашет —
пойдет взбухать
водяная квашня.
Людям —
плохо.
Люди — тошнят.
Люди —
скисли.
И осатанели.
Люди
изобретают тоннели.
Из Франции в Англию
корректно,
парадно
ходите
пешком
туда и обратно.
Идешь
под ручку —
невеста и ты,
а над тобой
проплывают киты.

Кафе.
Оркестр
фокстротит игру.
А сверху
рыбки
мечут икру.
Под аркой,
где свет электрический множится,
лежит,
отдыхая,
мать-осьминожица.
Пялятся
в планы
предприниматели,—
каждый смотрит,
глазаст и внимателен.
Говорит англичанин:
«Напрасный труд —
к нам
войной
французы попрут».
Говорит француз:
«Напрасный труд —
к нам
войной
англичане попрут».
И оба
решили,
идею кроша:
«На этот план
не дадим ни гроша».
И
изобретатель
был похоронен.

Он не подумал
об их обороне.

Изобретатели,
бросьте бредни

о беспартийности
изобретений.
Даешь —
изобретения,
даешь —
науку,
вооружающие
пролетарскую руку.

[*1929*]

ПТИЧКА БОЖИЯ

Он вошел,
склонясь учтиво.
Руку жму.
— Товарищ —
сядьте!
Что вам дать?
Автограф?
Чтиво?
— Нет.
Мерси вас.
Я —
писатель.
— Вы?
Писатель?
Извините.
Думал —
вы пижон.
А вы...
Что ж,
прочтите,
зазвените
грозным
маршем
боевым.
Вихрь идей
у вас,
должно быть.

Новостей
у вас
вагон.
Что ж,
пожалте в уха в оба.
Рад товарищу. —
А он:
— Я писатель.
Не прозаик.
Нет.
Я с музами в связи. —
Слог
изыскан, как борзая.
Сконапель
ля поэзй.
На затылок
нежным жестом
он
кудрей
закинул шелк,
стал
барашком златошерстым
и заблеял,
и пошел.
Что луна, мол,
над долиной,
мчит
ручей, мол,
по ущелью.
Тинтидликал
мандолиной,
дундудел виолончелью.
Нимб
обвил
волосьев копны.
Лоб
горел от благородства.
Я терпел,
терпел
и лопнул

и ударил
лапой
об стол.
— Попрошу вас
покороче.
Бросьте вы
поэта корчить!
Посмотрю
с лица ли,
сзади ль,
вы тюльпан,
а не писатель.
Вы,
над облаками рея,
птица
в человечий рост.
Вы, мусье,
из канареек,
чижик вы, мусье,
и дрозд.
В испытанье
битв
и бед
с вами,
што ли,
мы
полезем?
В наше время
тот —
поэт,
тот —
писатель,
кто полезен.
Уберите этот торт!
Стих даешь —
хлебов подвозу.
В наши дни
писатель тот,
кто напишет
марш
и лозунг!

[1929]

СТИХИ О ФОМЕ

Мы строим коммуну,
и жизнь
сама
трубит
наступающей эре.
Но между нами
ходит
Фома
и он
ни во что не верит.
Наставь
ему
достижений любых
на каждый
вкус
и вид,
он лишь
тебе
половину губы
на достиженья —
скривит.
Идем
на завод
отстроенный
мы —
смирись
перед ликом
факта.

Но скептик
смотрит
глазами Фомы:
— Нет, что-то
не верится как-то. —
Покажешь
Фомам
вознесенный дом
и ткнешь их
и в окна,
и в двери.
Ничем
не расцветятся
лица у Фом.
Взглянут —
и вздохнут:
«Не верим!»
Послушайте,
вы,
товарищ Фома!
У вас
повадка плохая.
Не надо
очень
большого ума,
чтоб все
отвергать
и хаять.
И толк
от похвал,
разумеется, мал.
Но слушай,
Фоминая шатия!
Уж мы
обойдемся
без ваших похвал —
вы только
труду не мешайте.

[*1929*]

Я СЧАСТЛИВ!

Граждане,
у меня
огромная радость.
Разулыбьте
сочувственные лица.
Мне
обязательно
поделиться надо,
стихами
хотя бы
поделиться.
Я
сегодня
дышу как слон,
походка
моя
легка,
и ночь
пронеслась,
как чудесный сон,
без единого
кашля и плевка.
Неизмеримо
выросли
удовольствий дозы.
Дни осени —
баней воняют,
а мне
цветут,
извините,—
розы,

и я их,
представьте,
обоняю.
И мысли
и рифмы
покрасивели
и особенные,
аж вытаращит
глаза
редактор.
Стал вынослив
и работоспособен,
как лошадь
или даже —
трактор.
Бюджет
и желудок
абсолютно превосходен,
укреплен
и приведен в равновесие.
Стопроцентная
экономия
на основном расходе —
и поздоровел
и прибавил в весе я.
Как будто
на язык
за кусом кус
кладут
воздушнейшие торта —
такой
установился
феерический вкус
в благоуханных
апартаментах
рта.
Голова
снаружи
всегда чиста,
а теперь
чиста и изнутри.

В день
придумывает
не меньше листа,
хоть Толстому
ноздрю утри.
Женщины
окружили,
платья испестря,
все
спрашивают
имя и отчество,
я стал
определенный
весельчак и остряк —
ну просто —
душа общества.
Я
порозовел
и пополнел в лице,
забыл
и гриппы
и кровать.
Граждане,
вас
интересует рецепт?
Открыть?
или...
не открывать?
Граждане,
вы
утомились от жданья,
готовы
корить и крыть.
Не волнуйтесь,
сообщаю:
граждане —
я
сегодня —
бросил курить.

[1929]

МЫ

Мы —
Эдисоны
невиданных взлетов,
энергий
и светов.
Но главное в нас —
и это
ничем не засло́нится, —
главное в нас
это — наша
Страна советов,
советская воля,
советское знамя,
советское солнце.
Внедряйтесь
и взлетайте
и вширь
и ввысь.
Взвивай,
изобретатель,
рабочую
мысль!
С памятник ростом
будут
наши капусты
и наши моркови,

будут лучшими в мире
наши
коровы
и кони.
Массы —
плоть от плоти
и кровь от крови,
мы
советской деревни
титаны Маркони.
Пошла
борьба
и в знании,
класс
на класс.
Дострой
коммуны здание
смекалкой
масс.
Сонм
электростанций,
зажгись
пустырями сонными.
Спрессуем
в массовый мозг
мозга
людские клетки.
Станем гигантскими,
станем
невиданными Эдисонами
и пяти-,
и десяти-,
и пятидесятилетки.
Вредителей
предательство
и белый
знаний
лоск
забей
изобретательством,

рабочий
мозг.
Мы —
Маркони
гигантских взлетов,
энергий
и светов,
но главное в нас —
и это
ничем не заслóнится, —
главное в нас,
это — наша
Страна советов,
советская стройка,
советское знамя,
советское солнце.

[*1929*]

ДАЕШЬ!

У города
          страшный вид,—
город —
          штыкастый еж.
Дворцовый
               Питер
                         обвит
рабочим приказом —
                              «Даешь!»
В пули,
          ядерный град
Советы
          обляпавший сплошь,
белый
     бежал
               гад
от нашего слова —
                              «Даешь!»
Сегодня
          вспомнишь,
                              что сон,
дворцов
          лощеный салон.
Врага
     обломали угрозу —
и в стройку
               перенесен
громовый,
          набатный лозунг.

Коммуну
вынь да положь,
даешь
непрерывность хода!
Даешь пятилетку!
Даешь —
пятилетку
в четыре года!
Этот лозунг
расти
и множь,
со знамен
его
размаши,
и в ответ
на это
«Даешь!»
шелестит
по совхозам
рожь,
и в ответ
на это
«Даешь!»
отзывается
гром
машин.
Смотри,
любой
маловер
и лгун,
пришипься,
правая ложь!
Уголь,
хлеба,
железо,
чугун
даешь!
Даешь!
Даешь!

[1929]

ОКТЯБРЬСКИЙ МАРШ

В мире
яснейте
рабочие лица,—
лозунг
и прост
и прям:
надо
в одно человечество
слиться
всем —
нам,
вам!
Сами
жизнь
и выжнем и выкуем.
Стань
электричеством,
пот!
Самый полный
развей непрерывкою
ход,
ход,
ход!
Глубже
и шире,
темпом вот эдаким!
Крикни,
победами горд —

«Эй,
сэкономим на пятилетке
год,
год,
год!»
Каждый,
которому
хочется очень
горы
товарных груд,—
каждый
давай
стопроцентный,
без порчи
труд,
труд,
труд!
Сталью
блестят
с генеральной стройки
сотни
болтов и скреп.
Эй,
подвезем
работникам стойким
хлеб,
хлеб,
хлеб!
В строгое
зеркало
сердцем взглянем,
счистим
нагар
и шлак.
С партией в ногу!
Держи
без виляний
шаг,
шаг,
шаг!

Больше
комбайнов
кустарному лугу,
больше
моторных стай!
Сталь и хлеб,
железо и уголь
дай,
дай,
дай!
Будем
в труде
состязаться и гнаться.
Зря
не топчись
и не стой!
Так же вымчим,
как эти
двенадцать,
двадцать,
сорок
и сто!
В небо
и в землю
вбивайте глаз свой!
Тишь ли
найдем
над собой?
Не прекращается
злой
и классовый
бой,
бой,
бой!
Через года,
через дюжины даже,
помни
военный
строй!

Дальневосточная,
зорче
на страже
стой,
стой,
стой!
В мире
яснейте
рабочие лица,—
лозунг
и прост
и прям:
надо
в одно человечество
слиться
всем —
нам,
вам.

[*1929*]

РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.

Из разговора.

По небу
тучи бегают,
дождями
сумрак сжат,
под старою
телегою
рабочие лежат.
И слышит
шепот гордый
вода
и под
и над:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Темно свинцовоночие,
и дождик
толст, как жгут,

В. Маяковский на выставке «20 лет работы Маяковского».

сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промозглость
корчею —
неважный
мокр
уют,
сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб
жуют.
Но шепот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!
Здесь
взрывы закудахтают

в разгон
          медвежьих банд,
и взроет
          недра
                    шахтою
стоугольный
                    «Гигант».
Здесь
     встанут
          стройки
                    стенами.
Гудками,
          пар,
               сипи.
Мы
   в сотню солнц
                    мартенами
воспламеним
               Сибирь.
Здесь дом
          дадут
               хороший нам
и ситный
          без пайка,
аж за Байкал
               отброшенная
попятится тайга».
Рос
   шепоток рабочего
над темью
          тучных стад,
а дальше
          неразборчиво,
лишь слышно —
                    «город-сад».
Я знаю —
          город
               будет,

я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

[*1929*]

ЛОЗУНГИ ПО КИМу

Стекайтесь,
кепки и платки,
каждый,
кто в битве надежен!
Теснее
сплачивай,
КИМ,
плечи
мировой молодежи!
С нового ль,
старого ль света,
с колоний
забитых
тащишься ль,
помни:
Страна советов —
родина
всех трудящихся.
КИМ —
лучших отбор,
фашисты —
худших сброд.
Красные,
готовьте отпор
силе
черных рот!
На Западе
капитал — западня.

Всей
молодой голытьбой
поставим
в порядок дня
атаку,
штурм,
бой!
Повтори
сто двадцать крат,
на знаменах
лозунгом выставь,—
что шелковый
социал-демократ
не лучше
мясников-фашистов.
Интернационалом
крой,—
забьет голосина
(не маленький!)
нежноголосый рой
сынков
капитала-маменьки.
Не хвастаясь
и не крича,
соревнуясь
ударней,
упорней,
выкорчевывай
по завету Ильича
капитала
корявые корни.
Работа
трудна и крута...
Долой
разгильдяйскую слизь!
Вздымай
производительность труда:
себестоимость
срежь,
снизь!

Время
        идет не скоро.
Год
    с пятилетки
              скиньте-ка.
Из КИМа
         вон
           паникеров!
Вон
    из КИМа
           нытиков!
Стекайтесь,
         кепки и платки,
каждый,
       кто в битве надежен!
Теснее
      сплачивай,
              КИМ,
плечи
     мировой молодежи.

[*1929*]

ОТРЕЧЕМСЯ

Дом за домом
крыши вздымай,
в небо
трубы
вверти!
Рабочее тело
хольте дома,
тройной
кубатурой
квартир.
Квартирка
нарядная,
открывай парадное!
Входим —
и увидели:
вид —
удивителен.
Стена —
в гвоздях.
Утыкали ее.
Бушуйте
над чердаками,
зи́мы,—
а у нас
в столовой
висит белье
гирляндой
разных невыразимых.

Изящно
сплетая
визголосие хоровое,
надрывают
дети
силенки,
пока,
украшая
отопление паровое,
испаряются
и высыхают
пеленки.
Уберись во-свояси,
гигиена незваная,
росой
омывайте глаза.
Зачем нам ванная?!
Вылазит
из ванной
проживающая
в ванне
коза.
Форточки заперты:
«Не отдадим
вентиляции
пот
рабочих пор!»
Аж лампы
сквозь воздух,
как свечи, фитилятся,
хоть вешай
на воздух
топор.
Потолок
в паутинных усах.
Голова
от гудения
пухнет.
В четыре глотки
гудят примуса

на удивление
газовой кухне.
Зажал
топор
папашин кулачи́на,—
из ноздрей
табачные кольца,—
для самовара
тонкая лучина
папашей
на паркете
колется.
Свезенной
невыбитой
рухляди скоп
озирает
со шкафа
приехавший клоп:
«Обстановочка ничего —
годится.
Начнем
размножаться и плодиться».

Мораль
стиха
понятна сама,
гвоздями
в мозг
вбита:
— Товарищи,
переезжая
в новые дома,
отречемся
от старого быта!

Москва 22—23 ноября 1929 г.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Огромные вопросищи,
огромней слоних,
страна
решает
миллионнолобая.
А сбоку
ходят
индивидумы,
а у них
мнение обо всем
особое.
Смотрите,
в ударных бригадах
Союз,
держат темп
и не ленятся,
но индивидум в ответ:
«А я
остаюсь
при моем,
особом мненьице».
Мы выполним
пятилетку,
мартены воспламеня,
не в пять годов,
а в меньше,
но индивидум
не верит:
«А у меня

имеется, мол,
особое мненьице».
В индустриализацию
льем заем,
а индивидум
сидит в томлении
и займа не покупает
и настаивает на своем
собственном,
особенном мнении.
Колхозим
хозяйства
бедняцких масс,
кулацкой
не спугнуты
злобою,
а индивидумы
шепчут:
«У нас
мнение
имеется
особое».
Субботниками
бьет
рабочий мир
по неразгруженным
картофелям и поленьям,
а индивидумы
нам
заявляют:
«Мы
посидим
с особым мнением».
Не возражаю!
Консервируйте
собственный разум,
прикосновением
ничьим
не попортив,

но тех,
кто в работу
впрягся разом,—
не оттягивайте
в сторонку
и напротив.
Трясина
старья
для нас не годна —
ее
машиной
выжжем до дна.
Не втыкайте
в работу
клинья,—
и у нас
и у массы
и мысль одна
и одна
генеральная линия.

[*1929*]

НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ?

Растет
курьерский
строительный темп.
В бригадах
в ударных —
тыщи.
И лишь,
как рак на мели,
без тем
прозаик
уныло свищет.
Отмашем
в четыре
пятерку лет,
но этого
мало поэту.
В затылок
в кудластый
скребется поэт,
а тем
под кудрею —
и нету.
Обрезовой
пулей
сельскую темь
кулак
иссверлил, неистов.
Но, видите ли,
не имеется тем
у наших
у романистов.

В две чистки
сметаем
с республики
сор,
пинок
и рвачу
и подлизе,
а тут
у рампы
грустит режиссер —
мол, нету
ни тем,
ни коллизий.
Поэт,
и прозаик,
и драмщик зачах,
заждались
муз поприблудней.
Сынам ли
муз
корпеть в мелочах
каких-то
строительных будней?
Скоро
и остатки
русалочных воспоминаний
изэлектричат
и Днепры
и Волховы,—
а искусство
живет еще
сказками няни,
идущими
от царей гороховых.
«Он» и «она»,
да «луна»,
да плюс —
фон
из революционных
героев и черни...

Литература
и ноет,
и пухнет, как флюс,
и кажется,
посмотрю,
прочту —
и утоплюсь
от скуки
и от огорчений.
Слезайте
с неба,
заоблачный житель!
Снимайте
мантии древности!
Сильнейшими
узами
музу ввяжите,
как лошадь,—
в воз повседневности.
Забудьте
про свой
про сонет да про опус,
разиньте
шире
глаз,
нацельте
его
на фабричный корпус,
уставьте
его
на стенгаз!
Простите, товарищ,
я выражусь грубо,—
но землю
облапьте руками,
чтоб трубадуры
не стали
«трубо...
раз-
трубо-дураками».

[*1929*]

СТИХ КАК БЫ ШОФЕРА

Граждане,
мне
начинает казаться,
что вы
недостойны
индустриализации.
Граждане дяди,
граждане тети,
Автодора ради —
куда вы прете?!
Сто́ит
машине
распрозаявиться —
уже
с тротуара
спорхнула девица.
У автомобильного
у колесика
остановилась
для пудрения носика.
Объедешь мостовою,
а рядом
на лужище
с «Вечерней Москвою»
встал совторгслужащий.

Брови
поднял,
из ноздри —
волосья.
«Что
сегодня
идет
в «Коло́ссе»?
Объехали этого,
других догнали.
Идут
какие-то
две канальи.
Трепать
галоши
походкой быстрой ли?
Не обернешь их,
и в ухо
выстрелив.
Спешишь —
не до шуток! —
и с прытью
с блошиною
в людской
в промежуток
вопьешься машиною.
И упрется
радиатор
в покидающих театр.
Вам ехать надо?
Что ж с того!
Прижат
мужчина к даме,
идут
по пузу мостовой
сомкнутыми рядами.
Во что лишь можно
(не язык —
феерия!)

в момент
обложена
вся шоферия.
Шофер
столкновеньям
подвел итог:
«Разинь
гудок ли уймет?!
Разве
тут
поможет гудок?!
Не поможет
и
пулемет».

Чтоб в эту
в самую
в индустриализацию
веры
шоферия
не теряла,
товарищи,
и в быту
необходимо взяться
за перековку
человеческого материала.

[1929]

ДАЕШЬ МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ!

Пусть ропщут поэты,
слюною плеща,
губою
презрение вызмеив.
Я,
душу не снизив,
кричу о вещах,
обязательных при социализме.

«Мне, товарищи,
этажи не в этажи —
мне
удобства подай.
Мне, товарищи,
хочется жить
не хуже,
чем жили господа.
Я вам, товарищи,
не дрозд
и не синица,
мне
и без этого
делов массу.
Я, товарищи,
хочу возноситься,

как подобает
господствующему классу.
Я, товарищи,
из нищих вышел,
мне
надоело
в грязи побираться.
Мне бы, товарищи,
жить повыше,
у самых
солнечных
протуберанцев.
Мы, товарищи,
не лошади
и не дети —
скакать
на шестой,
поклажу взвалив?!
Словом,—
во-первых,
во-вторых,
и в-третьих,—
мне
подавайте лифт.
А вместо этого лифта
мне —
прыгать —
работа трехпотая!
Черным углем
на белой стене
выведено криво:
«Лифт
НЕ
работает».
Вот так же
и многое
противно глазу.—
Примусá, например?!
Дорогу газу!

Поработав,
желаю
помыться сразу.
Бегай —
лифт мошенник!
Словом,
давайте
материальную базу
для новых
социалистических отношений».

Пусть ропщут поэты,
слюною плеща,
губою
презрение вызмеив.
Я,
душу не снизив,
кричу о вещах,
обязательных
при социализме.

[*1929*]

ПРОЛЕТАРКА,
ПРОЛЕТАРИЙ,
ЗАХОДИТЕ В ПЛАНЕТАРИЙ

Войдешь
и слышишь
умный гуд
в лекционном зале.
Расселись зрители
и ждут,
чтоб небо показали.
Пришел
главнебзаведующий,
в делах
в небесных
сведущий.
Пришел,
нажал
и завертел
весь
миллион
небесных тел.
Говорит папаше дочь:
«Попроси
устроить ночь.
Очень
знать нам хочется,
звездная Медведица,
как вам
ночью
ходится,

как вам
ночью ездится!»
Завнебом,
пальчиком ведя,
покажет
звездомедведя.
Со звездою
в осень
скупо.

Здесь же
вызвездило купол.
Не что-нибудь,
не как-нибудь,
а ночь как ночь
и Млечный Путь.

И тут,
и сбоку,
и везде —

небесный свод
в сплошной звезде.

Как примус,
примутся мерцать,

спаля
влюбленные сердца.
Завнебом
вежливо спросили:
«Какие звезды
над Бразилией?»

Зажег
завнебом
Южный Крест,
невиданнейший
с наших мест.

Светят,
как миленькие,
небесные
светильники.

Аж может устроить
любая горничная
затмение лунное
и даже
солнечное.
Умри, поповья погань!
Побыв
в небесных сферах,
мы знаем —
нету бога
и нету
смысла
в верах.

Должен
каждый пролетарий
посмотреть
на планетарий.

[*1929*]

ПОСЛЕДНИЙ КРИК

О, сколько
женского народу
по магазинам
рыскают
и ищут моду,
просят моду,
последнюю
парижскую.
Стихи поэта
к вам
нежны,
дочки
и мамаши.
Я понимаю —
вам нужны
чулки,
платки,
гамаши.
Склонились
над прилавком ивой,
перебирают
пальцы
платьице,
чтоб очень
было бы
красивое
и чтоб
совсем не очень
тратиться.
Но несмотря
на нежность сильную,

остановлю вас,
тих
и едок:
— Оно
на даму
на субтильную,
для
буржуазных дармоедок.
А с нашей
красотой суровою
костюм
к лицу
не всякий ляжет,
мы
часто
выглядим коровою
в купальных трусиках
на пляже.
Мы выглядим
в атласах —
репою...
Забудьте моду!
К черту вздорную!
Одежду
в Москвошвее
требуй
простую,
легкую,
просторную.
Чтоб Москвошвей
ответил:
«Нате!
Одежду
не найдете проще —
прекрасная
и для занятий
и для гуляний
с милым
в роще».

[*1929*]

НЕ УВЛЕКАЙТЕСЬ НАМИ

Если тебе
«корова» имя,
у тебя
должны быть
молоко
и вымя.
А если ты
без молока
и без вымени,
то черта ль в твоем
в коровьем имени!
Это
верно и для художника
и для поэта.
Есть их работа
и они сами:
с бархатными тужурками,
с поповскими волссами.
А если
только
сидим в кабаке мы,
это носит
names «богемы».
На длинные патлы,
на звонкое имя
прельстясь,
комсомолец
ныряет пивными.

И вот
в комсомольце
срывается голос,
бубнят в пивных
декадентские дятлы.
И вот
оседает
упрямый волос,
спадают паклей
поповские патлы,
и комсомольская
твердая мысль
течет,
расслюнившись
пивом трехгорным,
и от земли
улетают ввысь
идеализма
глупые вороны.
Если тебе —
комсомолец имя,
имя крепи
делами своими.
А если гниль
подносите вы мне,
то черта ль в самом
звенящем имени!

[*1929*]

ЛЮБИТЕЛИ ЗАТРУДНЕНИЙ

Он любит шептаться,
хитер да тих,
во всех
городах и селеньицах:
«Тс-с, господа,
я знаю —
у них
какие-то затрудненьица».
В газету
хихикает,
над цифрой трунив:
«Переборщили,
замашинив денежки.
Тс-с, господа,
порадуйтесь —
у них
какие-то
такие затрудненьишки».
Усы
закручивает,
весел и лих:
«У них
заухудшился день еще.
Тс-с, господа,
подождем —
у них
теперь
огромные затрудненьища».

Собрав
шептунов,
врунов
и вруних,
переговаривается
орава:
«Тс-с-с, господа,
говорят,
у них
затруднения.
Замечательно!
Браво!»
Затруднения одолеешь,
сбавляет тон,
переходит
от веселия
к грусти.
На перспективах
живо
наживается он —
он
своего не упустит.
Своего не упустит он,
но зато
у другого
выгрызет лишек,
не упустит
уставиться
в сто задов
любой
из очередишек.
И вылезем лишь
из грязи
и тьмы —
он первый
придет, нахален,
и, выпятив грудь,
раззаявит:
«Мы
аж на тракторах —
пахали!»

Республика
одолеет
хозяйства несчастья,
догонит
наган
врага.
Счищай
с путей
завшивевших в мещанстве,
путающихся
у нас
в ногах!

[*1929*]

СТИХОТВОРЕНИЕ ОДЕЖНО-МОЛОДЕЖНОЕ

В известном октябре
известного годика
у мадам
реквизнули
шубку из котика.
Прождав Колчака,
оттого и потом
простилась
мадам
со своим мантом.
Пока
добивали
деникинцев кучки,
мадам
и жакет
продала на толкучке.
Мадам ожидала,
дождаться силясь,
и туфли,
глядишь,
у мадам износились.
Мадамью одежу
для платья удобного
забыли мы?
Ничего подобного!
Рубли
завелись
у рабочей дочки,
у пролетарки
в красном платочке.

Пошла в Мосторг.
В продающем восторге
ей
жуткие туфли
всучили в Мосторге.
Пошла в Москвошвей —
за шубкой,
а там ей
опять
преподносят
манто мадамье.
В Тэжэ завернула
и выбрала красок
для губок,
для щечек,
для бровок,
для глазок.
Из меха —
смех
накрашенным ротиком.
А шубка
не котик,
так — вроде котика.
И стал
у честной
рабочей дочки
вид,
что у дамы
в известном годочке.
Москвошвей —
залежались
котики и кошки.
В руки
моды
вожжи!
Не по одежке
протягивай ножки,
а шей
одежи
по молодежи.

[*1930*]

МАРШ УДАРНЫХ БРИГАД

Вперед
тракторами по целине!
Домны
коммуне
подступом!
Сегодня
бейся, революционер,
на баррикадах
производства.
Раздувай
коллективную
грудь-меха,
лозунг
мчи
по рабочим взводам.
От ударных бригад
к ударным цехам
от цехов
к ударным заводам.
Вперед,
в египетскую
русскую темь,
как
гвозди,
вбивай
лампы!
Шаг держи!
Не теряй темп!

Перегнать
пятилетку
нам бы.
Распрабабкиной техники
скидывай хлам.
Днепр,
турбины
верти по заводьям.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам.
Вперед!
Коммуну
из времени
вод
не выловишь
золото-рыбкою.
Накручивай,
наворачивай ход
без праздников —
непрерывкою.
Трактор
туда,
где корпела соха,
хлеб
штурмуй
колхозным
походом.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам.
Вперед
беспрогульным
гигантским ходом!
Не взять нас
буржуевым гончим!
Вперед!
Пятилетку
в четыре года

выполним,
вымчим,
закончим.
Электричество
лей,
река-лиха!
Двигай фабрики
фырком зловодым.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам.
Энтузиазм,
разрастайся и длись
фабричным
сиянием радужным.
Сейчас
подымается социализм
живым,
настоящим,
правдошним.
Этот лозунг
неси
бряцаньем стиха,
размалюй
плакатным разводом.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов —
к ударным заводам.

[*1930*]

ТРЕВОГА

Сорвете производство —
пятилетку провороните.
Гудки,
гудите
во все пары.
На важнейшем участке,
на важнейшем фронте —
опасность,
отступление,
прорыв.
Враг
разгильдяйство
не сбито начисто.
Не дремлет
неугомонный враг.
И вместо
высокого,
настоящего качества —
порча,
бой,
брак.
Тонет
борьба,
в бумажки канув.
Борьбу
с бюрократом
ставьте на ноги.
Не дадим,
чтоб для каких-то
бюрократов-болванов

ухудшилось
качество
болванки.
Поход
на себестоимость
заводами начат,
скоро ль
на лопатки
цены положите?
Цены
металлов
прыгают и скачут,
скачут
вверх,
как хорошие лошади.
Брось
не скрепленное
делом
пустословие!
Не сиди
у инструкций в тени.
Чем жаловаться
на
«объективные условия»,
сам
себя подтяни.
Назвался
«ударник»
и ждешь оваций.
Слова —
на кой они лях!
Товарищ,
выйди
соревноваться
не в вызовах,
а
в делах.
Партиец,
не жалуйся
на свое неуменье,

задумайся,
профсоюзная головка.
Срыв
промфинплана
преступен
не менее,
чем спячка
в хлебозаготовках.
Кривая прогулов
снизилась,
спала.
Заметно
и простому глазу.
Но мало того,
что прогулов мало! —
И труд
используй
до отказу.
Сильным
средством
лечиться надо,
наружу
говор скрытненький!
Примите
против
внутренних неполадок
внутреннее
лекарство
самокритики.
Иди,
работа,
ровно и планно.
Разводите
все пары!
В прорванных
цифрах
промфинплана
забьем,
заполним прорыв!

[1930]

ЭПИГРАММЫ

БЕЗЫМЕНСКОМУ

Томов гробóвых
камень веский,
на камне надпись —
«Безыменский».
Он усвоял
наследство дедов,
столь сильно
въевшись
в это едово,
что слег
сей вридзам Грибоедов
от несваренья грибоедова.
Трехчасовой
унылый «Выстрел»
конец несчастного убыстрил.

АДУЕВУ

Я скандалист!
Я не монах.
Но как
под ноготь
взять Адуева?
Ищу
у облака в штанах,
но как
в таких штанах найду его?

СЕЛЬВИНСКИЙ

Чтоб желуди с меня
удобней воровать,
поставил под меня
и кухню и кровать.
Потом переиздал, подбавив собственного сала.
А дальше —
слово
товарища Крылова:
«И рылом
подрывать
у дуба корни стала».

БЕЗЫМЕНСКОМУ

Уберите от меня
этого
бородатого комсомольца!—
Десять лет
в хвосте семеня,
он
на меня
или неистово молится,
или
неистово
плюет на меня.

УТКИНУ

О бард,
сгитарьте тарарайра нам!
Не вам
строчить
агитки хламовые.
И бард поет,
для сходства с Байроном
на русский
на язык
прихрамывая.

ГАНДУРИНУ

Подмяв моих комедий глыбы,
сидит Главрепертком Гандурин.
— А вы ноктюрн сыграть могли бы
на этой треснувшей бандуре?

[*1930*]

ЛЕНИНЦЫ

Если
блокада
нас не сморила,
если
не сожрала
война горяча —
это потому,
что примером,
мерилом
было
слово
и мысль Ильича.

— Вперед
за республику
лавой атак!
На первый
военный клич!—
Так
велел
защищаться
Ильич.
Втрое,
каждый
станок и верстак,

работу
свою
увеличь!
Так
велел
работать
Ильич.
Наполним
нефтью
республики бак!
Уголь,
расти от добыч!
Так
работать
велел Ильич.
«Снижай себестоимость,
выведи брак!» —
гудков
вызывает
зыч,—
так
работать
звал Ильич.
Комбайном
на общую землю наляг.
Огнем
пустыри расфабричь!
Так
Советам
велел Ильич.
Сжимай экономией
каждый пятак.
Траты
учись стричь,—
так
хозяйничать
звал Ильич.
Огнями ламп
просверливай мрак,
республику
разэлектричь,—

так
велел
рассветиться
Ильич.
Религия — опиум,
религия — враг,
довольно
поповских притч,—
так
жить
велел Ильич.
Достань
бюрократа
под кипой бумаг,
рабочей
ярости
бич,—
так
бороться
велел Ильич.
Не береги
от критики
лак,
чин
в оправданье
не тычь,—
так
велел
держаться
Ильич.
«Слева»
не рви
коммунизма флаг,
справа
в уныньи не хнычь,—
так
идти
наказал Ильич.
Намордник фашистам!
Довольно
собак

спускать
на рабочую «дичь»!
Так
велел
наступать Ильич.

Не хнычем,
а торжествуем
и чествуем.
Ленин с нами,
бессмертен и величав,
по всей вселенной
ширится шествие —
мыслей,
слов
и дел Ильича.

[*1930*]

Во весь
медногорлый
гудочный клич,
всеми
раскатами
тракторного храпа,
тебе,
товарищ
Владимир Ильич,
сегодня
республика
делает рапорт.
Новь
пробивается
во все углы.
Строй старья —
разболтан.
Обещаем тебе,
работники иглы,
работники серпа
и молота:
— Мы счистим подлиз
и вредителей слизь,
мы труд
разупорствуем
втрое,
но твой
человеческий
социализм
на всей
планете
построим!

[*1930*]

МАРШ ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТЫСЯЧ

Мы выбили
белых
орлов да ворон,
в боях
по степям пролетали.
На новый
ржаной
недосеянный фронт —
сегодня
вставай, пролетарий.
Довольно
по-старому
землю копать
да гнуть
над сохою
спини́щи.
Вперед, 25!
Вперед, 25!
Стальные
рабочие тыщи.
Не жди,
голодая,
кулацких забот,
не жди
избавления с неба.
Колхоз
голодуху
мешками забьет,

мешками
советского хлеба.
На лошадь
стальную
уверенно сядь,
на пашне
пыхти, тракторище.
Вперед, 25!
Вперед, 25!
Стальные
рабочие тыщи.
Батрак
и рабочий —
по крови родня,
на фронте
смешались костями.
Рабочий,
батрак,
бедняк
и средняк —
построим
коммуну крестьян мы.
Довольно
деревне
безграмотной спать
да богу
молиться о пище.
Вперед, 25!
Вперед, 25!
Стальные
рабочие тыщи.
Враги наступают,
покончить пора
с их бандой
попово-кулачьей.
Пусть в тысячи сил
запыхтят трактора
наместо
заезженной клячи.

Кулак наготове —
смотрите,
опять
с обрезом
задворками рыщет.
На фронт, 25!
Вперед, 25!
Стальные
рабочие тыщи.
Под жнейкой
машинною,
жатва, вались,—
пусть хлеб
урожаится втрое!
Мы солнечный
Ленинский социализм
на пашне
советской
построим.
Колхозом
разделаем
каждую пядь
любой
деревушки разнищей.
Вперед, 25!
Вперед, 25!
Стальные
рабочие тыщи.

[*1930*]

ПОДВОДНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ

Готовь,
рабочий молодой,
себя к военной встрече.
И на воде
и под водой —
зажми
буржуя
крепче.
Для нас
прикрыт
банкирский шкаф —
и рубль
не подзаймёте.
Сидят
на золотых мешках
Антантовские тети.
Пугая
вражьи корабли,
гудком
разиньте глотку,
на комсомольские рубли
мы
выстроим подлодку.
Гони буржуй
на рыбий пир —
у океана в яме.
Корабль
буржуевый
топи
рабочими рублями!

[1930]

ТОВАРИЩУ ПОДРОСТКУ

Попами
столетия
гудят с колоколен:
«Растите, дети,
резвитесь на воле.
Пусть ходят
плети
по спинам
голи.
Растите, дети,
резвитесь на воле.
Пусть мрак безрассветен,
пусть выкрики боли —
растите, дети,
резвитесь на воле».
Словом,
детеныш,
будьте цветочком.
Благоухайте мамаше
и —
точка!
Товарищ
второй ступени,
плюнь на такое пение!
Мы сомкнутым строем
в коммуну идем

и старые,
и взрослые,
и дети.
Товарищ подросток,
не будь дитем,
а будь —
борец
и деятель!

[*1930*]

НОВЫЙ ТИП

Нос на квинте,
щелки-глазки,
грусть в походке,
мрачный видик.
Петр Иванович Салазкин —
от природы
самокритик.
Пристает
ко всем,
сипя:
— Сбоку,
спереди гляжу ли,
должен
вам
раскрыть себя,
я —
бродяга,
вор
и жулик.
Пасть —
не пожелать врагу,—
мямлит
он
в своем кругу,
в гладь
зеркал
уныло глядя,—

с этой мордой
я
могу
зверски
превратить в рагу
даже
собственного дядю.
Разве
освещает ум
пару глазок,
тупо зрячих?
Ясно —
мне
казенных сумм
не доверишь.
Я
растрачу.
Посмотрите
мне
в глаза —
не в лицо гляжу,
а мимо.
Я,
как я уже сказал,
безусловно
подхалима!
Что за рот,—
не рот,
а щель.
Пальцы потные
червятся.
Я — холуй,
и вообще
жажду
самобичеваться.—

А на самом деле он
зря грустит,
на облик плача.

Петр Иваныч
наделен
уймой
самых лучших качеств.
Зубы — целы.
Все сполна.
Солнцем
лысина лоснится,
превосходная спина,
симпатичные
ресницы.
— Петр Иваныч,
меньше прыти,
оглядитесь,
мрачный нытик!
Нет ли
черт
приятных
сзади?
Нам ведь
нужен
самокритик,
а не
самоистязатель!

[*1930*]

ЛОЗУНГИ И РЕКЛАМА

(1929—1930)

САНПЛАКАТ

1

Убирайте комнату,
чтоб она блестела.
В чистой комнате —
чистое тело.

2

Воды —
не бойся,
ежедневно мойся.

3

Зубы
чисть дважды,
каждое утро
и вечер каждый.

4

Курить —
бросим.
Яд в папиросе.

5

То, что брали
чужие рты,
в свой рот
не бери ты.

6

Ежедневно
обувь и платье
чисть и очищай
от грязи и пятен.

7

Культурная привычка,
приобрети ее —
ходи еженедельно в баню
и меняй белье.

8

Долой рукопожатия!
Без рукопожатий
встречайте друг друга
и провожайте.

9

Проветрите комнаты,
форточки открывайте
перед тем
как лечь
в свои кровати.

10

Не пейте
спиртных напитков.
Пьющим — яд,
окружающим — пытка.

11

Затхлым воздухом —
жизнь режем.
Товарищи,
отдыхайте
на воздухе свежем.

12

Товарищи люди,
на пол не плюйте.

13

Не вытирайся
полотенцем чужим,
могли
и больные
пользоваться им.

14

Запомните —
надо спать
в проветренной комнате.

15

Будь аккуратен,
забудь лень,
чисть зубы
каждый день.

16

На улице были?
Одежду и обувь
очистьте от пыли.

17

Мойте окна,
запомните это,
окна — источник
жизни и света.

18

Товарищи,
мылом и водой
мойте руки
перед едой.

19

Запомните вы,
запомни ты —
пищу приняв,
полощите рты.

20

Грязь
в желудок
идет с едой,
мойте
посуду
горячей водой.

21

Фрукты
и овощи
перед
едой
мойте
горячей водой.

22

Нельзя человека
закупорить в ящик,
жилище проветривай
лучше и чаще.

23

Вытрите ноги!!!
забыли разве,—
несете с улицы
разную грязь вы.

24

Хоть раз в неделю,
придя домой,—
горячей водой
полы помой.

25

Болезни и грязь
проникают всюду.
Держи в чистоте
свою посуду.

26

Во фруктах и овощах
питательности масса.
Ешьте больше зелени
и меньше мяса.

27

Лишних вещей
не держи в жилище —
станет сразу
просторней и чище.

28

Чадят примуса,—
хозяйки, запомните:
нельзя
обед
готовить
в комнате.

29

Держите чище
свое жилище.

30

Каждое жилище
каждый житель
помещение
в сохранности держите.

31

Товарищ!
да приучись ты
держать жилище
опрятным и чистым.

32

С одежды грязь
доставляется на дом.
Одетому лежать
на кровати не надо.

33

Хозяйка,
помни о правиле важном:
Мети жилище
способом влажным.

34

Раз в неделю,
никак не реже,
белье постельное
меняй на свежее.

35

Не стирайте в комнате,
могут от сырости
грибы и мокрицы
в комнате вырасти.

[1929]

ЛОЗУНГИ
ПО БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА

1

Товарищи,
бросьте
раскидывать гвозди!
Гвозди
многим
попортили ноги.

2

Не оставляй
на лестнице
инструменты и вещи.
Падают
и ранят
молотки и клещи.

3

Работай
только
на прочной лестнице.
Убьешься,
если
лестница треснется.

4

Месим руками
сталь, а не тесто,
храни
в порядке
рабочее место.
Нужную вещь
в беспорядке ищешь,
никак не найдешь
и ранишь ручища.

5

Пуская машину,
для безопасности
надо
предупредить товарища,
работающего рядом.

6

На работе
волосы
прячьте лучше:
от распущенных волос —
несчастный случай.

7

Электрический ток —
рабочего настиг.
Как
от смерти
рабочего спасти?
Немедленно
еще до прихода врача
надо
искусственное дыхание начать.

8

Нанесем
  безалаберности удар,
образумим
  побахвалиться охочих.
Дело
  безопасности труда —
дело
  самих рабочих.

[*1929*]

[ЛОЗУНГИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ДАЕШЬ»]

1

Кузница коммунизма,
раздувай меха!
Множьтесь,
энтузиастов
трудовые взводы:
за ударными бригадами —
ударные цеха,
за ударными цехами —
ударные заводы!

2

Нефть
не добудешь
из воздуха и ветра.
Умей
сочетать
практику и разум.
Пролетарий,
д а е ш ь
земным недрам
новейшую технику
и социалистический энтузиазм.

3

Верхоглядство —
бросьl
«Д а е ш ь»
зовет
знать
наскрозь
свой
завод!
Кто стоит за станком?
Как работает рабочий?
Чем живут рабочие?
Какие интересы у рабочих?

4

Профессорская братия
вроде Ольденбургов
князьям
служить
и сегодня рада.
То,
что годилось
для царских Петербургов,
мы вырвем
с корнем
из красных Ленинградов.

5

Чтоб фронт отстоять,
белобанды гоня,
пролетариат
в двадцатом
сел на коня.
Чтоб видеть коммуну,
расцветшую в быль,
садись в двадцать девятом
на трактор
и автомобиль.

[*1929*]

[ЛОЗУНГИ «ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА» И «АГИТАЦИОННО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ»]

1

Из-за неполадок на заводе
несознательный рабочий
драку заводит.
Долой
с предприятий
кулачные бои!
Суд разберет
обиды твои.

2

Притеснения на заводе
и непорядок всякий
выясняй в месткоме,
а не заводи драки.

3

Опытные рабочие,
не издевайтесь
над молодыми.
Молодого рабочего
обучим и подымем.

4

Долой
безобразников
по женской линии.
Парней-жеребцов
зажмем в дисциплине.

5

Антисемиту
не место у нас —
все должны
работой сравняться.
У нас
один рабочий класс
и нет
никаких наций.

6

Хорошего спеца
производство заботит.
Товарищ
спецу
помоги в работе.

7

Надо
квалификацию
поднять рабочему.
Каждый спец
обязан помочь ему.

8

Не спи на работе!
Работник этакий
может продрыхнуть
все пятилетки.

9

Долой того,
кто на заводе
частную мастерскую
себе заводит.

10

Заводы — наши.
Долой кражи!
У наших заводов
встанем на страже.

11

Болтливость —
растрата
рабочих часов!
В рабочее время —
язык на засов!

12

Прогульщика-богомольца
выгоним вон!
Не меняй гудок
на колокольный звон!

13

Долой пьянчуг!
С пьянчугой с таким
перержавеют
и станут станки.

14

В маленьком стакане,
в этом вот,
может утонуть
огромный завод.
Из рабочей гущи
выгоним пьющих.

15

Разгильдяев
с производства гони.
Наши машины
портят они.

16

Чтоб работа шла
продуктивно и гладко,
выполняй правила
внутреннего распорядка.

17

Перед машиной
храбриться нечего —
следи
за безопасностью
труда человечьего.

18

В общей работе
к дисциплине привыкни.
Симулянта
разоблачи
и выкинь.

19

Не опаздывай
ни на минуту.
Злостных
вон!
Минуты сложатся —
убытку миллион.

20

Долой хулиганов!
Один безобразник
портит всем
и работу
и праздник.

21

Непорядки
надо
разбирать по праву,
долой с предприятий
кулачную расправу.

22

Каждый
должен
помочь стараться
техническому персоналу
и администрации.

23

Не издевайся на заводе
над тем, кто слаб,
Оберегайте слабого
от хулиганских лап.

24

Вызов за вызовом,
по заводам лети!
Вступай в соревнование,
за коллективом коллектив!
Встают заводы,
сильны и стройны.
Рабочий океан
всколыхнулся низом.
Пятилетка —
это рост
благосостояния страны.
Это пять километров
по пути в коммунизм.

25

Хулиганство на производстве
наносит удар
всей дисциплине
нашего труда.

26

Больше дела!
Меньше фраз!
Напряжем в соревнованьи
силищу масс!
Но мало
одних
человеческих сил —
рационализацию
в производство вноси!

27

Поднять квалификацию
требует пятилетка!
Учись работать —
точно и метко!

28

Праздник прошел —
настал понедельник.
Работать пора!
Вставай, бездельник!

29

Идут рабочие кадры молодежи
на смену уставшим в трудовом бою.
Отдохни, если ты до старости дожил,
государство обеспечит старость твою.

30

На заводе симулянт-ловкач
работу гонит чуть не вскачь.
Заработав побольше,
открывает склянку,
кислотой растравляет
пустяковую ранку.
Калека такой,
получив бюллетень,
правит для себя
и хату и плетень.
Симулянта-бюллетенщика с предприятия вон!
Нашу страхкассу обкрадывает он!

31

Заметил
неправильность —
не трепли языком.
Кончил работу —
сообщи в завком.

32

Увидел недостатки —
про себя не таи.
Недостатки товарища —
недостатки твои.
Дружбу — так
понимать нужно:
общие недостатки
исправим дружно.

33

Долой пьяниц!
— заявим громко.—
От пьяниц
только
хулиганство и поломка.

34

Где прогульщик?
Жив Курилка!
В табачной гуще
сидит в курилке.
Без лишних слов
бросайте курево,
Миллионы часов
за зря не прокуривай!

35

Видишь
этих ждущих кучки?
Это
рабочие
ждут получки.
Требуй
каждый,
кто с этим знаком,

чтоб лучше
получки
наладил завком!

36

Только
белогвардейской своре
выгодно
рабочий класс поссорить.
Грязные пятна,
погромщики
и
антисемиты
будут
с предприятий
счищены и смыты.

37

Без техники
втрое
над работой потеем.
Товарищ,
и в технике
будь грамотеем.

[*1929—1930*]

[ЛОЗУНГИ К ПЛАКАТУ «НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ»]

1

А

Коммунизм
без учебы
не выстроишь никак.
Даешь
обученного кадровика.

Б

С неграмотным
социализма
не построишь
и в века,
даешь
обученного кадровика.

2

В хвосте у техники не волочись
для стройки великой
учись и учись!

[*1930*]

Стенд выставки «20 лет работы Маяковского».

ЛОЗУНГИ ЭЛЕКТРОЗАВОДУ

1

Следи за временем,
за материалом,
за собой!
На все —
экономии о́тсвет.
И это будет
последний и решительный бой
с потерями в производстве.

2

Каждая работница,
ка́ждый рабочий —
береги материалы!
борись с порчей!

3

Где прогульщик?
Жив Курилка!
В дымной гуще
торчит в курилке.

4

Лентяев и разгильдяев
сметайте начисто!
Даешь
работу
высшего качества!

5

Того,
кто любит водкой нализаться,
не проймет
никакая рационализация.

6

Богомольных прогульщиков
с Электрозавода вон.
Не меняй гудок
на колокольный звон.

7

Смотри,
чтоб время
болтовней не тратили.
После работы
наговоришься с приятелем.

8

Болтливость —
растратчик рабочих часов.
В рабочее время —
язык на засов.

[*1930*]

[ЛОЗУНГИ ДЛЯ ВЫСТАВКИ «20 ЛЕТ РАБОТЫ МАЯКОВСКОГО»]

1

Помните —
мы работали
без красок,
без бумаги
и
без художественных
традиций
в десятиградусном
морозе
и
в дыму «буржуек»
с
единственной целью —
отстоять Республику советов,
помочь
обороне,
чистке,
стройке.

2

Чтоб эта выставка
стала полной —
надо перенести сюда

трамваи
и
поезда,
расписанные
боевыми
строками.
Атаки,
горланившие
частушки.
Заборы
Стены
и
флаги,
проходившие
под
Кремлем,
раскидывая
огонь
лозунгов.

[*1930*]

ИСЦЕЛЕНИЕ УГРЮМЫХ

Хочется посмеяться.
Но где
да как?
Средство для бодрости —
подписка на Чудак.
Над кем смеетесь?
Смеетесь над кем?
Это
подписчики
узнают в Чудаке.
В бюрократа,
рифма,
вонзись, глубока!
Кто вонзит?
Сотрудники Чудака.
Умри,
подхалим,
с эпиграммой в боку!
Подхалима
сатирой
распнем по Чудаку.
Протекция держится
где
и на ком?
Эту
протекцию
бомбардируем
Чудаком.

Иди
на вредителя
лавой атак.
Кто застрельщик?
Застрельщик —
Ч у д а к.
В поезде,
в трамвае,
на лыжах,
на коньках,
тысячи
угрюмых
читателей и читах,
спешите!
Просите
контору «Огонька»:
«Скорей
подпишите
нас
на Ч у д а к а!»

[*1930*]

СТИХИ ДЕТЯМ

(1925—1929)

СКАЗКА О ПЕТЕ, ТОЛСТОМ РЕБЕНКЕ, И О СИМЕ, КОТОРЫЙ ТОНКИЙ

Жили были
Сима с Петей.
Сима с Петей
были дети.
Пете 5,
а Симе 7 —
и 12 вместе всем.

1

Петин папа
был преважным:
в доме жил пятиэтажном
и, как важный господин,
в целом доме
жил один.
Очень толстый,
очень лысый,
злее самой злющей крысы.
В лавке сластью торговал,
даром сласти не давал.
Сам себе под вечер в дом
сто пакетов нес с трудом,

а за папой,
друг за другом,
сто корзин несет прислуга.
Ест он,
с Петею деля,
мармелад и кренделя.
Съест
и ручкой маме машет:
— Положи еще, мамаша! —
Петя
взял
варенье в вазе,
прямо в вазу мордой лазит.
Грязен он, по-моему,
как ведро с помоями.
Ест он целый день,
и глядь —
Пете некогда гулять.
С час поковыряв в носу,
спит в двенадцатом часу.
Дрянь и Петя
и родители:
общий вид их отвратителен.
Ясно
даже и ежу —
этот Петя
был буржуй.

2

Сима
тоже
жил с отцом,
залихватским кузнецом.
Папа — сильный,
на заводе
с молотками дружбу водит.
Он в любую из минут
подымает пальцем пуд.
Папа явится под вечер,

поздоровавшись для встречи.
скажет маме:
                    — Ну-ка,
                                 щи
нам с товарищем тащи! —
Кашу съев
               да щи с краюшкой.
пьют чаи цветастой кружкой.
У рабочих денег нету.
Симе
       в редкость есть конфету.
Но зато
          она и слаще,
чем для Пети
                  целый ящик.
Чай попив,
               во весь опор
Сима с папой
                   мчат во двор.
Симин папа
                 всех умнее,
всё на свете он умеет.
Колесо нашел
                    и рад,
сделал Симе самокат.
Сима тоже деловит:
у него серьезный вид.
Хоть ручонки и тонки,
трудится вперегонки.
Из мешка,
              на радость всем,
Сима сам смастачил шлем.
Красную надев звезду,
Сима всех сумел бы вздуть!
Да не хочет —
                     не дерется!
Друг ребячьего народца.
Сима чистый,
                   чище мыла.
Мылся сам,
                и мама мыла.

Вид у Симы крепыша,
пышет, радостью дыша.
Ровно в восемь
                    Сима спит.
Спит, как надо —
                    не сопит.
Птицы с песней пролетали,
пели:
        «Сима — пролетарий!»

3

Петя,
        выйдя на балкончик,
жадно лопал сладкий пончик:
словно дождик по трубе,
льет варенье по губе.
Четверней лохматых ног
шел мохнатенький щенок.
Сел.
        Глаза на Петю вскинул:
— Дай мне, Петя, половину!
При моем щенячьем росте
не угрызть мне толстой кости.
Я сильнее прочих блюд
эти пончики люблю.
Да никак не купишь их:
заработков никаких.—
Но у Пети
                грозный вид.
Отвернуться норовит.
Не упросишь этой злюни.
Щен сидит,
                глотает слюни.
Невтерпеж,
                поднялся —
                        скок,
впился в пончиковый бок.
Петя,
        посинев от злости,

отшвырнул щенка за хвостик.
Нос
    и четверо колен
об земь в кровь расквасил щен.
Омочив слезами садик,
сел щенок на битый задик.
Изо всех щенячьих сил
нищий щен заголосил:
— Ну, и жизнь —
                    не пей, не жуй!
Обижает нас буржуй.
Выйди, зверь и птичка!
Накажи обидчика! —
Вдруг,
        откуда ни возьмись,
сто ворон слетают вниз.
Весь оскаленный, шакал
из-за леса пришагал.
За шакалом
                волочится
разужасная волчица.
А за ней,
            на три версты
распустив свои хвосты,
два огромных крокодила.
Как их мама уродила?!
Ощетинивши затылки,
выставляя зубы-вилки
и подняв хвостища-плети,
подступают звери к Пете.
— Ах, жадаба!
                    Ах ты, злюка!
Уязви тебя гадюка!
Ах ты, злюка!
                Ах, жадаба!
Чтоб тебя сожрала жаба!
Мы
    тебя
        сию минутку,
как поджаренную утку,

так съедим
или ина́че.
Угнетатель ты зверячий!—
И шакал,
как только мог,
хвать пузана
за пупок!
Тут
на Петю
понемногу
крокодил нацелил ногу
и брыкнул,
как футболист.
— Уходи!
Катись!
Вались!—
Плохо Пете.
Пете больно.
Петя мчит,
как мяч футбольный.
Долетел,
от шишек страшный,
аж
до Сухаревой башни.
Для принятья строгих мер —
к Пете милиционер.
Говорит он грозно Пете:
— Ты ж не на велосипеде!
Что ты скачешь, дрянный мальчик?
Ты ведь мальчик,
а не мячик.
Беспорядки!
Сущий яд —
дети этих буржуят!
Образина милая,
как твоя фамилия? —
Петя стал белей, чем гусь:
— Петр Буржуйчиков зовусь.
— Где живешь,
мальчишка гадкий?

— На Собачьевой
площадке.—
Собеседник Петю взял,
вчетверо перевязал,
затянул покрепче узел,
поплевал ему на пузо.
Грозно
вынул
страшный страж
свой чернильный карандаш,
вывел адрес без помарки.
Две
на зад
наклеил марки,
а на нос
— не зря ж торчать! —
сургучовую печать.
Сунул Петю
за щеку
почтовому ящику.
Щелка узкая в железе,
Петя толст —
пищит, да лезет.
— Уважаемый папаша,
получайте
чадо ваше!

4

Сказка сказкой,
а щенок
ковылял четверкой ног.
Ковылял щенок,
а мимо
проходил известный Сима,
получивший
от отца
что-то вроде леденца.
Щений голод видит Сима,

и ему
невыносимо.
Крикнул,
выпятивши грудь:
— Кто посмел щенка отдуть?
Объявляю
к общей гласности:
все щенята
в безопасности!
Я защитник слабого
и четверолапого.—
Взял конфету из-за щек.
— Нá, товарищ!
ешь, щенок!—
Проглотил щенок
и стал
кланяться концом хвоста.
Сел на ляжечки
и вот
Симе лапу подает.
— Спасибо
от всей щенячьей души!
Люби бедняков,
богатых круши!
Узнается из конфет,
добрый мальчик
или нет.
Животные домашние —
тебе
друзья всегдашние.—
Замолчал щенок,
и тут
появляется верблюд.
Зад широкий,
морда ýже,
весь из шерсти из верблюжьей.
— Я
рабочий честный скот,
вот штаны,
и куртка вот!
Чтобы их тебе принесть,

Выступление Маяковского перед школьниками в Сокольниках 10 мая 1925 г.

сам
на брюхе
выстриг шерсть.
А потом пришел рабочий,
взял с собою
шерсти клочья.
Чтобы шерсть была тонка,
день работал у станка.—
За верблюдиной баранчик
преподносит барабанчик
собственного пузыря.
— Барабаньте, чуть заря! —
А ближайший красный мак,
цветший, как советский флаг,
не подавши даже голоса,
сам
на Симу прикололся.
У зверей
восторг на морде:
— Это
Симе
красный орден! —
Смех всеобщий пять минут.
В это время,
тут как тут,
шла четверка
из ребят,
развеселых октябрят.
Ходят час,
не могут стать.
— Где нам пятого достать?
Как бы нам помножиться? —
Обернули рожицы.
Тут фигура Симина.
— Вот кто нужен именно! —
Храбрый,
добрый,
сильный,
смелый!
Видно — красный,
а не белый.

И без всяких разногласий
обратился к Симе Вася:
— Заживем пятеркой братской,
звездочкою октябрятской? —
Вася,
Вера,
Оля,
Ваня
с Симой ходят, барабаня.
Щеник,
радостью пылая,
впереди несется, лая.
Перед ними
автобусы
рассыпаются, как бусы.
Вся милиция
как есть
отдает отряду честь.

5

Сказка сказкою,
а Петя
едет, как письмо, в пакете.
Ехал долго он и еле
был доставлен в две недели.
Почтальон промеж бумажками
сунул в сумку вверх тормашками.
Проработав три часа,
начал путать адреса.
Сдал, разиня из разинь,
не домой, а в магазин.
Петя,
скисши от поста,
распечатался и встал.
Петя
плоский, как рубли.
Он уже не шар,
а блин.
Воскресенье —
в лавке пусто.

Петя
вмиг приходит в чувство
и, взглянув на продовольствие,
расплывается от удовольствия.
Рот раскрыл,
слюна на нем.
— Ну,— сказал,—
с чего начнем? —
Запустил в конфеты горсти
и отправил в рот для скорости.
Ел он, ел
и еле-еле
все прикончил карамели.
Петя, переевши сласть,
начал в пасть закуски класть
и сожрал по сей причине
все колбасы и ветчины.
Худобы в помине нет,
весь налился,
как ранет.
Все консервы Петя ловкий
скушал вместе с упаковкой.
Все глотает, не жуя:
аппетит у буржуя!
Без усилий
и без боли
съел четыре пуда соли.
Так наелся,
что не мог
устоять на паре ног.
Петя думает:
«Ну, что же!
Дальше
буду
кушать лежа».
Нет еды,
но он не сыт,
слопал гири и весы.
Видано ли это в мире,
чтоб ребенок
лопал гири?!

Петя —
          жадности образчик;
гири хрустнули,
                    как хрящик.
Пузу отдыха не дав,
вгрызся он в железный шкаф.
Шкаф сжевал
                    и новый ищет...
Вздулся вербною свинищей.
С аппетитом сладу нет.
Взял
     губой
          велосипед —
съел колеса,
               ест педали...
Тут их только и видали!
Но не сладил Петя бедный
с шиною велосипедной.
С грустью
          объявляю вам:

Петя
     лопнул пополам.

Дом
     в минуту
               с места срыв,
загремел ужасный взрыв.
Люди прыгают, дрожа.
«Это,— думают,— пожар!»
От вели́ка до мала́
все звонят в колокола.
Вся в сигналах каланча,
все насосы волочат.
Подымая тучи пыли,
носятся автомобили.
Кони десяти мастей.
Сбор пожарных всех частей.
Впереди
          на видном месте
вскачь несется
               сам брандмейстер.

6

Сказка сказкою,
а Сима
ходит городом
и мимо.
Вместе с Симою в ряд
весь отряд октябрят.
Все живут в отряде дружно,
каждый делает что нужно,—
как товарищ,
если туго,
каждый
выручит друг друга.
Радуется публика —
детская республика.
Воскресенье.
Сима рад,
за город ведет отряд.
В небе флаг полощется,
дети вышли в рощицу.
Дети сели на лужок,
надо завтракать ужо.
Сима, к выдумкам востер,
в пять минут разжег костер.
Только уголь заалел,
стал картошку печь в золе.
Почернел картошкин бок.
Сима вынул,
крикнул:
— Спёк! —
Но печален голос Оли:
— Есть картошка,
нету соли.—
Плохо детям,
хоть кричи,
приуныли, как грачи.
Вдруг
раздался страшный гром.
Дети
стихли впятером.

Луг и роща в панике.
Тут
    к ногам компанийки
в двух мешках упала соль —
ешь, компания,
                изволь!
Вслед за солью
                с неба
                    градом
монпасье
        с доставкой на дом.
Льет и сыплет,
                к общей радости,
булки всякие
            и сладости.
Смех средь маленького люда:
— Вот так чудо!
                чудо-юдо!
Нет,
    не чудо это, дети,
а — из лопнувшего Пети.
Все, что лопал Петя толстый,
рассыпается на версты.
Ливнем льет
            и валит валом —
так беднягу разорвало.
Масса хлеба,
            сласти масса —
и сосиски,
            и колбасы!
Сели дети,
            и отряд
съел с восторгом всё подряд.
Пир горою и щенку:
съест
    и вновь набьет щеку —
кожицею от колбаски.
Кончен пир —
                конец и сказке.

Сказка сказкою,
а вы вот
сделайте из сказки вывод.
Полюбите, дети, труд —
как написано тут.
Защищайте
всех, кто слаб,
от буржуевых лап.
Вот и вырастете —
истыми
силачами-коммунистами.

[*1925*]

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
— Что такое
хорошо
и что такое
плохо?—
У меня
секретов нет,—
слушайте, детишки,—
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.

— Если ветер
крыши рвет,
если
град загрохал,—
каждый знает —
это вот
для прогулок
плохо.

Дождь покапал
и прошел.
Солнце
в целом свете.
Это —
очень хорошо
и большим
и детям.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице,—
ясно,
это
плохо очень
для ребячьей кожицы.

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьет
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.

Этот вот кричит:
— Не трожь

тех,
    кто меньше ростом! —
Этот мальчик
            так хорош,
загляденье просто!

Если ты
        порвал подряд
книжицу
        и мячик,
октябрята говорят:
плоховатый мальчик.

Если мальчик
            любит труд,
тычет
    в книжку
            пальчик,
про такого
        пишут тут:
он
  хороший мальчик.

От вороны
        карапуз
убежал, заохав.
Мальчик этот
            просто трус.
Это
   очень плохо.

Этот,
    хоть и сам с вершок,
спорит
    с грозной птицей.
Храбрый мальчик,
            хорошо,

в жизни
пригодится.

Этот
в грязь полез
и рад,
что грязна рубаха.
Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.

Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.
Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.
Помни
это
каждый сын.
Знай
любой ребенок:
вырастет
из сына
свин,
если сын —
свиненок.

Мальчик
радостный пошел,
и решила кроха:
«Буду
делать х о р о ш о,
и не буду —
п л о х о».

[*1925*]

ГУЛЯЕМ

Вот Ваня
с няней.
Няня
гуляет с Ваней.

Вот дома,
а вот прохожие.
Прохожие и дома,
ни на кого не похожие.

Вот будка
красноармейца.
У красноармейца
ружье имеется.
Они храбрые.
Дело их —
защищать
и маленьких
и больших.

Это —
Московский Совет.
Сюда
дяди
приходят чуть свет.

Сидит дядя,
в бумагу глядя.
Заботятся
дяди эти
о том,
чтоб счастливо
жили дети.

Вот
кот.
Раз шесть
моет лапкой
на морде шерсть.
Все
с уважением
относятся к коту
за то, что кот
любит чистоту.

Это —
собачка.
Запачканы лапки
и хвост запачкан.
Собака
бывает разная.
Эта собака
нехорошая,
грязная.

Это — церковь,
божий храм,
сюда
старухи
приходят по утрам.
Сделали картинку,
назвали — «бог»
и ждут,
чтоб этот бог помог.
Глупые тоже —
картинка им
никак не поможет.

Это — дом комсомольцев.
Они — умные:
никогда не молятся.
Когда подрастете,
станете с усами,
на бога не надейтесь,
работайте сами.

Это — буржуй.
На пузо глядь.
Его занятие —
есть и гулять.
От жиру —
как мяч тугой.
Любит,
чтоб за него
работал другой.
Он
ничего не умеет,
и воробей
его умнее.
Это —
рабочий.
Рабочий — тот,
кто работать охочий.
Всё на свете
сделано им.
Подрастешь —
будь таким.

Телега,
лошадь
и мужик рядом.
Этого мужика
уважать надо.
Ты
краюху
в рот берешь,
а мужик
для краюхи
сеял рожь.

Эта дама —
чужая мама.
Ничего не делая,
сидит,
от пудры белая.
Она — бездельница.
У этой дамы
не язык,
а мельница.

А няня работает —
водит ребят.
Ребята
няню
очень теребят.
У няни моей
платок из ситца.
К няне
надо
хорошо относиться.

[1925]

ЧТО НИ СТРАНИЦА,— ТО СЛОН, ТО ЛЬВИЦА

Льва показываю я,
посмотрите нате —
он теперь не царь зверья,
просто председатель.

Этот зверь зовется лама.
Лама дочь
и лама мама.

Маленький пеликан
и пеликан-великан.
Как живые в нашей книжке
слон,
слониха
и слонишки.
Двух- и трехэтажный рост,
с блюдо уха оба,
впереди на морде хвост
под названьем «хобот».
Сколько им еды, питья,
сколько платья снашивать!
Даже ихнее дитя
ростом с папу с нашего.
Всех прошу посторониться,

Обложка книжки для детей «Что ни страница,— то слон, то львица».

разевай пошире рот,—
для таких мала страница,
дали целый разворот.

Крокодил. Гроза детей.
Лучше не гневите.
Только он сидит в воде
и пока не виден.

Вот верблюд, а на верблюде
возят кладь
и ездят люди.
Он живет среди пустынь,
ест невкусные кусты,
он в работе круглый год —
он,
верблюд,
рабочий скот.

Кенгуру.
Смешная очень.
Руки вдвое короче.
Но за это
у ней
ноги вдвое длинней.

Жираф-длинношейка —
ему
никак
для шеи не выбрать воротника.
Жирафке лучше:
жирафу-мать
есть
жирафёнку
за что обнимать.
Обезьян.
Смешнее нет.

Что сидеть как статуя?!
Человеческий портрет,
даром что хвостатая.
Зверю холодно зимой.
Зверик из Америки.
Видел всех.
                Пора домой.
До свиданья, зверики!

[*1926*]

ЭТА КНИЖЕЧКА МОЯ ПРО МОРЯ И ПРО МАЯК

Разрезая носом воды,
ходят в море пароходы.
Дуют ветры яростные,
гонят лодки парусные,
Вечером,
а также к ночи,
плавать в море трудно очень.
Все покрыто скалами,
скалами немалыми.
Ближе к суше
еле-еле
даже
днем обходят мели.
Капитан берет бинокль,
но бинокль помочь не мог.
Капитану так обидно —
даже берега не видно.
Закружит волна кружение,
вот
и кораблекрушение.
Вдруг —
обрадован моряк:
загорается маяк.
В самой темени как раз
показался красный глаз.

Поморгал —
и снова нет,
и опять зажегся свет.
Здесь, мол, тихо —
все суда
заплывайте вот сюда.
Бьется в стены шторм и вой.
Лестницею винтовой
каждый вечер,
ближе к ночи,
на маяк идет рабочий.
Наверху фонарище —
яркий,
как пожарище.
Виден он
во все моря,
нету ярче фонаря.
Чтобы всем заметиться,
он еще и вертится.
Труд большой рабочему —
простоять всю ночь ему.
Чтобы пламя не погасло,
подливает в лампу масло.
И чистит
исключительное
стекло увеличительное.
Всем показывает свет —
здесь опасно или нет.
Пароходы,
корабли —
запыхтели,
загребли.
Волны,
как теперь ни ухайте,—
все, кто плавал,—
в тихой бухте.
Нет ни волн,
ни вод,
ни грома,
детям сухо,
дети дома.

Кличет книжечка моя:
— Дети,
          будьте как маяк!
Всем,
        кто ночью плыть не могут,
освещай огнем дорогу.
Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова
и рисуночков наброски
сделал
        дядя
              Маяковский.

[*1926*]

ИСТОРИЯ ВЛАСА—ЛЕНТЯЯ И ЛОБОТРЯСА

Влас Прогулкин —
милый мальчик,
спать ложился,
взяв журнальчик.
Всё в журнале
интересно.
— Дочитаю весь,
хоть тресну! —
Ни отец его,
ни мать
не могли
заставить спать.
Засыпает на рассвете,
скомкав
ерзаньем
кровать,
в час,
когда
другие дети
бодро
начали вставать.
Когда
другая детвора
чаевничает, вставши,
отец
орет ему:
— Пора! —

Он —
одеяло на́ уши.
Разошлись
другие
в школы,—
Влас
у крана
полуголый —
не дремалось в школе чтоб,
моет нос
и мочит лоб.
Без чаю
и без калача
выходит,
еле волочась.
Пошагал
и встал разиней:
вывеска на магазине.
Грамота на то и есть!
Надо
вывеску
прочесть!
Прочел
с начала
буквы он,
выходит:
«Куафер Симон».
С конца прочел
знаток наук,—
«Номис» выходит
«рефаук».
Подумавши
минуток пять,
Прогулкин
двинулся опять.
А тут
на третьем этаже
сияет вывеска —
«Тэжэ».

Прочел.
Пошел.
Минуты с три —
опять застрял
у двух витрин.
Как-никак,
а к школьным зданиям
пришел
с огромным опозданьем.
Дверь на ключ.
Толкнулся Влас —
не пускают Власа
в класс!
Этак ждать
расчета нету.
«Сыграну-ка
я
в монету!»
Проиграв
один пятак,
не оставил дела так...
Словом,
не заметил сам,
как промчались
три часа.
Что же делать —
вывод ясен:
возвратился восвояси!
Пришел в грустях,
чтоб видели
соседи
и родители.
Те
к сыночку:
— Что за вид? —
— Очень голова болит.
Так трещала,
что не мог
даже
высидеть урок!

Прошу
письмо к мучителю,
мучителю-учителю! —
В школу
Влас
письмо отнес
и опять
не кажет нос.
Словом,
вырос этот Влас —
настоящий лоботряс.
Мал
настолько
знаний груз,
что не мог
попасть и в вуз.
Еле взяли,
между прочим,
на завод
чернорабочим.
Ну, а Влас
и на заводе
ту ж историю заводит:
у людей —
работы гул,
у Прогулкина —
прогул.
Словом,
через месяц
он
выгнан был
и сокращен.
С горя
Влас
торчит в пивнушке,
мочит
ус
в бездонной кружке,
и под забором
вроде борова

лежит он,
грязен
и оборван.
Дети,
не будьте
такими, как Влас!
Радостно
книгу возьмите
и — в класс!
Вооружись
учебником-книгой!
С детства
мозги
развивай и двигай!
Помни про школу —
только с ней
станешь
строителем
радостных дней!

[*1926*]

МЫ ВАС ЖДЕМ, ТОВАРИЩ ПТИЦА, ОТЧЕГО ВАМ НЕ ЛЕТИТСЯ?

Несется клич
со всех концов,
несется клич
во все концы:
— Весна пришла!
Даешь скворцов.
Добро пожаловать, скворцы! —
В самом лучшем месте
самой лучшей рощи
на ветке
поразвесистей
готова жилплощадь.
И маленькая птица
с большим аппетитцем.
Готовы
для кормежки
и зерна
и мошки.
Из-за моря,
из-за леса
не летят
скворцы,
пока
пионеры
сами лезут
на березины бока.

Один
с трубою на носу
уселся
аж на самый сук.
— Вспорхнуть бы
и навстречу
с приветственною речью. —
Одна заминка:
без крылышек спинка.
Грохочет гром
от труб ребят,
от барабана шалого.
Ревут,
кричат,
пищат,
трубят.
— Скворцы,
добро пожаловать! —
Бьют барабаны бешеней.
Скворцы
погоды вешней
заждались за лесами,—
и в жданьи безутешном
ребята
по скворешням
расположились сами.
Слетит
скворец
под сень листов,
сказать придется:
— Нет местов! —
Хочу,
чтоб этот клич
гудел
над прочими кличами:
— Товарищ,
пионерских дел
не забывай
за птичьими.

[*1927*]

КОНЬ-ОГОНЬ

Сын
отцу твердил раз триста,
за покупкою гоня:
— Я расту кавалеристом.
Подавай, отец, коня! —

О чем же долго думать тут?
Игрушек
в лавке
много вам.
И в лавку
сын с отцом идут
купить четвероногого.
В лавке им
такой ответ:
— Лошадей сегодня нет.
Но, конечно,
может мастер
сделать лошадь
всякой масти.—
Вот и мастер. Молвит он:
— Надо
нам
достать картон.
Лошадей подобных тело
из картона надо делать.—

Все пошли походкой важной
к фабрике писчебумажной.
Рабочий спрашивать их стал:
— Вам толстый
или тонкий? —
Спросил
и вынес три листа
отличнейшей картонки.
— Кстати
нате вам и клей.
Чтобы склеить —
клей налей.—

Тот, кто ездил,
знает сам,
нет езды без колеса.
Вот они у столяра.
Им столяр, конечно, рад.
Быстро,
ровно, а не криво,
сделал им колесиков.
Есть колеса,
нету гривы,
нет
на хвост волосиков.
Где же конский хвост найти нам?
Там,
где щетки и щетина.
Щетинщик возражать не стал,—
чтоб лошадь вышла дивной,
дал
конский волос
для хвоста
и гривы лошадиной.
Спохватились —
нет гвоздей.
Гвоздь необходим везде.
Повели они отца
в кузницу кузнеца.

Рад кузнец.
— Пожалте, гости!
Вот вам
самый лучший гвоздик.—
Прежде чем работать сесть,
осмотрели —
всё ли есть?
И в один сказали голос:
— Мало взять картон и волос.
Выйдет лошадь бедная,
скучная и бледная.
Взять художника и краски,
чтоб раскрасил
шерсть и глазки.—
К художнику,
удал и быстр,
вбегает наш кавалерист.
— Товарищ,
вы не можете
покрасить шерсть у лошади?
— Могу.—
И вышел лично
с краскою различной.
Сделали лошажье тело,
дальше дело закипело.
Компания остаток дня
впустую не теряла
и мастерить пошла коня
из лучших матерьялов.
Вместе взялись все за дело.
Режут лист картонки белой,
клеем лист насквозь пропитан.
Сделали коню копыта,
щетинщик вделал хвостик,
кузнец вбивает гвоздик.
Быстра у столяра рука —
столяр колеса остругал.
Художник кистью лазит,
лошадке
глазки красит.

Что за лошадь,
что за конь —
горячей, чем огонь!
Хоть вперед,
хоть назад,
хочешь — в рысь,
хочешь — в скок.
Голубые глаза,
в желтых яблоках бок.
Взнуздан
и оседлан он,
крепко сбруей оплетен.
На спину сплетенному —
помогай Буденному!

[*1927*]

ПРОЧТИ И КАТАЙ В ПАРИЖ И В КИТАЙ

1

Собирайтесь, ребятишки,
наберите в руки книжки.
Вас
по разным странам света
покатает песня эта.

Начинается земля,
как известно, от Кремля.
За морем,
за сушею —
коммунистов слушают.
Те, кто работают,
слушают с охотою.
А буржуям этот голос
подымает дыбом волос.

2

От Кремля, в котором были,
мы летим в автомобиле
прямо на аэродром.
Здесь стоит
и треск и гром.
По поляне люди ходят,
самолету винт заводят.

3

Подходи,
не робей,
расправляй галстучки
и лети, как воробей,
даже
как ласточка!
Туча нам помеха ли?
Взяли и объехали!
Помни, кто глазеть полез,—
рот зажмите крепко,
чтоб не плюнуть с поднебес
дяденьке на кепку.

4

Опускаемся в Париже,
осмотреть Париж поближе.
Пошли сюда,
пошли туда —
везде одни французы.
Часть населения худа,
а часть другая —
с пузом.
Куда б в Париже ни пошел,
картину видишь ту же:
живет богатый хорошо,
а бедный —
много хуже.
Среди Парижа — башня
высокая страшно.

5

Везет нас поезд
целый день,
то лес,
то город мимо.

И
мимо ихних деревень
летим
с хвостом из дыма.

6

Качает пароход вода.
Лебедка тянет лапу —
подняла лапой чемодан,
а мы идем по трапу.
Пароход полный,
а кругом волны,
высоки и со́лоны.
Волны злятся—
горы вод
смыть грозятся пароход.
Ветер,
бурей не маши нам:
быстро движет нас машина;
под кормой крутя винтом,
погоняет этот дом.
Доехали до берега —
тут и Америка.

7

Издали —
как будто горки,
ближе — будто горы тыщей,—
вот какие
в Нью-Йорке
стоэтажные домища.
Все дни народ снует вокруг
с поспешностью блошиною,
не тратит
зря—
ни ног, ни рук,
а всё
творит машиною.

Как санки
по снегу
без пыли
скользят горой покатою,
так здесь
скользят автомобили,
и в них
сидят богатые.

Опять седобородый дым.
(Не бреет поезд бороду!)
Летим к волне другой воды,
летим к другому городу.
Хорош, да не близко
город Сан-Франциско.

8

Отсюда
вновь
за океан
плывут такие, как и я.
Среди океана
стоят острова,
здесь люди другие,
и лес, и трава.
Проехали,
и вот
она —
японская страна.

9

Легко представить можете
жителя Японии:
если мы — как лошади,
то они —
как пони.

Деревья здесь невелики.
Строенья
роста маленького.
Весной,
куда глаза ни кинь —
сады
в деревьях карликовых.
На острове
гора гулка́,
дымит,
гудит гора-вулкан.
И вдруг
проснется поутру
и хлынет
лавой на́ дом.
Но люди
не бросают труд.
Нельзя.
Работать надо.

10

Отсюда за морем —
Китай.
Садись
и за море катай.
От солнца Китай
пожелтел и высох.
Родина чая.
Родина риса.
Неплохо:
блюдо рисовой каши
и чай —
из разрисованных чашек.
Но рис
и чай
не всегда у китайца,—
английский купец на китайца
кидается:
«Отдавайте нам еду,

а не то —
                войной иду!
На людях
                мы
                        кататься привыкши.
Китайцев таких
                        называем «рикши».
В рабочих привыкли всаживать
                                        пули.
Рабочих таких
                        называем «ку́ли».

11

Мальчик китайский
                        русскому рад.
Встречает нас,
                        как брата брат.
Мы не грабители —
мы их не обидели.
За это
        на нас
                богатей английский
сжимает кулак,
                        завидевши близко.
Едем схорониться
к советской границе.
Через Сибирь вас
                        провозит экспресс.
Лес да горы,
                        горы и лес.
И вот
        через 15 дней
опять Москва —
                        гуляйте в ней.

12

Разевают дети рот.
— Мы же
                ехали вперед,

а приехали туда же.
Это странно,
страшно даже.
Маяковский,
ждем ответа.
Почему случилось это?—
А я ему:
— Потому,
что земля кругла,
нет на ней угла —
вроде мячика
в руке у мальчика.

[*1927*]

ВОЗЬМЕМ ВИНТОВКИ НОВЫЕ

Возьмем винтовки новые,
на штык флажки!
И с песнею
в стрелковые
пойдем кружки.
Раз,
два!
Все
в ряд!
Впе-
ред,
от-
ряд.
Когда
война-метелица
придет опять —
должны уметь мы целиться,
уметь стрелять.
Ша-
гай
кру-
че!
Цель-
ся
луч-
ше!
И если двинет армии
страна моя —

мы будем
            санитарами
во всех боях.
Ра-
    нят
в ле-
      су,
к сво-
        им
сне-
    су.
Бесшумною разведкою —
тиха нога —
за камнем
            и за веткою
найдем врага.
Пол-
    зу
день,
    ночь
мо-
им
по-
   мочь.
Блестят винтовки новые,
на них
          флажки.
Мы с песнею
                  в стрелковые
идем кружки.
Раз,
     два!
Под-
     ряд!
Ша-
    гай,
от-
   ряд!

[*1927*]

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА

Зеленые листики —
и нет зимы.
Идем
        раздольем чистеньким —
и я,
        и ты,
                и мы.
Весна сушить развесила
свое мытье.
Мы молодо и весело
идем!
        Идем!
                Идем!
На ситцах, на бумаге —
огонь на всем.
Красные флаги
несем!
        Несем!
                Несем!
Улица рада,
весной умытая.
Шагаем отрядом,
и мы,
        и ты,
                и я.

[*1928*]

КЕМ БЫТЬ?

У меня растут года,
будет и семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?

Нужные работники —
столяры и плотники!
Сработать мебель мудрено:
сначала
мы
берем бревно
и пилим доски
длинные и плоские.
Эти доски
вот так
зажимает
стол-верстак.
От работы
пила
раскалилась добела.
Из-под пилки
сыплются опилки.
Рубанок
в руки —
работа другая:
сучки, закорюки
рубанком стругаем.

Хороши стружки —
желтые игрушки.
А если
нужен шар нам
круглый очень,
на станке токарном
круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,
то ножку.
Сделали вот столько
стульев и столиков!

Столяру хорошо,
а инженеру —
лучше,
я бы строить дом пошел,
пусть меня научат.
Я
сначала
начерчу
дом
такой,
какой хочу.
Самое главное,
чтоб было нарисовано
здание
славное,
живое словно.
Это будет
перёд,
называется фасад.
Это
каждый разберет —
это ванна,
это сад.
План готов,
и вокруг
сто работ
на тыщу рук.

Упираются леса
в самые небеса.
Где трудна работка,
там
визжит лебедка;
подымает балки,
будто палки.
Перетащит кирпичи,
закаленные в печи́.
По крыше выложили жесть.
И дом готов,
и крыша есть.
Хороший дом,
большущий дом
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нем
удобно и просторно.

Инженеру хорошо,
а доктору —
лучше,
я б детей лечить пошел,
пусть меня научат.
Я приеду к Пете,
я приеду к Поле.
— Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?
Как живете,
как животик? —
Погляжу
из очков
кончики язычков.
— Поставьте этот градусник
под мышку, детишки.—
И ставят дети радостно
градусник под мышки.
— Вам бы
очень хорошо
проглотить порошок

и микстуру
ложечкой
пить понемножечку.
Вам
в постельку лечь
поспать бы,
вам —
компрессик на живот,
и тогда
у вас
до свадьбы
всё, конечно, заживет.—

Докторам хорошо,
а рабочим'—
лучше,
я б в рабочие пошел,
пусть меня научат.
Вставай!
Иди!
Гудок зовет,
и мы приходим на завод.
Народа — уйма целая,
тысяча двести.
Чего один не сделает —
сделаем вместе.
Можем
железо
ножницами резать,
краном висящим
тяжести тащим;
молот паровой
гнет и рельсы травой.
Олово плавим,
машинами правим.
Работа всякого
нужна одинаково.
Я гайки делаю,
а ты

для гайки
делаешь винты.
И идет
работа всех
прямо в сборочный цех.
Болты,
лезьте
в дыры ровные,
части
вместе
сбей
огромные.
Там —
дым,
здесь —
гром.
Гро-
мим
весь
дом.
И вот
вылазит паровоз,
чтоб вас
и нас
и нес
и вез.

На заводе хорошо,
а в трамвае —
лучше,
я б кондуктором пошел,
пусть меня научат.

Кондукторам
езда везде.
С большою сумкой кожаной
ему всегда,
ему весь день
в трамваях ездить можно.

— Большие и дети,
берите билетик,
билеты разные,
бери любые —
зеленые,
            красные
и голубые. —
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы,
садись
        и грейся.

Кондуктору хорошо,
а шоферу —
                лучше,
я б в шоферы пошел,
пусть меня научат.

Фырчит машина скорая,
летит, скользя,
хороший шофер я —
сдержать нельзя.
Только скажите,
вам куда надо —
без рельсы
                жителей
доставлю на дом.
Е-
   дем,
ду-
   дим:
«С пу-
        ти
уй-
   ди!»

Быть шофером хорошо,
а летчиком —
                лучше,

я бы в летчики пошел,
пусть меня научат.
Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер.
«В небеса, мотор, вези,
чтобы птицы пели».
Бояться не надо
ни дождя,
ни града.
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря.
Без разговору
облетаю гору.
«Вези, мотор,
чтоб нас довез
до звезд
и до луны,
хотя луна
и масса звезд
совсем отдалены».

Летчику хорошо,
а матросу —
лучше,
я б в матросы пошел,
пусть меня научат.
У меня на шапке лента,
на матроске
якоря.
Я проплавал это лето,
океаны покоря.
Напрасно, волны, скачете —
морской дорожкой
на реях и по мачте,
карабкаюсь кошкой.
Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная,

открою
полюс
Южный,
а Северный —
наверное.

Книгу переворошив,
намотай себе на ус —
все работы хороши,
выбирай
на вкус!

[*1928*]

ПЕСНЯ-МОЛНИЯ

За море синеволное,
за сто земель
                    и вод
разлейся, песня-молния,
про пионерский слет.
Идите,
          слов не тратя,
на красный
                    наш костер!
Сюда,
          миллионы братьев!
Сюда,
          миллион сестер!
Китайские акулы,
умерьте
               вашу прыть,—
мы
     с китайчонком-кули
пойдем
          акулу крыть.
Веди
        светло и прямо
к работе
               и к боям,
моя
      большая мама —
республика моя.
Растем от года к году мы,

смотри,
земля-старик,—
садами
и заводами
сменили пустыри.
Везде
родные наши,
куда ни бросишь глаз.
У нас большой папаша —
стальной рабочий класс.
Иди
учиться рядышком,
безграмотная старь.
Пора,
товарищ бабушка,
садиться за букварь.
Вперед,
отряды сжатые,
по ленинской тропе!
У нас
один вожатый —
товарищ ВКП.

[*1929*]

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Поэма

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Уважаемые
                товарищи потомки!
Роясь
        в сегодняшнем
                окаменевшем г.....,
наших дней изучая потемки,
вы,
    возможно,
            спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
                ваш ученый,
кроя эрудицией
            вопросов рой,
что жил-де такой
            певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
        снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
            о времени
                и о себе.
Я, ассенизатор
            и водовоз,
революцией
        мобилизованный и призванный,

ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадила садик мило,
дочка,
дачка,
водь
и гладь —
сама садик я садила,
сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот —
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их к черту разберет!
Нет на прорву карантина —
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н...»
Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
да сифилис.
И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строчить
романсы на вас —
доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирял,
становясь

Разворот страниц Записной книжки 1930 г., № 71 с автографом «Неоконченного».

на горло
собственной песне.
Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далекó
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так,—
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,

железки строк случайно обнаруживая,
вы
  с уважением
                ощупывайте их,
как старое,
              но грозное оружие.
Я
 ухо
    словом
           не привык ласкать;
ушку девическому
                  в завиточках волоска
с полупохабщины
                 не разалеться тронуту.
Парадом развернув
                  моих страниц войска,
я прохожу
          по строчечному фронту.
Стихи стоят
            свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
                   и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
               к жерлу прижав жерло
нацеленных
           зияющих заглавий.
Оружия
       любимейшего
                   род,
готовая
        рвануться в гике,
застыла
        кавалерия острот,
поднявши рифм
              отточенные пики.
И все
      поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
                           пролетали,
до самого
          последнего листка

я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.
Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.
Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель нá дом.

И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

[*Декабрь 1929 — январь 1930*]

[НЕОКОНЧЕННОЕ]

[I]

Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
          разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают
                              по маю
венчики встречных ромашек
пускай седины обнаруживает стрижка и бритье
Пусть серебро годов вызванивает
                                уймою
надеюсь верую вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие

[II]

Уже второй
            должно быть ты легла
А может быть
              и у тебя такое
Я не спешу
            И молниями телеграмм
мне незачем
             тебя
                  будить и беспокоить

[III]

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен

любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид

[IV]

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию

[V]

Я знаю силу слов я знаю слов набат
Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек
Бывает выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
звенит века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки
Я знаю силу слов Глядится пустяком
Опавшим лепестком под каблуками танца
Но человек душой губами костяком

[*1928—1930*]

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ЧТО НИ СТРАНИЦА,— ТО СЛОН, ТО ЛЬВИЦА

Открывай страницу-дверь
в книжке
самый разный зверь.
Льва показываю я,
посмотрите,
нате:
он
совсем не царь зверья,
просто председатель.
Кенгуру.
Смешная очень.
Руки
вдвое
короче.
Но за это
у ней
ноги вдвое
длинней.
Жираф.
Такую жирафу-мать
младенцу
есть за что обнимать.

Но горе папе:
ему
никак
для шеи
не выбрать воротника.
Это — зебра.
Ну и цаца!
Полосатее
матраца.
Как живые
в нашей книжкс
слон,
слониха
и слонишки.
Двух-
и трехэтажный рост,
с блюдо уха оба,
впереди на морде
хвост
под названьем:
«хобот».
А из пасти —
шутки бросьте —
два клыка
слоновой кости.
Сколько им еды,
питья!
Сколько платья снашивать.
Даже
ихнее дитя
ростом
с папу с нашего.
Всех
прошу посторониться!
Разевай глаза и рот,—
для таких
мала страница,
дали
целый разворот.
Этот зверь зовется
лама.

Лама дочь
и лама мама.
Малыш пеликан
и пеликан
                    великан.
Вот верблюд,
                              а на верблюде
возят кладь
и ездят люди.
                                Ходит он
                                                   среди пустынь,
ест
      различные кусты.
Он
в работе
                 круглый год,
значит
             он —
рабочий скот.
Крокодил.
                  Гроза!
                              Злодей!
Лучше
            не гневите.
                              Только
                                            он
сидит в воде
                      и пока
                                  не виден.
Обезьяна.
                  Сладу нет!
Что сидеть как статуя?!
Человеческий портрет,
даром что хвостатая.
Зверю
            холодно зимой.
Зверик из Америки.
                                     Видел всех,
                                                      пора домой,
до свиданья, зверики.

[*1925—1926*]

ВАРИАНТЫ, РАЗНОЧТЕНИЯ И ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Теоретики (стр. 15)

Беловой автограф с поправками:

11—13 I Выучив
тыщи
советов и формул
II Понаучив
аксиом
и формул

Душа общества (стр. 28)

Беловой автограф с поправками:

28—31 I Если
муж
жену
ра⟨стаскивает?⟩
II Если
муж
жену
истаскивает зá волосы
40—42 Если
парень
в сногсшибательнейшей ражи
79—83 Как от острого
как от заразного
беги
товарищ
от алкоголика

Что такое? (стр. 35)

Журн. «Чудак», М. 1929, № 9, март:
После 37:

И не найдешь
приятней видика:
в глазах
сияет самокритика!

После 58:

Невинный цвет
его ланит
сердца
любые
полонит

84—87 выделены жирным шрифтом.

Который из них? (стр. 38)

Беловой автограф с поправками: [1]

87—88 I Ах
ты за протекцией
II А-а-а
ты за протекцией

Авторизованная машинописная копия:

26—28 где путались
правда
и кривда

Сб. «Без доклада не входить»:

1—2 Товарищи
были они

16—18 в дни
постройки
и ковки

26—28 где путались
правда
и кривда

77—79 Ты делу,
браток,
а не мне, пособи.

87—88 ...А-а-а...
за протекцией?

Они и мы (стр. 42)

Автограф строк 1—5, 17—20 в записной книжке 1928 г., № 64:

1—2 В даль глазами лезу я...
Куцые лесёнки

Автограф строк 6—12, 27—33 в записной книжке 1928 г., № 66:

30—33 голая и нищая
бежит Белоруссия

[1] *В строках 62 и 83 рукописных источников допущена ошибка, повторенная в журнале «Огонек» и в сборнике «Без доклада не входить». В строках 62—64 «У первого взгляд — хоть на лыжах скользи» вместо: «У второго взгляд хоть на лыжах скользи»; в строках 83—85 «но первый в ответ недовольно сопит» вместо: «но второй в ответ недовольно сопит».*

Отдельно записаны строки, не вошедшие в окончательный текст:

I Не ходить и не бегать
II Не ездить и не бегать
ходить тише
в виду счищанья
снега с кры<ши>

После 6—12 — строки, не вошедшие в окончательный текст:

Я вижу над нищью советской голи
под грязью облипшей советский быт
клокочет революционная воля
энергия трудовая трубит

Журн. «Молодая гвардия», М. 1929, № 6, март. Сочинения, т. 8:

34—35 Приехал —
слеза у знакомых картин

Кандидат из партии (стр. 45)

Журн. «Крокодил», М. 1929, № 18, май:

Сколько их? Числа им нету.
Пяля блузы, пяля френчи,
Завели по кабинету
И несут повинность эту
Сквозь заученные речи.
Весь в партийных причиндалах,
Ноздри вздернул — крыши выше...
Есть бумажки — прочитал их,
Нет бумажек — сам напишет.
Все у этаких в порядке,
Не язык, а маслобой...
Служит и играет в прятки
С партией, с самим собой.
С классом связь? Какой уж класс там!
Классу он одна помеха.
Стал стотысячным балластом,
Ни пройти с ним, ни проехать.
Вышел из бойцов с годами
В лакированные душки.
День пройдет — знакомой даме
Хвост накрутит по вертушке.

Освободиться бы от ихней братии,
Удобней будет и им и партии.

Монте-Карло (стр. 47)

Заготовки рифм, вошедших в строки 5—9 в записной книжке 1928 г., № 64:

пягнигся
спит
Спит Ницца

Автсграф строк 27—31:

Дворцы и палаццо монакского принца...
Глупцы и глупицы пожалте бриться

Ронзай самокритику! (стр. 50)

Беловой автограф с поправками:

Заглавие: Проветрим Республику

12—13 I не мог
застраховаться
II не смог
застраховаться

68—69 идя
по пятилетию

Газ. «Рабочая Москва», 1929, № 124, 2 июня:

68—69
идя
по пятилетию

Два соревнования (стр. 53)

Газ. «Пролетарская мысль», Златоуст, 1929, № 164, 21 июля:

30—31 Полицейской бойней круша
и калеча

Парижанка (стр. 63)

Беловой автограф с поправками:

9 I у парижанки
II у моей парижанки

28—30 она
в этом деле
прямо артист

Красавицы (Раздумье на открытии Grand opéra) (стр. 66)

Беловой автограф с поправками:

20 *после точки:*
Оттеняют синь его

31 сторонитесь лефы

«Женский журнал», М. 1929, № 7, июль. Сочинения, т. 8:

31 сторонитесь лефы,

Стихи о советском паспорте (стр. 68)

Журн. «Огонек», М. 1930, № 12, 30 апреля:

44—45 в тупой
полицейской слоновости

85—89 Он вещи
снес бы задаром вам!
Но...
жандарм
вопросительно
смотрит на сыщика,

Нота Китаю (стр. 72)

Черновой автограф:

3—4 I К ощетинившемуся Китаю
II К оскаленному Китаю
15—16 I Генеральствовать
в Китае
II генеральствовать на
Китае
III Генеральствовать
над Китае<м>

После 16 — строки, не вошедшие в окончательный текст:
Мира рукою кверху взлетая
Красное знамя встань над Китаем
37—39 Но не мерещится пусть и Китаю
Что угрозами нас закидают
Строки 43—47 записаны после 53.
48—50 I В руки винтовки шинели скатаем
II Стиснем винтовки шинели скатаем
51—53 I драться пойдем
с генеральским Китаем
II Выйдем
в бои
с генеральским Китаем

Долой! Западным братьям (стр. 74)

Беловой автограф с поправками:
Подзаголовок отсутствует.

5—7 I Идешь
на подвиг
с оркестром и хором!
II В поход —
на подвиг
с оркестром и хором!
18—20 I будут чины
эполеты
и области
II пойдут чины
эполеты
и области.
III чины вручены
эполеты
и области.
21—23 I а если
умрешь
под ядерным градом —
II А хочешь
умри
под ядерным градом

68—70 I любить
протезами
жен и невест
II — любите
протезами
жен и невест
71—74 I По всей планете
товарищи люди
заявите
нет!
Войны не будет.
II На всей планете
товарищи люди
объявите
войны не будет.
75—77 I и если надо
кучки
правителей и правительств
II И когда вознадобится
кучки
правителей и правительств
III И когда понадобится
кучки
правителей и правительств

Голосуем за непрерывку (стр. 77)

Черновой автограф:

Заглавие отсутствует.

14—15 I Вместе с ним его жена
II В церковь с дядею жена
III Вместе с дядею жена
20—21 I Как павлин разряжена
II Как павлин ряжена

После 44 следует незаконченная и зачеркнутая строка:

и скоро каждый

49—53 I Перейдут на мордобой
⟨неразборчиво⟩ четверть эту
II Перейдут на мордобой ⟨неразборчиво⟩
водку эту —
54—58 I Все идет само собой
Как по трафарету
II Словом все само собой как по трафарету
64—67 И это у них называлось быт
72—78 I Семья заметит убыль
и тихая выметет метла
волосья и чубы
II Во рту заметна убыль
и тихая метет метла
волосья и чубы
94—96 Наладим подмаслим да пустим

112—115 И день раздавивший кухни и плиты
118—120 Пусть гибнущий быт обывателей бедствие

Журн. «Материалы для клубной сцены», М. 1929, № 11, ноябрь:

59—61 Воскресный город
избит
и спит

Изобретательская семидневка (стр. 81)

Черновой автограф:

7—9 I следующи<е>
II Надо вам следующий изобрести за аппаратом аппарат
11—13 Во-первых следующий аппарат желателен
36—37 I Комбинации рычагов и домкратов
II Систему рычагов и домкратов
38—39 I Изобретите авто-механо вышибатель
II Изобретите автомехановышибалу
42—44 I В четвертых чтоб не подменяли волю масс
II В четвертых чтоб не подменяли энергии масс
53—55 I В пятых приспособьте электрический ток
II В пятых объединив электрический ток
61—62 I для спускания канцелярских отписок
II для отвода канцелярских отписок
67—69 I Переложив на машин<ы?> бремя
II Снимите с хозяйственников бремя
72—74 для выдачи изобретательских премий
75—85 *отсутствуют.*

Застрельщики (стр. 87)

Беловой автограф с поправками:

39—41 I первой
пятилетки
боев за социализм
II новой
пятилетки
боев за социализм

Смена убеждений (стр. 97)

Беловой автограф с поправками:

4—6 I сбивался
в потьмах косолапо
II сбивался
в потьмах косоного
7—9 I Он шел
и пел
и материл
II Он шел
и орал
и материл

13—15 I Вошел.
По квартире —
водочный дух
II Вошел —
и в комнате
водочный дух

Строки 65—74 записаны на полях.

«Рабочая газета», М. 1929, № 223, 27 сентября:

85—86 Догадались, вычистили!»

Пример не достойный подражания (тем, кто поговорили и бросили) (стр. 100)

Беловой автограф с поправками:

12—14 I бьют
себя
часами
в груди
II бьют
себя
часами кряду
40—42 I Успокоились
II Испещрив
III Испершив
речами
глотки
69—70 Алкоголики —
восстаньте

Сочинения, т. 8:

69—70 Алкоголики
восстаньте

Первый из пяти (стр. 103)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 226, 1 октября:

4—6 в газеты
вонзайте
зрачков резцы.

В 12 часов по ночам (стр. 105)

Беловой автограф с поправками:

Строки 1—5 вписаны на полях.

4—5 и сел
в задумчивой позе
10—12 I А сегодня
еще
умерла

11 А тут
еще
почила императрица[1]

Строки 56—65 вписаны на полях.

60—62 и свыше
блики
упали

66—67 Осыпая
песок
и пыль

Помните! (стр. 108)

Беловой автограф:

51—53 к нам
войной
англичане напрут.

Птичка божия (стр. 111)

Заготовки строк 5, 13—15 в записной книжке 1928 г., № 64:

сядьте
Как сказали! вы писатель

Беловой автограф:

Заглавие: I Гость
II Птичка божия

Даешь! (стр. 122)

Журн. «Даешь», М. 1929, № 11, октябрь:

Заглавие: Даешь
и даешь

10—13 В пули,
в ядерный град
Советы
обляпавши сплошь

44—46 И в ответ
на этот
«даешь»

50—52 *отсутствуют.*

62—65 Уголь
хлеб
железо
чугун —

Отдельное издание с нотами:

Заглавие: Даешь и Даешь

10—11 В пули,
в ядерный град

---

[1] *По воспоминаниям поэта С. Кирсанова, Маяковский строки 10—12 обычно читал так:* А тут
еще
почила императричица

19—21 Сегодня
вспомнишь —
не сон
22—23 *отсутствуют.*
44—46 И в ответ
на этот
«Даешь» —
47—52 *отсутствуют.*
56—59 Смотри,
маловер
и лгун
62—65 Уголь,
хлеб,
чугун —

Октябрьский марш (стр. 124)

Беловой автограф с поправками:
10—12 нам
им
вам!
72—73 больше
автошных стай
94—96 I Тишь ли
стои⟨т⟩
II Тишь ли
найдем
над собой?
123—125 им
вам
нам

Лозунги по Киму (стр. 132)

Беловой автограф с поправками, строки 1—68:
42—43 I не лучше
палачей ⟨-фашистов⟩
II не лучше
мясников-фашистов.
53—55 I Соревнуясь
ударней
и упорней
II Соревнуясь
ударней
упорней
58—59 I капитализма
корявые корни
II капитала
корявые корни.
64—65 I Под⟨ымай⟩
II Вздымай
производительность труда!

66—68 I Себестоимость
урежь
и снизь
II Себестоимость
срежь
снизь!

«Рабочая газета», М. 1929, № 269, 22 ноября:

58—59 Капитализма
корявые корни

Отречемся (стр. 135)

Авторизованная машинописная копия:

Заглавие: Старое и новое
41—42 I Убирайся восвояси
гигиена незваная
II Уберись восвояси
гигиена незваная
59—61 хоть вешай
на воздухе топор.
81 Навезенной

Журн. «Чудак», М. 1930, № 3, январь:

Заглавие: Старое и новое
43—44 Росой
смывайте глаза.
59—61 Хоть вешай
на воздухе
топор.
81 Навезенной

Особое мнение (стр. 138)

Беловой автограф с поправками:

15—16 I Ускорили темп
и не ленятся
II Держут темп
и не ленятся
17—19 I А он в ответ
а я
остаюсь
II Но индивидум в ответ
а я
остаюсь
25—26 I Не в пять годов
а в менее
II Не в пять годов
а в меньше

30—31 I Имеется мол
особое мнение
II Имеется мол
особое мненьище
63—65 I Не возражаю.
Имейте
собственный разум
II Не возражаю!
Консервируйте
собственный разум
69—71 Но помните
за работу
взявшихся разом

Заготовки рифм к строкам 80—88 записаны рядом с автографом этих строк:

до дна
клинья
одна
линия

Журн. «Крокодил», М. 1929, № 46, декабрь:

6—9 А сбоку
ходят
индивидумы
и у них
30—31 имеется, мол,
особое мненьице
37—39 и настаивает на своем
собственном,
особом мнении.
69—74 Но помните:
за работу
взявшихся разом
не оттягивайте
ни в сторону
и ни напротив.
84—86 У всей
у массы
и мысль одна

На что жалуетесь? (стр. 141)

Беловой автограф с поправками:

84—85 Снимите
мантии древности
110—111 I раз-
трубо-дураками
II просто
раз-
трубо-дураками

Журн. «Даешь», М. 1929, № 13, декабрь:
17—19 В затылке
в кудрястом
скребется поэт,
105—106 вы землю
облапьте руками
110—111 «трубо»... —
трубо-дураками.

Стих как бы шофера (стр. 144)

Беловой автограф с поправками:
9—10 I Форда ради
куда вы прете?!
II Автодора ради
куда вы прете?!
21 I Объедешь мостовую
II Объедешь мостовою
43—44 И в ухо —
выстрели.
47—48 I и с прытью
с блошиной
II и с прытью
с блошиною
52—53 И уперся
радиатор
71—72 I Гудок
II Разинь
гудок ли уймет
88—89 за перековку
человечьего материала.
Журн. «Даешь», М. 1929, № 14, декабрь:
42—44 Их обернешь ли?
хоть в ухо
выстрели!
52—53 И уперся
радиатор
82—84 веры
душа
не теряла
88—89 за перековку
человечьего материала.

Даешь материальную базу! (стр. 147)

Беловой автограф с поправками:
Заглавие: Вопль тела
5—7, 78—80 Я
душу похерив
кричу о вещах

59—63 I Неприятно это
моему
хозяйскому глазу
II на кухне ⟨*недописано*⟩
Неприятно многое
нашему глазу
III на кухне ⟨*недописано*⟩
Вот также
многое
противно глазу
Примуса например?!
дорогу газу
74—75 Пусть ропщут поэты —
слюной плеща

Пролетарка, пролетарий, заходите в планетарий (стр. 150)

Беловой автограф с поправками:

61—64 I Светят
как миленькие
небесный
светильник
II Светят
как миленькие
небесные
светильники

Любители затруднений (стр. 157)

Беловой автограф с поправками:

9—11 I Над газетой
хихикает
над цифрами подтрунив
II В газету
хихикает
над цифрой трунив
29—32 I Собирает
шептунов
врунов
и врунитх
II Собирая
шептунов
врунов
и врунитх
III Собрав
шептунов
врунов
и врунитх

35—40 I Тссс господа
затруднения
у них
здорово
ура
браво
II Тссс господа
говорят
у них
затруднения
замечательно!
браво!

60—62 I Но вылезем лишь
из грязи
и тьмы
II И вылезем лишь
из грязи
и тьмы

76—78 I Но прочь
с путей
завшивевших в мещанстве
II Но счистим
с путей
завшивевших в мещанстве

Журн. «Крокодил», М. 1930, № 1, январь:

55—57 Не упустит
установиться
в сто задов

76—78 И счистим
с путей
завшивевших в мещанство

Сб. «Без доклада не входить»:

19—21 Ус
закручивает
весел и лих

Стихотворение одежно-молодежное (стр. 160)

Беловой автограф с поправками:

1—2 I В известном октябре
у
II В известном октябре
известного годика

19—21 I Глядишь и туфли
у мадам износились
II и туфли
глядишь
у мадам износились

57—59 I вид
как у дамы
в известном годочке
II вид
что у дамы
в известном годочке
68—70 I а шей
одежи
для молодежи
II а шей
одежи
по молодежи

Марш ударных бригад (стр. 162)

Черновой автограф в записной книжке 1929 г., № 68;
Строки: 41—50, 1—9, 20—36, 10—19, 51—61, 73—77, 91—95, 62—72.

10—12 I Коллективную грудь раздувай меха
II Раздувай коллективную грудь меха
32—33 I Устаревшей техники скидывай хлам
II Распрабабкиной техники скидывай хлам
34—36 I Пустим Днепр проводов разводьем
II Волховстрой взводи
III Днепр турбины верти по заводьям.
45—48 не выловишь золотой рыбкою
накручивай ход наворачивай ход
51—53 I Трактор вройся туда где корпела соха
II Трактор туда где корпела соха.
65—66 I хозяйства размер〈ь〉и 〈*неразб.;возможно:* вытянн〉
II не взять нас буржуевым гончим
70—72 I Закончим сработаем выполним
II Выполним сработаем закончим
73—75 I Электричеством лейся река лиха
двигать фабрики рекам зловодым
II Электричество лей река лиха
двигать фабрики фырком зловодым
94—95 I намалюй живописным разводом
II Размалюй плакатным разводом

Беловой автограф с поправками:

34—36 I Днепр
турбины
верти по заводам
II Днепр
турбины
верти по заводьям

Газ. «Электрозавод», М. 1930, № 1, 4 января: отсутствуют строки 1—5, 65—66, 73—77.

91—93 Этот лозунг
неси
бряцанием стиха

Тревога (стр. 165)

Беловой автограф с поправками:

6—10 I На важнейшем участке,
на важнейшем фронте,—
Прорыв
прорыв
прорыв!
II На важнейшем участке,
на важнейшем фронте,—
опасность,
отступление,
прорыв!

92—93 Наружу
говор скрытенький
100—102 Иди
работа
ровно и плавно.

ЭПИГРАММЫ

Адуеву (стр. 168)

Беловой автограф с поправками:

1—2 I Я драться рад
я не монах
II Я скандалист
я не монах
8—9 I Но как
в своих штанах найду его?
II но как
в таких штанах найду его?

Сельвинский (стр. 169)

Беловой автограф с поправками:

1—2 I Чтоб жолуди мои
удобней воровать
II Чтоб жолуди с меня
удобней воровать
5 Потом переиздал прибавив собственно сала

Безыменскому (стр. 169)

Беловой автограф с поправками:

1—3 Уберите
этого
бородатого комсомольца! —
8 или истово молится,

Уткину (стр. 169)

Беловой автограф с поправками:

6—7 I И б<ард>

II И пишет бард
III И бард стр<очит>
IV И бард поет
для сходства с Байроном

Ленинцы (стр. 171)

Черновой автограф:
Строки: 1—10, 110—119, 94—101, 11—19, 20—29, 53—67, 84—93.
На полях записаны: 46—52, 97—98, 102—106, 30—34, 38—45, 68—74, 75—80.

Заглавие отсутствует.

7—9 Это потому
что в делах
мерилом
13—15 I <дис?>
II Иди за республику лавой атак
После 19:
I Европа строй баррикад кавардак
II Европа вздымай баррикад кавардак
рабочий не спи как сыч
так
велел подыматься Ильич
37—39 *отсутствуют.*
42—44 I вырасти цифры добыч
II гудков призывает
зыч
45—47 Так
работать велел Ильич
62—64 I Огнями ламп разрезывай мрак
II Огнями ламп разрезая мрак
64—65 I Темень разэлектричь
II Республику разэлектричь
66—69 I Так
велел рассветиться Ильич
II Так
велел светиться Ильич
72—73 I Религия чушь и дичь
II довольно поповских притч
74—76 Так велел запомнить Ильич
84—85 *отсутствуют.*
После 94:
I Неси ре<спублики>
II Взвей советов огненный флаг
в страны где рабства бич
так
велел продвигаться Ильич.
99—100 I так в сторонке в неверьи не хныч
II Справа в уныньи не хнычь
109—111 *отсутствуют.*

112—114 Не плачем сегодня
а торжествуем
и чествуем
115—116 I Неугасимое
слово
и мысль Ильича
II Ленин с нами
неугасим
и величав
117—118 По всей планете
победное шествие
После 119:
I Смотри чтоб фраз туманом
тебя не обваливали
II Чтоб облаком слов
тебя не обваливали
С Ильичем
себя
и дело сличай
Первое слово
товарищи так ли
I Это сказано
и продумано у Ильича
II Это сказано
и думано у Ильича

Беловой автограф с поправками:
Заглавие: Ленинство
109—111 Так
велел
выступать Ильич
После 111:
Европа
вздымай
баррикад кавардак
рабочий
не спи как сыч
так
велел
подыматься
Ильич

Газ. «Бакинский рабочий», 1930, № 17, 21 января:
7—9 Это потому,
что примером
и мерилом
22—24 Втрое
каждый
наполним станок и верстак.

После 103:

Европа,
вздымай
баррикад кавардак!
Рабочий, не спи!
Так
велел
подыматься
Ильич.

«Во весь медногорлый гудочный клич...» (стр. 175)

Беловой автограф с поправками:
Заглавие отсутствует.

27—32 I Но мы
человечий социализм
на всей планете
достроим
II Но мы
человечный социализм
на всей планете
достроим

Марш двадцати пяти тысяч (стр. 176)

Беловой автограф с поправками:

6—8 На новый
ржаной
незасеянный фронт
26—30 Колхоз
голодуху
пудами забьет
пудами
советского хлеба

Первый вариант строк 40—44 записан после строки 30, затем зачеркнут.

40—44 I Крестьяне
рабочим
по крови родня
на фрон⟨те⟩
II Крестьянин
рабочий
по крови родня
на фронте
смешались костями
45—48 Мы трое
рабочий
бедняк
и средняк

Строки 87—89 первоначально записаны перед строкой 31, затем переставлены.

87—89 Мы раем
разделаем
каждую пядь

Авторизованная машинописная копия:

26—30 I Колхоз
голодуху
пудами забьет
пудами
советского хлеба.

II Колхоз
голодуху
мешками забьет
мешками
советского хлеба.

40—42 Крестьянин,
рабочий
по крови родня,

45—48 I Мы трое
рабочий
бедняк
и средняк

II Рабочий,
батрак
бедняк
и средняк

51—53 I Довольно
деревня
безграмотной спать

II ,Довольно деревне
безграмотной спать

87—89 Мы раем
разделаем
каждую пядь

Газ. «Звезда», Новгород, 1930, № 23, 29 января:

6—8 На новый
ржаной
незасеянный фронт

40—42 Крестьянин
рабочий
по крови родня

45—48 Рабочий,
батрак,
бедняк,
середняк

51—53 Довольно
деревня
безграмотной спать

87—89 Мы раем
разделаем
каждую пядь

Газ. «Рабочий и пахарь», Рыбинск, 1930, № 27, 2 февраля:
Те же разночтения, что и в газете «Звезда».
Строки 31—39 отсутствуют.

ЛОЗУНГИ И РЕКЛАМА

Санплакат (стр. 187)

Беловой автограф:

Лозунг 1 *Строфа, не вошедшая в текст плаката:*
За целостью комнат —
сами следите.
Не будешь следить,
будешь вредитель.

Лозунг 2 Воды —
не бойся.
Мойся ежедневно,
хотя бы до пояса.

Лозунг 5 Никогда
не берите в рот
того,
что в рот
и другой берет.

Лозунг 8 Долой рукопожатья

Лозунги по безопасности труда (стр. 194)

Черновой автограф:

Порядок записи: лозунги —1, 3, 6, 5, 7, 2, 8, 4
После лозунга 4 записаны две относящиеся к нему строки, не вошедшие в окончательный текст.

Лозунг 4
I Нужную вещь по ящикам ищешь
II Нужную вещь в беспорядке ищешь
I Вещь не найдешь а ранишь
ручища
II Никак не найдешь и ранишь
ручища

Строки, не вошедшие в окончательный текст:
Если вещи беспорядочно валятся
Можно лишиться руки и пальца

Лозунг 6
I На работе волосы прячьте лучше
II На работе волосы прячь лучше

Лозунг 8
I Нанесите безалаберности удар
Образумьте бахвалиться охочих
II Нанесем безалаберности удар
Образумим побахвалиться охочих

[Лозунги для журнала «Даешь»] (стр. 197)

Беловой автограф (БММ):

Заглавие отсутствует.

Лозунг 2

Пролетарий
даешь

Лозунг 3 земные недра
знать
насквозь

Беловой автограф (ЦГАЛИ):

Заглавие отсутствует.

Лозунг 2

Пролетарий
даешь
земные недра

Лозунг 3

знать
насквозь

Как живет рабочий
Какой интерес у рабочего?
Из кого состоят рабочие?

[Лозунги «Трудовая дисциплина» и «Агитационно-производственные»] (стр. 199)

Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ):

Лозунг 1

В плакатном тексте объединены 1 и 3 лозунги автографа:

Из-за неполадок
на заводе
I рабочие
часто
драку заводят
II Несознательный рабочий
драку заводит.

Строки 5—8, не вошедшие в текст плаката:

драчуны
забудьте свои повадки
на производственном совещании
уладьте неполадки.

Лозунг 2

I Обиды на заводе
и непорядок всякий
II Притеснения на заводе
и непорядок всякий

Лозунг 5

I На работе
один рабочий класс

II У нас
один рабочий класс

Лозунг 7

I Хороший спец
обязан помочь ему.
II Каждый спец
обязан помочь ему.

Лозунг 9

I частную мастерскую
II частную <лавочку?>
себе заводит.

Лозунг 11

Болтливость
растратчик
рабочих часов.

Лозунг 12

I Богомольца-прогульщика
выгоним вон.
II Прогульщика-богомольца
выгоним вон.

Лозунг 13

I перепортятся
и станут станки
II перержавеют
и станут станки.

Лозунг 18

В общей работе
к честности привыкни.

Лозунг 19

Не опаздывай ни на минуту
опаздывающих —
вон
Минуты сложатся
и убытку миллион.

Лозунг 21

I Непорядки
в месткоме
разберут по праву
II Непорядки
надо
разбирать по праву

Лозунг 23

I Не позволим
издеваться
над тем кто слаб
II Не издевайся на заводе
над тем кто слаб

Лозунг 24

I Идут отряды
бодры и стройны
II Встают заводы
сильны и стройны
I Это
пять
шагов
по пути в коммунизм.
II Это
пять
километров
по пути в коммунизм.

Лозунг 25

I Необходимой дисциплине
ра⟨бочего труда⟩
II Необходимой дисциплине
нашего труда
III Всей дисциплине
нашего труда.

[Лозунги к плакату «На трудовом фронте»] (стр. 208)

Беловой автограф:

Лозунг 1

I С дураками
социализма
не построишь и в века.
II С неграмотными
социализма
не построишь и в века.

Лозунги Электрозаводу (стр. 209)

Беловой автограф (БММ):

Заглавие отсутствует.
Лозунг 3

I Где прогульщики
Живые курилки
В дымной гуще
Сидят в курилке.
II Где прогульщик
Жив курилка
В дымной гуще
Сидит в курилке.

[Лозунги для выставки «20 лет работы Маяковского»] (стр. 211)

Каталог выставки:

5—7 и
без художественной
традиции

32—35 заборы,
столбы
и
флаги

Исцеление угрюмых (стр. 213)

Беловой автограф с поправками:

4 I Средство для смеха
II Средство для бодрости

19—21 Подхалиму
сатирой
распнем
по «Чудаку».

39—41 тысячи
угрюмых
читателей и читак

45—48 скорей
подпишите
нас
на «Чудак»!

СТИХИ ДЕТЯМ

Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий (стр. 217)

Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 31:

11—13 *вписаны на полях.*
19 А к себе под вечер в дом
26 I бламанже и кренделя
II мармелад и кренделя
27—29 *вписаны на полях.*

После 29 зачеркнутые автором строки:

От макушки
до манжет
весь измазан в бламанже

После 38 зачеркнутые автором строки:

Как пузырь какой-то мыльный
стал он рыхлый
слабосильный
I Словно ливень по трубе
II Словно дождик по трубе

После 112 зачеркнутые автором строки:

Петя ест и ест
и вот
округляется живот

После 151 зачеркнутые автором строки:

Петя двинуться не смеет
а на Петю
лезут змеи

После 156 зачеркнутые автором строки:

Из протухших нильских вод
выбегает бегемот
157 I А за ним<и>
II А за ней
163 I выставляют зубы вилки
II выставляя зубы вилки
186 I бегемот нацелил ногу
II крокодил нацелил ногу
187—191 I Взвился Петя
шум и свист
II Уходи!
Катись!
Вались!

После 195 зачеркнутые автором строки:

Неуклюжая толстуха
отдавила Пете ухо.
Петя катится с тоской
по Тверской по Ямской.
Три трамвайных сбил столба,
в шишках лоб
и возле лба.
Умереть с тоски готовый,
Петя
мчится
по Садовой.
Вырвал
Пете
автобус
клок штанов
и ляшки кус.
196—199
I Наконец
от шишек страшный
он
у Сухаревой башни
II долетел
от шишек страшный
аж
до Сухаревой башни.

233—235 И для верности для вящей
сунул все
в почтовый ящик.
248—249 Получивши
от отца
299—300 день работал у станка
чтобы шерсть была тонка!

После 300 зачеркнутые автором строки:

I За верблюдиной
свинья
II За верблюдом свинья
башмаки от меня.
Кожа лучшей пороси
лучшей
нету на Руси.
Башмаки вот эти кожаные
шили фабрики сапожные.
На тебе
примерь к ногам
и носи на страх врагам.
301 I За свининою баранчик
II За верблюдиной баранчик
359 Поработав три часа
361—362 И разиня из разинь
сдал в папашин магазин

После 384 зачеркнутые автором строки:
Аппетита не испортив
в рот отправил торт на торте
386 I В пасть пошел закуски класть
II Начал в пасть закуски класть
После 393 зачеркнутые автором строки:
Видит
бочками горчица
с бочкой ест
не огорчится
415—416 I гирю жрет
II гири хрустнули
как хрящик

После 438 зачеркнутые автором строки:

Вся поеденная пища
вырывается и свищет
и налево
и направо
бьет
как из вулкана лава.
442 Все звенят в колокола.

После 466 зачеркнутые автором строки:

День с работою дружа
Сима вырос
возмужал
Подрасти б чуть-чуть для меры
и годится
в пионеры.
Жизнь удачно складывается
Сима не нарадуется.
474 I Сима в выдумках
II Сима к выдумкам востер

503—506 льет и сыпет
к общей радости
I в
II булки всякие
и сладости
520—521 Но сосиски
и колбасы

После 521 зачеркнутые автором строки:

Все застряли в проводах
Дети ходят
ох да ах
развысокий телеграф
не достанет и жираф.
Раскрывает Сима рот
не достать колбас вразброд,
и не пробуйте, не лезьте,
то ли дело взяться вместе.
И упершись в землю туго,
дети
лезут друг на друга.
Сима
вровень со столбом
облака ласкает лбом.
Снял он с проволки нагрузку,
ловко сбросил вниз закуску.
Ветер издали прошел,
Очень детям хорошо [1].
522 I слезли дети
II сели дети

Журн. «Огонек», М. 1925, № 16, 12 апреля:
10 в доме жил в пятиэтажном
19 А к себе под вечер в дом

---

[1] *На полях против этих зачеркнутых строк рукой Маяковского:* «Восстановить»

Что такое хорошо и что такое плохо? (стр. 232)

Беловой автограф с поправками:

15—16 I Если с неба
дождик льет
17—18 II Если ветер крыши
рвет
I ветер мчит со вздохом
II сверху
гром загрохал
III сверху
град загрохал
IV если град загрохал

21—22 дстям
очень плохо

61—62 I Если сын
порвал подряд
II Если ты
порвал подряд
65 I Про такого говорят
II пионеры говорят
III октябрята говорят
66 I плох
у мамы
мальчик
II плоховатый
мальчик

76—77 I Если
потеряв картуз
II От вороны карапуз

99—100 I Этот
носит валенки
II Этот
чистит валенки

107—111 I А теперь
за игры сын
помни
мой ребенок
II Помни это
каждый сын
знай
любой ребенок

120—123 Лучше
делать хорошо
и не делать
плохо.

Гуляем (стр. 236)

Беловой автограф с поправками:
Заглавие отсутствует.

5—6 Навстречу
дома и прохожие

После 8
I Это казарма
и
II перед казармой
будка красноармейца.

11—17 У каждого красноармейца
ружье имеется.
I он
II Красноармейцы храбрые
дело их
защищать от врагов
и маленьких
и больших

18—22 Это вот
Московский совет
дяди
сюда
приходят чуть свет

27—29 I чтоб жили сча⟨стливо⟩
II О том чтоб счастливо
жили дети

33—34 лапкой трет
на морде шерсть

40—41 Вот
собачка

54 I нари⟨совали⟩
II сделали картинку

61 I Эго кл⟨уб⟩
II Это — дом комсомольцев

62 комсомольцы умные

64—67 Когда вырастете
и будете с усами
на бога не надейтесь
устраивайтесь сами

72—73 Он
от жира
как мяч тугой

77—80 А сам
ничего не умеет
даже воробей
его умнее

87—88 Когда подрастешь
будь таким

100—104 Эта мама
плохая дама

от пудры белая
сидит
ничего не делая
106—108 и у этой дамы
не язык
а мельница

Отдельное издание:

66—67 На бога не надейтесь
устраивайтесь сами
100—101 Эта дама —
плохая мама.

Что ни страница,— то слон, то львица (стр. 240)

Popular official guide to the New York Zoological Park:[1]

49—53 I Боль<шая>
II длинная шея
чтоб жирафью мать
сын жирафенок
мог обнимать
39—44 Кенгуру смешная очень
руки вдвое ног короче
Но за это все у ней
Ноги вдвое рук длинней

Беловой автограф с поправками: строфы пронумерованы автором в соответствии с их расположением на страницах будущей книги, против заглавия пометка — «обложка».

63 I до свидания зверики
II до свиданья зверики.

А что вы пишете? «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 124, 25 мая:

26—29 Крокодил —
гроза морей.
Лучше не гневите.
Только он
сидит в воде
и пока
не виден
и т. д.

Эта книжечка моя про моря и про маяк (стр. 243)

Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 37:

Заглавие: I Это сказочка моя про моря и про маяк
II Это книжечка моя про моря и про маяк
5—6 I Вечером и значит к ночи
II Вечером а также к ночи

[1] Популярный официальный путеводитель по нью-йоркскому зоопарку.

Строки 1—13 вписаны на полях.
18—20 I Закружит волн кружение
и кораблекрушение
II Закружит волн кружение
вот и кораблекрушение
21—22 I но
II Вдруг обрадован моряк
25 появился красный глаз
29—31 I Здесь мол чудно все суда
II Здесь мол путь все суда
III Здесь мол тихо все суда
Заплывайте-ка сюда
37—39 Наверху зажжен фонарь
не фонарь, а блеск и ярь
40—42 I вид<ен он?> во все моря
II видимый во все моря
Нету ярче фонаря
43—44 чтоб быстрей заметиться
кроме света вертится
45—46 Огромный труд рабочему
Работать здесь всю ночь ему
52—57 *отсутствуют.*
58—60 Волны так теперь не ухайте
I пароходы в тихой бухте
II все кто плавал в тихой бухте
62—66 *отсутствуют.*
73 I Чтоб приятно было вам
II Чтоб занятно было вам

Беловой автограф с поправками:
37—39 Наверху зажжен фонарь
не фонарь
а блеск и ярь!
43—44 I Что бы всем заметиться
Кроме света
II Что бы всем заметиться
он еще и вертится!

История Власа — лентяя и лоботряса (стр. 246)

Журн. «Пионер», М. 1927, № 1, январь:
36 не проспать уроки чтоб
72—73 как никак,
а к школьным зданьям
156—160 Вооруженный
учебником-книгой
Ум
дорогой знания двигай!

Конь — огонь (стр. 253)

Газ. «Пионерская правда», М. 1927, №№ 4, 5, 6 (30 апреля, 7, 14 мая):
Строки 87—88 отсутствуют.

После 93 сделали лошажье тело.
Дальше дело закипело.
101 Художник
с кистью лазит —
После 103 Одному работать туго.
каждый —
помощь друг для друга.
Помните про это, дети:
все,
что сделано на свете,
и игрушка,
и дом —
общим сделано трудом.

Прочти и катай в Париж и в Китай (стр. 257)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 55, строки, не вошедшие в окончательный текст:

Подойду да погляжу я
офицера — буржуя.
За границей мерзкая
порода офицерская.
Лапа панская груба,
бьет солдата по зубам.
Фашист не любит дерзких
отрядов пионерских.
Мальчишки и девчонки
вверх ручонки.
За границею попы
всем в глаза пускают пыль.
Сам господь велел вам, братцы,
за буржуев крепче драться.
Ноги вытянув широко,
занялися маршировкой.
Пыль ногой до неба дуй,
маршируй да не бунтуй.

Газ. «Пионерская правда», М. 1928, №№ 17—18 (29 февраля, 3 марта):

1—2 Поскорей сбирайтесь, дети,
Почитать стихи в газете

Отдельное издание:

Заглавие: Прочти и катай, в
Париж и Китай
1—2 Это книжка вам, детишки,—
книжка и картинки в книжке
5 покатает книга эта

Майская песенка (стр. 266)

Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 55, *строки 20—26, 1—7, 14—19.*

Заглавие отсутствует.

3—7 I идем
II Раздольем чистеньким
идем и я и мы.

Строки 8—13 отсутствуют.
21 Весной омытая
Беловой автограф с поправками:
Заглавие: Весенняя песенка
20—21 Улица рада
весной омытая

Кем быть? (стр. 267)

Черновой автограф строк 197—200 в записной книжке 1928 г. № 56:

I фырчит машина
скорая
сдержать нельзя
хороший шофер я
II фырчит машина
скорая
летит скользя
Ну и шофер я
Сдержать нельзя.

Беловой автограф с поправками:
Заглавие: Что делать?
13—16 *отсутствуют.*
После 19 зачеркнутые автором строки:
Готовы доски
и вот так
одну доску зажал верстак.
25 Суки закорюки
После 33 зачеркнутые автором строки:
Если надо
дырку — рот
высверлит коловорот
а замку место мы
сковырнем стамесками
После 36 зачеркнутые автором строки:
дерево ровное
сплошь отполированное
После 43 зачеркнутые автором строки:
Прочитаю груду
Стану школьный житель
выучусь
и буду
инженер строитель.
57 называемый фасад
66 I подымаются леса
II Упир⟨аются⟩ леса
После 87 детям
я
лечу болезни
где занятие полезней?

88—91 I Я приеду к Поле
Я приеду к Пете
Кто у вас болен?
Здравствуйте дети!
II Я приеду к Пете
Я приеду к Поле
Здравствуйте дети!
Кто у вас болен?

После 100 зачеркнутые автором строки:

I Вынул и

II Вынул градусник в срок
посмотрел:
у вас жарок.

124—125 народа —
рота целая
сто или двести.
176 I ему везде
II ему всегда
181 I Купи любые
II бери любые

После 184 белые
193 Я б шофером пошел
200 I куда
II Вам куда надо

После 219—220

В небеса мотор вези
чтоб взамен земных низин
рядом
птицы пели
229 пролетаю гору
247—250 Напрасно волны скачете
на зависть циркачу
на реях и по мачте
гуляю как хочу
251 I сдавайся буря северная
II сдавайся буря скверная
260 I Все труды
II Все работы хороши

Неавторизованная машинописная копия:

После 12 Из-под пилки
сыплятся опилки
13—16 *отсутствуют.*
57 I Называемый фасад
II Называется фасад
74 I обожженные в печи
II закаленные в печи

После 87 Детям
я
лечу болезни
где занятие полезней?
124—125 Народа —
рота целая,
сто или двести
219—220 в небеса, мотор, вези
I что
II где б взамен земных низин
рядом
птицы пели.
247—250 Напрасно волны скачете
I на зависть циркачу
II морской дорожкой
на реях и по мачте
I гуляю как хочу
II карабкаюсь кошкой.

Сочинения, т. 4:

Заглавие: Что делать?
2 будет мне семнадцать
20—21 *отсутствуют.*

После 87 Детям
я лечу болезни,—
где занятие полезней?
124—125 Народа — рота целая
сто или двести
193 Я б шофером пошел —
219—220 Чтоб взамен низин
рядом
птицы пели.
229 облетаю гору.
236 совсем удалены
248—250 на зависть циркачу,
на реях и по мачте
гуляю, как хочу.

Песня-молния (стр. 275)

Газ. «Пионерская правда», М. 1929, № 103, 25 августа:
Заглавие: Вперед
Не белоручки детки мы
I мы красные б<ойцы>
II мы юные бойцы
взовьемся авиэтками
земле во все концы

ПОЭМА

Во весь голос. Первое вступление в поэму (стр. 279)

Черновой автограф строк 62—67 в записной книжке, 1929—1930 гг. № 69:

Я песню в горле смирял
становясь
На горло собственной песне

Черновой автограф отдельных строф и строк в записной книжке 1929—1930 гг. № 70:

22—29	I	Я ассенизатор и бомбовоз
	II	Я ассенизатор и водовоз бунтарь и взрыватель признанный шагаю мимо всех садоводств поэзии музы капризной
30		Засаадила садик мило
41		Мудроватые Кудрейки
45—46		таратина таратитина таратина тина тен
54—67		И я бы романсом не хуже навяз я пел бы многих прелестней но я стихи смирял становясь на горло собственной песне
82—83	I	Я к вам дойду через хребты веков
	II	Мой стих дойдет через хребты веков
84—85	I	И через головы бушующих правительств
	II	И через головы безжалостных правительств
	III	И через головы поэтов ⟨и⟩ правительств
88—89	I	Стрела амуровая в любовнейшей охоте
	II	Стрела амурная в любовнейшей охоте
	III	не как стрела в амурно лировой охоте
90—91		не как доходит к нумизматам вытертый пятак
92		Не так как свет умерших звезд доходит
93—95		Мой стих трудом — громады лет прорвет
96—99	I	И явится весомо просто зримо
	II	и явится весомо грубо зримо
100—101	I	Как в наши времена пришел водопровод
	II	Как в эти времена вошел водопровод
	III	Как в наши времена вошел водопровод
102—103		проложенный еще рабами Рима
112—115		я уши словом не привык ласкать
124—125		они стоят свинцово тяжело
139—140		Вз⟨д⟩ымая рифм отточенные пики
237—239	I	Среди лирических рвачей пройдох и выжиг
	II	Поверх лирических рвачей пройдох и выжиг
	III	Над бандой поэтических рвачей и выжиг
240—241	I	Я подыму как большевистский книжечный билет
	II	Я предъявлю как большевистский книжистый билет

242—244 все 6 томов моих партийных книжек

Неиспользованные заготовки на обороте листа 1:

финансы
поют романсы
Прости
Что говорю про стих

Беловой автограф в записной книжке 1930 г., № 71:
Заглавие отсутствует.

7—9 I Вы
возможно
вспомните и обо мне
II Вы
возможно
спросите и обо мне
14—15 I Что жил такой
певец кипяченой
II Что жил де такой
певец кипяченой
19—21 I Я сам расскажу о самом себе
II Я сам расскажу о времени
и о себе
28—29 I Поэзии
музы капризной
II Поэзии
бабы капризной
45—46 I Тара тина тара тина...
тара тина тина т... ен... н
II Тара тина тара тина
т... эн... н
57—59 I И мне бы
агитки строчить
на вас
II И мне бы
строчить
романсы на вас
147—148 I Я отдаю тебе
то⟨варищ⟩
II Я отдаю тебе
планеты пролетарий.
149—150 Рабочего
гиганта-класса враг
158—163 I Мы
поднимали
Маркса
каждый том
Как в доме
собственном
приподнимают ставни

II Мы открывали
Маркса
каждый том
Как в доме собственном
мы открываем ставни
210—212 I Для вас поэт
вылизывал
плевки
II Поэт
вылизывал
чахоточных плевки
III Поэт
вылизывал
чахоткины плевки
218—220 I Товарищ жизнь
давай
дружней протопаем
II Товарищ жизнь
давай
быстрей протопаем
224—226 I Мне
и рубля
не отложили строчки
II Мне
и рубля
не накопили строчки
242—244 I все шесть томов
моих
партийных книжек
II все сто томов
моих
партийных книжек

Журн. «На литературном посту», М. 1930, № 3, февраль:
216—217 чудовищ
ископаемых— хвостатых.

[НЕОКОНЧЕННОЕ]

[I]

Любит? Не любит?.. (стр. 286)

Автограф с поправками в записной книжке 1930 г., № 71:
2—3 I И пальцы выбрасываю разломавши
II и пальцы разбрасываю разломавши

Страница Записной книжки 1930 г., № 69 с автографом поэмы «Во весь голос» и «Неоконченного».

[IV]

Уже второй должно быть ты легла... (стр. 287)

Автограф строк 1—4 в записной книжке 1927—1928 гг., № 55;
После строки 1 следует неиспользованная запись:
Покой благой
Автограф строк 10—12 в записной книжке 1929—1930 гг., № 69:
11—12 Когда встаешь растешь и говоришь
векам истории и мирозданию
Автограф строк 9—12 в записной книжке 1929—1930 гг., № 70:
Смотри любимая какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
I В часы в такие вот растешь и говоришь
II В часы в такие вот встаешь и говоришь
векам истории и мирозданью
Автограф в записной книжке 1930 г., № 71:
9 I Ты посмотри сейчас такая тишь
II Ты посмотри какая в мирė тишь
12 I векам истории и мирозданью
II векам истории и мирозданию.

[V]

Я знаю силу слов... (стр. 287)

Автограф в записной книжке 1929—1930 гг., № 70:
2 I не те которым рукоплещут ложи
II они не те которым рукоплещут ложи
3 I от этих слов срываются гроба
II от слов таких срываются гроба
4 I бежать четверкою своих дубовых ножек
II идти четверкою своих дубовых ножек
III шагать четверкою своих дубовых ножек
На листе 40 — заготовки рифм к строкам 1—3:
я знаю силу слов набат гроба
Рядом неиспользованные заготовки рифм:
я только клич издам
поезда
разбренчан
френча

Заготовки рифм и наброски строф на страницах записных книжек с отрывками из «Неоконченного»:

В записной книжке 1928 г,. № 54 на странице с автографом отрывка II записаны отделенные друг от друга чертой заготовки:
Какому псу
под хвост
во весь свой грузный
рост

найди
не был
один
один между землей
и небом

На обороте этого же листа:

не знаю я страшнее
оскорбленья

просыпов
чтобы не видеть
то что видит
Осипов

В записной книжке 1929—1930 гг., № 69 на странице с автографом строк 10—12 отрывка IV и строк 62—67 первого вступления в поэму — заготовки и строфы:

жалела людей
желудей

В серебре как в песочке
Старичонки височки

где сыщешь любовь при такой неперке
все равно, что в автомобильном Нью-Йорке
искать на счастье подкову

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО, ВОШЕДШИХ В ДЕСЯТЫЙ ТОМ

Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий. М. изд. «Московский рабочий», 1925, 25 стр. Рисунки Н. Купреянова.

Что такое хорошо и что такое плохо? Л. изд. «Прибой», 17 стр. Рисунки Н. Денисовского.

Гуляем. Л. изд. «Прибой», 1926, 14 стр. Рисунки И. Сундерлан.

Эта книжечка моя про моря и про маяк. М. изд. «Молодая гвардия», 1927, 11 стр. Рисунки Б. Покровского.

Конь-огонь. Детская сказка. Л. ГИЗ, 1928, 10 стр. Рисунки Л. Поповой.

Что ни страница,— то слон, то львица. Тифлис, изд. «Закнига», 1928, 12 стр. Рисунки К. Зданевич.

Прочти и катай в Париж и Китай. М. Госиздат, 1929, 15 стр. Рисунки П. Алякринского.

Кем быть? М. Госиздат, 1929, 20 стр. Рисунки Н. Шифрина.

Сочинения, т. 4, ГИЗ, М.—Л. 1929, 325 стр.

Сочинения, т. 6, ГИЗ, М.—Л. 1930, 253 стр. (Вышел в свет в январе 1930 г.)

Сочинения, т. 8, ГИЗ, М.—Л. 1931, 333 стр. (Сдан в издательство 16 декабря 1929 г. Вышел после смерти Маяковского в 1931 г.)

Туда и обратно. М. изд. «Федерация», 1930, 95 стр. (Вышел в декабре 1929 г.)

Без доклада не входить. М.—Л. Госиздат, 1930, 112 стр. (Сдан в издательство 12 февраля 1929 г., вышел после смерти Маяковского в конце апреля 1930 г.)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ — Библиотека-Музей В. В. Маяковского.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

ГЛМ — Государственный литературный музей.

СТИХОТВОРЕНИЯ[1]

Перекопский энтузиазм! (стр. 7). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 7, 9 января.

Напечатано в подборке под общим заголовком «„Это вам не 18-й год". Так злобно шипит обыватель. Мы не позволим баррикадные дни чернить и позорить». В примечании к подборке редакция писала: «Мы хотим, чтобы новые поколения молодежи усвоили себе лучшие традиции тех боевых дней, чтобы они в будничные дела вносили пафос и энтузиазм фронтовой борьбы».

Лозунги к комсомольской перекличке. Готовься! Целься! (стр. 10). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 9, 11 января; Сочинения, т. 8.

Написано в связи с подготовкой Второй Всесоюзной переклички комсомола, развернувшейся на страницах «Комсомольской правды» перед VI конференцией ВЛКСМ.

Напечатано в номере газеты вместе с материалами, посвященными организации переклички. Обращаясь ко всем членам ВЛКСМ, газета писала: «Шевелитесь! Три месяца на страницах «Комсомольской правды» будет проходить перекличка комсомольцев всех районов и ячеек СССР. Несите свой опыт на перекличку! — Не медлите, не благодушествуйте, не отставайте. Пусть ни один комсомолец не останется в стороне от Второй Всесоюзной переклички!»

Итоги (стр. 12). Журн. «Трезвость и культура» (орган общества борьбы с алкоголизмом), М. 1929, № 1, январь.

---

[1] Для стихов 1929—1930 гг. десятитомник, положенный в основу настоящего издания (см. том 1, стр. 5 наст. изд.) не всегда является основным источником текста.

Если тома Сочинений не упомянуты в числе источников, подразумевается, что данное стихотворение либо совсем не вошло в десятитомник (в этом случае делается оговорка: «В Собрание сочинений не вошло»), либо вошло в один из двух последних томов, которые были подготовлены к изданию уже после смерти Маяковского.

Говорят... (стр. 14). Журн. «Чудак», М. 1929, № 3, январь.

Тексты к дружеским шаржам работы неизвестного художника напечатаны за подписью «Влад. М.» в номере, посвященном «слухам.. сплетне... клевете...»

Барбюс Анри (1873—1935) — выдающийся французский писатель-коммунист.

Панаит Истрати (1884—1935) — французский писатель, румын по национальности. В момент выхода журнала с дружескими шаржами он находился в Советском Союзе в качестве гостя. Позже, возвратившись во Францию, выступил в печати с клеветническими измышлениями против СССР и советской литературы, что вызвало протест со стороны советской общественности: 9 ноября 1929 г. «Литературная газета» напечатала письмо группы советских писателей (в числе которых был и Маяковский) «К писателям Запада. Панаит Истрати и Советский Союз».

...из-за границы домой попав, после долгих вольтов...— Имеется в виду поездка Маяковского за границу в октябре—декабре 1928 года. Во время поездки, в Париже, Маяковский закончил работу над комедией «Клоп». По возвращении в Москву сдал пьесу в Гос. театр им. Вс. Мейерхольда. Премьера состоялась 13 февраля 1929 г.

Ильинский Игорь Владимирович — первый исполнитель роли Присыпкина в пьесе Маяковского «Клоп»; ныне народный артист СССР.

Кольцов Н. К. (1872—1940) — крупный советский ученый-биолог.

Теоретики (стр. 15). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Красное студенчество», М. 1928/1929 учебный год, № 9, январь.

Написано в связи с проводившейся журналом кампанией за непрерывную производственную практику студентов.

Разговор с товарищем Лениным (стр. 17). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 17, 20 января.

Перепечатано в газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1929, № 18, 22 января.

Печатается по тексту «Комсомольской правды». Написано к пятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

Мрачное о юмористах (стр. 21). Журн. «Чудак», М. 1929, № 5, январь.

Строки 15—16. *Салтыков-Щедрин* М. Е. (1826—1889) — великий русский писатель-сатирик.

Строки 80—83. *Мало, что ли, помпадуров? Мало — градов Глуповых?*— Сатирические образы, созданные Салтыковым-Щедриным в произведениях «Помпадуры и помпадурши» и «История одного города».

Урожайный марш (стр. 24). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 28, 3 февраля.

Перепечатано в газетах: «Терек», Пятигорск, 1929, № 40, 17 февраля; «Амурская правда», Благовещенск, 1929, № 42, 21 февраля; «Власть труда», Минусинск, 1929, № 32, 27 февраля; «Ойротский край», Улала, 1929, № 19, 5 марта (строки 14—22 отсутствуют); «Заря Запада», Витебск, 1929, № 70, 28 марта (строки 57—63 отсутствуют); «Барабинская деревня», Каинск, 1929, 19 апреля; «Средневолжская деревня», Самара, 1929, № 67, 27 августа.

Написано в связи с обращением ЦК ВЛКСМ от 16 января 1929 г. ко всем комсомольским организациям с призывом развернуть подготовку к Всесоюзному походу за поднятие урожайности. Началом похода было объявлено 15 февраля.

Напечатано на первой полосе номера, посвященного Всесоюзному походу, под общим заголовком: «Поднимайтесь в поход за общий труд на общей земле. Заставьте землю давать двойной урожай». Материалы второй полосы идут под строками-лозунгом из стихотворения «Урожайный марш»: «Даешь на дружбу руку, товарищ агроном».

Проверь, товарищ, правильность факта — так или не так это (стр. 26). При жизни Маяковского опубликовано не было. Впервые напечатано в Полном собрании сочинений В. В. Маяковского в 12 томах, т. 12, М. ГИХЛ, 1949.

Печатается по тексту воспоминаний А. Садовского «Поэт у микрофона» (БММ). А. Садовский в 1928—1930 гг. был начальником Московского радиоцентра.

Написано по заданию радиоцентра на основании рабкоровского письма и передавалось по радио 3 февраля 1929 года (в «Рабочей радиогазете»).

Душа общества (стр. 28). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Трезвость и культура», М. 1929, № 3, февраль.

Печатается по тексту журнала.

Долой шапки! (стр. 31). Газ. «Вечерняя Москва», 1929, № 44, 22 февраля.

Написано к одиннадцатой годовщине со дня организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, не позднее первой половины февраля 1929 г. (14 февраля Маяковский выехал за границу: Берлин—Прага—Париж, вернулся 2 мая).

Тигр и киса (стр. 33). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 50, 1 марта.

В «Комсомольской правде» напечатано среди материалов Ленинградской страницы, посвященной Второй Всесоюзной перекличке комсомола. «Ленинград выходит на Вторую Всесоюзную перекличку комсомола»,— сообщала редакция. См. примечание к стихотворению «Лозунги к комсомольской перекличке...» (стр. 342 наст. тома).

Написано на основании письма юнкора в редакцию «Комсомольской правды» не позднее первой половины февраля 1929 г. (см. примечание к стихотворению «Долой шапки!»)

ГУМЗ — главное управление мест заключения.

Что такое? (стр. 35). Журн. «Чудак», М. 1929, № 9 март; сб. «Без доклада не входить».

Печатается по тексту сборника «Без доклада не входить». В журнале опубликовано под заглавием «Что это... такое?»

Написано не позднее первой половины февраля 1929 г. (см. примечание к стихотворению «Долой шапки!»).

«Что такое?», а также опубликованные в настоящем томе стихотворения «Который из них?», «Кандидат из партии», «Смена убеждений», «Любители затруднений» написаны в связи с развернувшейся в 1929 г. чисткой партийных рядов и советского аппарата.

Который из них? (стр. 38). Беловой автограф с поправками (БММ); авторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Огонек», М. 1929, №10, 10 марта; сб. «Без доклада не входить»; Сочинения, т. 8.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: в строке 125 вместо «и шла к учрежденью» — «и шла к учреждению» (по автографу, авторизованной машинописной копии и журн. «Огонек»).

Написано не позднее первой половины февраля 1929 г. (см. примечание к стихотворению «Долой шапки!»).

О н и и м ы (стр. 42). Автограф строк 1—5, 17—20 в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); автограф строк 6—12, 27—33 и двух строф, не вошедших в окончательный текст стихотворения, в записной книжке 1928 г., № 66 (БММ); журн. «Молодая гвардия», М. 1929, № 6, март; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Написано после поездки в Германию и Францию осенью 1928 г., не ранее декабря 1928 г. (Маяковский вернулся в Москву 8 декабря) и не позже первой половины февраля 1929 г. (14 февраля 1929 г. поэт снова выехал за границу).

Строка 16. *Негорелое* — в те годы небольшая пограничная станция на железнодорожной линии Минск—Барановичи.

К а н д и д а т и з п а р т и и (стр. 45). Журн. «Крокодил», М. 1929, № 18, май.

В журнале стихотворение напечатано с примечанием редакции:

«Всем известен прием «ступенчатой строки», которым пишет за последние годы тов. Маяковский. У редакции есть отдельные заявления читателей, что подобная строка затрудняет чтение. Автор с этим не соглашается и ссылается на отзывы обратного свойства. Редакция «Крокодила» хочет решить этот спор отзывом читателей. Ниже печатается новое стихотворение Маяковского «Кандидат из партии»; печатается оно два раза: слева — обыкновенной строкой, справа — «ступенчатой».

Читатели и почитатели призываются сообщить нам письмами, какой строй стихотворения лучше и легче читается...» (Текст стихотворения без разбивки на ступенчатую строку публикуется в разделе «Варианты и разночтения», см. стр. 299 наст. тома.)

Написано в связи с развернувшимися в 1929 г. на основе постановления XVI конференции ВКП(б) проверкой и чисткой кандидатов и членов партии.

М о н т е-К а р л о (стр. 47). Заготовки рифм в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); автограф строк 27—31 (БММ); журн. «Огонек», М. 1929, № 21, 31 мая; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Написано, по-видимому, в результате поездки Маяковского за границу весной 1929 г. Маяковский был в Ницце и Монте-Карло в конце марта — начале апреля 1929 г. В Ницце Маяковский был и в свою предыдущую поездку за границу осенью 1928 г. (письмо к Л. Ю. Брик из Парижа от 20 октября 1928 г.: «... сегодня еду на

пару дней в Ниццу...»— см. В. Катанян, Маяковский, Литературная хроника, М. Гослитиздат, 1956, стр. 366).

Строки 27—29. *Дворцы и палаццо монакского принца.* — Имеется в виду крупнейший игорный дом, открытый в 1863 году «Международной компанией морских купаний» в курортном местечке Монте-Карло на территории Монакского княжества.

Вонзай самокритику! (стр. 50). Беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Рабочая Москва», 1929, № 124, 2 июня; Сочинения, т. 8.

Перепечатано в газ. «Борьба», Сталинград, 1929, № 126, 15 декабря.

В рукописи стихотворение озаглавлено «Проветрим республику».

Написано к годовщине со дня обращения ЦК ВКП(б) от 3 июня 1928 г. «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» с призывом развивать критику и самокритику.

Строка 2. *«Гигант»* — зерносовхоз на Северном Кавказе.

Строки 14—19. Имеются в виду факты разложения среди работников партийного и советского аппарата в Смоленске и Астрахани, получившие в 1929 г. широкое отражение в печати.

Два соревнования (стр. 53). Газ. «Пролетарская мысль», Златоуст, 1929, № 164, 21 июля; Сочинения, т. 8.

23 июня Маяковский выступал по радио (в «Рабочей радиогазете») с чтением этого стихотворения.

На Западе все спокойно (стр. 56). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 148, 2 июля; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Строки 78—126 перепечатаны в газ. «Комсомол Востока», Ташкент, 1929, № 168, 21 июля.

Написано к Международному антивоенному дню 1 августа.

27 июня 1929 года Маяковский выступал по радио (в «Рабочей радиогазете») с чтением этого стихотворения.

Заграничная штучка (стр. 60). Журн. «Огонек», М. 1929, № 25, 30 июня; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Написано в результате поездки Маяковского в Париж весной 1929 г.

Еще в статье 1926 г. «Как делать стихи?» Маяковский в ряду своих поэтических замыслов называл и тему этого стихотворения:

«Есть темы разной ясности и мутности.

...Проститутка на бульваре Капуцинов в Париже. Проститутка, любить которую считается особенно шикарным потому, что она одноногая — другая нога отрезана, кажется трамваем» (см. том 12 наст. изд.).

Парижанка (стр. 63). Беловой автограф с поправками (БММ); «Женский журнал», М. 1929, № 12, декабрь; сб. «Туда и обратно; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту «Женского журнала».

Написано, по-видимому, в результате поездки Маяковского в Париж весной 1929 года. 30 июня 1929 г. передавалось по радио (в «Рабочей радиогазете»).

О замысле стихотворения на близкую тему есть упоминание в статье Маяковского «Как делать стихи?»: «...старик при уборной в огромном геслеровском ресторане в Берлине» (см. том 12 наст. изд.).

Красавицы (Раздумье на открытии Grand opéra) (стр. 66). Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); «Женский журнал», М. 1929, № 7, июль; сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Заглавие восстанавливается по автографу и журнальной публикации. Вместо: «Красавицы. Раздумье на открытии» — «Красавицы (Раздумье на открытии Grand opéra)».

В автографе после текста стихотворения следует подпись Маяковского и обозначение места написания — «Paris».

Написано, по-видимому, по впечатлениям поездки Маяковского в Париж осенью 1928 г.

Строка 17. *Убиганятся* — производное от названия французской парфюмерной фирмы «Убиган».

Строка 31. *Рефы* — члены литературной группы РЕФ (Революционный фронт искусства). Группа Реф была организована Маяковским в конце мая — начале июня 1929 г. после его выхода из Лефа. (Леф — Левый фронт искусства). Очевидно, в связи с этим при подготовке к печати сборника «Туда и обратно» Маяковский внес исправление в строку 17: «сторонитесь, рефы» вместо «сторонитесь, лефы».

Строка 38. *Шеншиля* — название южноамериканских грызунов, серебристо-серый пушистый мех которых дорого ценится.

Стихи о советском паспорте (стр. 68). Сб. «Туда и обратно»; журн. «Огонек», М. 1930, № 12, 30 апреля; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Написано в июле 1929 г. Текст стихотворения, помеченный этой датой, по-видимому, тогда же был сдан в редакцию журнала «Огонек», но публикация его задержалась; в журнале «Огонек» стихотворение появилось уже после смерти Маяковского вместе со стихотворением «Нота Китаю» среди материалов, посвященных памяти поэта. Ошибочно указано: «Неизданные стихи Владимира Маяковского о Советском паспорте».

Нота Китаю (стр. 72). Черновой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Огонек», М. 1930, № 12, 30 апреля; Сочинения, т. 8.

Написано, по-видимому, в середине июля 1929 г. в связи с налетом на КВЖД, спровоцированным империалистическими державами и вызвавшим протест со стороны советской общественности. «Все как один пойдем на защиту советских границ»,— писала «Правда» от 13 июля 1929 г. (№ 158).

В журнале «Огонек» стихотворение датировано—1929 г., напечатано после смерти Маяковского в одном номере со «Стихами о Советском паспорте», как «Неизданное стихотворение Вл. Маяковского».

Долой! Западным братьям (стр. 74). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Молодая гвардия», М. 1929, № 14, июль.

Печатается по тексту журнала.

Перепечатано в газ. «Пролетарская мысль», Златоуст, 1929, 18 августа.

Написано к Международному антивоенному дню 1 августа.

Строки 12—13 перефразируют строки популярного в первую мировую войну романса «Гусары»:

Оружьем на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей
По улице, пыль поднимая,
Проходил полк гусар-усачей.

Строки 33—36 — цитата из стихотворения И. Уткина «Атака» («Первая книга стихов», М. 1927).

Голосуем за непрерывку (стр. 77). Черновой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Огонек», М. 1929, № 37, 22 сентября; журн. «Материалы для клубной сцены», приложение к журналу «Культурная революция»), М. 1929, № 11, ноябрь; Сочинения, т. 8.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: в строке 103 вместо «сквозь дымные клумбы» — «сквозь дым-

ные клубы» (по автографу и журналу «Материалы для клубной сцены»).

Перепечатано в газетах: «На смену», Свердловск, 1929, 1 октября (строки 97—117); «Борьба», Сталинград, 1929, 6 октября (строки 59—127, с пропуском строк 112—117).

Написано в связи с изданием декрета Совнаркома СССР от 26 августа 1929 г. о переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях СССР. В результате перехода на непрерывную производственную неделю вместо общепринятой семидневной недели была установлена пятидневка; выходные дни приходились на разные дни пятидневки.

8 сентября 1929 г. Маяковский выступал по радио (в «Рабочей радиогазете») с чтением этого стихотворения.

Изобретательская семидневка (стр. 81). Черновой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Изобретатель», М. 1929, № 10, октябрь; Сочинения, т. 8.

Перепечатано в газ. «Шуйский пролетарий», 1929, № 238, 19 октября.

Написано к открытию Всесоюзного слета изобретателей, проходившего в Москве 12 и 13 сентября 1929 г.

12 сентября Маяковский выступал с чтением этого стихотворения по радио в приветствии от «Рабочей радиогазеты» Всесоюзному слету изобретателей.

Анчар (поэма об изобретательстве) (стр. 84). Журн. «Изобретатель», М. 1929, № 10, октябрь.

Написано в связи с Всесоюзным слетом изобретателей, проходившим в Москве 12 и 13 сентября 1929 г.

В строках 1—2, 6—7, 12—13 перефразирована первая строка баллады В. А. Жуковского «Лесной царь (из Гете)»: «Кто мчится, кто скачет под хладною мглой».

Строки 63—66 — цитата из стихотворения Пушкина «Анчар».

Застрельщики (стр. 87). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «На трудовом фронте», М., 1930, № 1, январь.

Печатается по автографу.

По-видимому, написано осенью 1929 г. в связи с завершением первого года пятилетки.

А м е р и к а н ц ы   у д и в л я ю т с я (стр. 89). «Рабочая газета» М. 1929, № 212, 14 сентября; Сочинения, т. 8.

Перепечатано в газетах: «Большевистская смена», Ростов н/Д. 1929, № 214, 18 сентября; «Амурская правда», Благовещенск, 1929, № 224, 1 октября.

Написано в связи с завершением первого года пятилетки.

13 сентября 1929 г. Маяковский выступал с чтением этого стихотворения по радио (в «Рабочей радиогазете»).

Д в а   о п и у м а (стр. 91). «Рабочая газета», М. 1929, № 213, 15 сентября; Сочинения, т. 8.

Стихотворение написано в связи с «антиалкогольной неделей», проводившейся в Москве с 15 по 22 сентября. Напечатано в подборке: «Рабочая общественность объявляет беспощадную войну алкоголизму — разрушителю организма человеческого, общественного, государственного; возвышает свой голос против увеличения выпуска водки, против попыток сорвать пятилетку нашей индустриализации».

В этот же день стихотворение передавалось по радио (в «Рабочей радиогазете»).

Строки 73—76. Парки культуры и отдыха возникли в начале первой пятилетки. В 1928 году в Москве был создан первый парк культуры и отдыха, впоследствии названный Центральным парком культуры и отдыха им. А. М. Горького.

Н а д о   б о р о т ь с я (стр. 94). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 219, 22 сентября (строки 1—16 отсутствуют); Сочинения, т. 8.

В «Комсомольской правде» стихотворение напечатано в подборке под общим заголовком: «Превратим союз воинствующих безбожников в многомиллионную, боевую организацию трудящихся. Религия — тормоз пятилетки».

С м е н а   у б е ж д е н и й (стр. 97). Беловой автограф с поправками (БММ); «Рабочая газета», М. 1929, № 223, 27 сентября; сб. «Без доклада не входить»; Сочинения, т. 8.

Написано в связи с развернувшейся в 1929 г. чисткой советского аппарата.

Строки 65—75. Одновременно с проверкой государственных органов чистке были подвергнуты общественные организации, в их числе профсоюзы, Осоавиахим, МОПР. *Осоавиахим* — Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству, ныне ДОСААФ СССР; *МОПР* — Международная организация помощи борцам революции.

Пример, не достойный подражания (тем, кто поговорили и бросили) (стр. 100). Беловой автограф с поправками (БММ); «Рабочая газета», М. 1929, № 224, 28 сентября; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту «Рабочей газеты».

Написано в связи с «антиалкогольной неделей», проходившей в Москве с 15 по 22 сентября 1929 г.

Первый из пяти (стр. 103). Газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 226, 1 октября; Сочинения, т. 8.

Перепечатано в газете «Комсомол Востока», Ташкент, 1929, № 117, 10 октября.

Написано в связи с окончанием первого года пятилетки.

Напечатано на первой странице «Комсомольской правды» в номере, посвященном успешному завершению хозяйственного года и началу нового — второго года пятилетки. Вся первая полоса газеты дана под лозунгом, написанным Маяковским:

«Вперед непрерывным полным ходом!
Выполним пятилетку в четыре года!»

Готовя к изданию 8 том Сочинений, Маяковский объединил стихи о пятилетке в цикл под заглавием «Первый из пяти».

В 12 часов по ночам (стр. 105). Беловой автограф с поправками (БММ); сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Написано по впечатлениям поездки в Париж осенью 1928 г., не позднее сентября — начала октября 1929 г. (сборник «Туда и обратно» вышел в конце декабря 1929 г.).

В заглавии и строках 45—47 пародийно использованы строки из баллады австрийского поэта Цедлица (1790—1862) «Ночной смотр» (перевод В. А. Жуковского), посвященной памяти французского императора и полководца Наполеона I.

Строки 10—14. *А тут еще почила императрица, государыня Мария Феодоровна.*— Мария Федоровна — бывшая русская императрица, мать Николая II. Умерла в Копенгагене 13 октября 1928 г.

Строки 20—21. ... *«рю Дарю»* — улица в Париже, названная по имени наполеоновского генерала.

Строки 33—35. *Где ваши ленты андреевские.*— Имеется в виду голубая лента через плечо, на которой носили высший знак отличия в царской России — орден «Андрея Первозванного».

Помните! (стр. 108). Беловой автограф (БММ); сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Написано не позднее сентября — начала октября 1929 г. (сборник «Туда и обратно» вышел в конце декабря 1929 г.).

Птичка божия (стр. 111). Заготовки к строкам 3—5 и 9—15, в записной книжке 1928 г., № 64 (БММ); беловой автограф (БММ); сб. «Туда и обратно»; Сочинения, т. 8.

Печатается по тексту сборника «Туда и обратно».

Первоначальное заглавие «Гость» в тексте автографа зачеркнуто, сверху рукой Маяковского вписано новое — «Птичка божия».

Написано не позднее сентября — начала октября 1929 г. (сборник «Туда и обратно» вышел в конце декабря 1929 г.).

Строки 41—42. *...сконапель ля поэзй* — ce qu'on appele la poésie (франц.) — то, что называют поэзией.

Стихи о Фоме (стр. 114). Журн. «Крокодил», М. 1929, № 39, октябрь.

11 октября 1929 г. стихотворение передавалось по радио (в «Рабочей радиогазете»).

Фома неверующий (или Фома неверный) — принято говорить о человеке, которого нельзя убедить в бесспорном и очевидном. Выражение связано с евангельским преданием об апостоле Фоме, не поверившем в воскресение Христа.

Я счастлив! (стр. 116). Беловой автограф (БММ); газ. «Вечерняя Москва», 1929, № 288, 14 декабря; Сочинения, т. 8.

В левом углу автографа редакционная пометка — «В машинку срочно, 16/X».

Мы (стр. 119). Журн. «Огонек», М. 1929, № 42, 27 октября; Сочинения, т. 8.

Строка 2. *Эдисон* Томас Альва (1847—1931) — всемирно известный американский изобретатель в области электротехники и связи.

Строка 36. *Маркони* Гульельмо (1874—1937) — итальянский инженер. Долгое время ему приписывалось изобретение радиотелеграфа. В действительности русский ученый А. С. Попов ранее Маркони предложил схему радиотелеграфа, но свое изобретение не патентовал.

Д а е ш ь! (стр. 122). Журн. «Даешь», М. 1929, № 11, октябрь; отдельное издание (с нотами композитора Н. Рославца), изд. журн. «Даешь», М. 1929, октябрь (обе публикации появились одновременно под заглавием «Даешь и даешь»); Сочинения, т. 8.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: в строках 1—2 вместо «У города странный вид» — «У города страшный вид» (по текстам предшествующих публикаций).

О к т я б р ь с к и й м а р ш (стр. 124.). Беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Труд», М. 1929, № 252, 7 ноября; Сочинения, т. 8.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесены исправления: в строке 15 — вместо «и выжжем и выкуем» — «и выжнем и выкуем» (по беловому автографу); в строке 65 — вместо «без влияний» — «без виляний» (по беловому автографу и газете «Труд»); в строках 91—92 вместо «в небо и землю» — «в небо и в землю» (по беловому автографу); в строке 104— вместо «через дюжину даже» — «через дюжины даже» (по беловому автографу).

Написано к двенадцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 7 ноября передавалось по радио (в «Рабочей радиогазете»).

Р а с с к а з Х р е н о в а о К у з н е ц к с т р о е и о л ю д я х К у з н е ц к а (стр. 128). Журн. «Чудак», М. 1929, № 46, ноябрь; Сочинения, т. 8

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: в строке 73 вместо «сини» — «сипи» (по тексту журнала «Чудак»).

Хренов У. П.— знакомый Маяковского, участник строительства Кузнецкого металлургического комбината, рассказывавший ему о Кузнецкстрое.

Технический руководитель строительства Кузнецкого металлургического комбината, ныне вице-президент Академии наук СССР, академик И. П. Бардин вспоминает в статье «Мечта и ее осуществление», написанной к 25-летию Кузнецкстроя, о впечатлении, произведенном на строителей стихотворением Маяковского: «... поэт Маяковский в самые, быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», заканчивавшийся словами:

Я знаю —
город
будет,
Я знаю,
саду —
цвесть,
Когда
такие люди
в стране
в советской
есть.

Этим он поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей мечты. Этой мечтой мы жили в течение многих, многих лет, и лишь при советской власти нам удалось осуществить ее, построив собственными руками в далекой Сибири металлургический завод-гигант» (газ. «Кузнецкий рабочий», Сталинск, 1957, 31 марта, № 54).

Лозунги по КИМу (стр. 132). Беловой автограф строк 1—68 с поправками (БММ); авторизованная машинописная копия строк 1—35 (БММ); «Рабочая газета», М. 1929, № 269, 22 ноября; Сочинения, т. 8.

Лозунги написаны в дни подготовки к празднованию десятилетия КИМа — Коммунистического интернационала молодежи.

Отречемся (стр. 135). Авторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Чудак», М. 1930, № 3, январь (под заглавием «Старое и новое»); журн. «Пятидневка», М. 1930, № 13, апрель, четвертая пятидневка.

Печатается по тексту журнала «Пятидневка».

В машинописной копии (БММ) рукой Маяковского — подпись и дата: «22—23 ноября, Москва».

В журнале «Пятидневка» стихотворение было напечатано уже после смерти Маяковского на странице, посвященной его памяти. В редакционном пояснении сообщалось: «Это стихотворение было сдано В. В. Маяковским за два дня до его трагического конца. Заголовок был переделан собственноручно В. В. Маяковским в редакции «Пятидневка».

В журнале помещено фото заглавия машинописной копии, по которой стихотворение печаталось в «Пятидневке». Заглавие «Старое и новое» зачеркнуто и сверху рукой Маяковского написано новое — «Отречемся». Эта машинописная копия не сохранилась.

Достоверность редакционного пояснения вызывает сомнения. Трудно предположить, что Маяковский сдал в редакцию журнала «Пятидневка» стихотворение, уже напечатанное под другим заглавием в журнале «Чудак». Вероятно, эти стихи были переданы в редакцию нового журнала «Пятидневка», начавшего выходить в 1930 г., сразу же после написания, но редакция задержала их опубликование, и Маяковский отдал в журнал «Чудак» имевшийся у него, очевидно, другой экземпляр машинописной копии с невыправленным заглавием.

Особое мнение (стр. 138). Беловой автограф с поправками и заготовками рифм на полях (БММ); журн. «Крокодил», М. 1929, № 46, декабрь; сб. «Без доклада не входить»; Сочинения, т. 8.

2 декабря 1929 г. передавалось по радио (в «Рабочей радиогазете»).

Строки 12—16. Массовое движение ударных бригад развернулось по всему Советскому Союзу после опубликования 20 января 1929 г. статьи В. И. Ленина «Как организовать соревнование?» В декабре 1929 г. в Москве состоялся Первый Всесоюзный съезд ударных бригад.

На что жалуетесь? (стр. 141). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Даешь», М. 1929, № 13, декабрь; Сочинения, т. 8.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: в строке 99 вместо «конус» — «корпус» (по автографу и журналу «Даешь»).

Строки 32—35. *В две чистки сметаем с республики сор...*— Имеются в виду развернувшиеся в 1929 году на основе решения XVI конференции ВКП(б) чистка партийных рядов и советского аппарата.

Строка 107. *Трубадуры* (troubadours — франц.)— провансальские странствующие поэты-певцы XII и XIII вв. Главные темы их поэзии — воспевание рыцарских подвигов и любви.

Стих как бы шофера (стр. 144). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Даешь», М. 1929, № 14, декабрь; Сочинения, т. 8.

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: в строке 21 вместо «объедешь мостовую» — «объедешь мостовою» (по автографу и журналу «Даешь»).

По-видимому, написано в связи с неделей Автодора, проводившейся с 26 июня по 2 июля 1929 г.

Строка 9. *Автодор* — общество содействия развитию автомобилизма и улучшения дорог в РСФСР. Маяковский был членом Автодора с 25 ноября 1927 г.

Строка 33. «*Колосс*» — название кинотеатра, помещавшегося в здании Московской консерватории.

Даешь материальную базу! (стр. 147). Беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Правда», М. 1929, № 307, 27 декабря.

Печатается по тексту газеты.

В рукописи стихотворение озаглавлено — «Вопль тела».

В «Правде» напечатано в «Листке Рабоче-Крестьянской инспекции» под общим заголовком «Под контроль масс», в подборке: «Энергичней бороться за социалистическую перестройку рабочего быта. Жилищная кооперация должна стать ударной бригадой на бытовом фронте. Профсоюзы, горсоветы, кооперация отстают от движения масс за новый быт!»

В стихотворении использован ряд фактов из рабочих корреспонденций, напечатанных на той же странице «Правды» под заголовками: «Удобства не роскошь, а необходимость», «Не строить без лифтов», «Ванна необходима».

Пролетарка, пролетарий, заходите в планетарий (стр. 150). Беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Вечерняя Москва», 1929, № 300, 28 декабря.

Печатается по тексту газеты.

Последний крик (стр. 153). Сб. «Без доклада не входить».

Написано в течение 1929 года.

Не увлекайтесь нами (стр. 155). Написано в течение 1929 года.

Прижизненные публикации неизвестны. Впервые — в 10 томе Сочинений, подготовленном к изданию после смерти Маяковского. В настоящем издании в текст 10 тома Сочинений внесено исправление: в строках 22—23 вместо «это носи названье ,,богемы''» — «это носит названье ,,богемы''» (устранение типографской ошибки).

Любители затруднений (стр. 157). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Крокодил», М. 1930, № 1, январь; сб. «Без доклада не входить»; Сочинения, т. 8 (см. примечание к стихотворению «Что такое?», стр. 345 наст. тома).

С т и х о т в о р е н и е о д е ж н о-м о л о д е ж н о е (стр. 160). Беловой автограф с поправками, строки 48—53 вписаны на полях (БММ); журн. «Чудак», М. 1930, № 1, январь.

В настоящем издании в текст журнала внесено исправление: в строках 33—35 вместо «жуткие туфли ей всучили в Мосторге» — «ей жуткие туфли всучили в Мосторге» (по автографу).

М а р ш у д а р н ы х б р и г а д (стр. 162). Черновой автограф в записной книжке 1929 г., № 68 (БММ); беловой автограф с поправками (БММ); авторизованная машинописная копия (ЦГАЛИ); газ. «Электрозавод», М. 1930, № 1, 4 января (строки 1—5, 65—66, 73—77 отсутствуют); журн. «Огонек», 1930, № 4, 10 февраля; Сочинения, т. 8.

Перепечатано в газете «Молодой ленинец», Саратов, 1930, № 29, 19 февраля (строки 20—31 и 56 отсутствуют).

В настоящем издании в текст 8 тома Сочинений внесено исправление: в строках 34—36 вместо: «Днепр, турбины верти по заводам» — «Днепр, турбины верти по заводьям» (по всем предшествующим текстам).

В верхнем левом углу первой страницы машинописной копии рукой Маяковского: «Прошу согласовать печатание с тов. Кольцовым обязательно. Вл. Маяковский»[1]. В верхнем правом углу этой же страницы в скобках надпись, по-видимому, рукой Маяковского: «посвященное борьбе с потерями на Электрозаводе».

Написано для газеты «Электрозавод» в связи с началом на Московском электрозаводе кампании по борьбе с потерями и за рационализацию производства.

В газете «Молодой ленинец» стихотворение помещено в подборке, рассказывающей о трудовых успехах Электрозавода, под общим заголовком: «27 ударных бригад Электрозавода показывают пример пролетарской борьбы за промфинплан. Пусть тверже будут шаги ударных бригад».

Ударные бригады. См. примечание к стихотворению «Особое мнение» (стр. 356 наст. тома).

Строки 10—19 вошли в текст циркового представления «Москва горит», написанного Маяковским в конце 1929— начале 1930 гг. в связи с двадцатипятилетием революции 1905 г.

Строки 82—99 в несколько измененном виде были использованы Маяковским при постановке его пьесы «Баня» в качестве лозун-

---

[1] М и х а и л К о л ь ц о в — советский журналист, первый редактор «Огонька» (с 1924 по 1938 гг.).

гов, развешанных на сцене и в зрительном зале. Премьера «Бани» состоялась в Москве в Гос. театре им. Вс. Мейерхольда 16 марта 1930 г. (см. т. 11 наст. изд.).

Т р е в о г а (стр. 165). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Чудак», М. 1930, № 2.

Перепечатано в газетах: «Молодой коммунар», Воронеж, 1930, № 24, 30 января; «На смену», Свердловск, 1930, № 32, 7 февраля; «Красная Башкирия», Уфа, 1930, № 34, 11 февраля; «Приокский рабочий», Муром, 1930, № 41, 19 февраля.

Печатается по тексту журнала.

Стихотворение напечатано в номере журнала, посвященном борьбе со снижением темпов и качества выполнения производственных планов.

Строки 22—33 и 89—99 в несколько измененном виде были использованы Маяковским как лозунги для плакатов, размещенных в зрительном зале, при постановке пьесы «Баня» (см. т. 11 наст.изд.).

ЭПИГРАММЫ

Б е з ы м е н с к о м у (стр. 168). Беловой автограф с поправками (БММ).

При жизни Маяковского эпиграмма опубликована не была. Впервые напечатана в Полном собрании сочинений В. В. Маяковского в 12 томах, 1949, том 10.

Печатается по автографу.

По свидетельству Л. Ю. Брик, эпиграммы Безыменскому, Адуеву, Сельвинскому, Безыменскому, Уткину написаны 9—14 января 1930 г. (Журн. «Знамя», М. 1941, № 4, апрель. Л. Ю. Брик, «Из воспоминаний о стихах Маяковского»).

Безыменский А. И. (р. 1898) — советский поэт. Начал свою поэтическую деятельность в литературной группе комсомольских писателей и поэтов, организованной в 1922 г. журналом «Молодая гвардия»; автор популярной в 20-е годы поэмы «Комсомолия» (1924). Эпиграмма написана в связи с постановкой в декабре 1929 г. комедии Безыменского «Выстрел». В развернувшейся вокруг пьесы полемике некоторые критики сравнивали комедию Безыменского с «Горем от ума» Грибоедова.

А д у е в у (стр. 168). Беловой автограф с поправками (БММ).

Написана 9—14 января 1930 г. (см. примечание к эпиграмме «Безыменскому»).

При жизни Маяковского опубликована не была. В мае 1930 г.

одновременно напечатана в журналах: «На литературном посту», М. 1930, № 9, май и «Молодая гвардия», М. 1930, № 9, май.

Печатается по тексту журнальных публикаций.

Адуев Н. А. (1895—1950) — советский поэт и драматург. Эпиграмма написана в ответ на стихотворение Адуева «В. В. Маяковскому до востребования», напечатанное в сборнике литературной группы конструктивистов «Бизнес», Госиздат, М. 1929.

Строки 6—7. ... *ищу у облака в штанах...*—«Облако в штанах» — поэма Маяковского, написана в 1915 г. (см. т. 1 наст. изд.).

С е л ь в и н с к и й (стр. 169). Беловой автограф с поправками (БММ). Написана 9—14 января 1930 г. (см. выше примечание к эпиграмме «Безыменскому»).

При жизни Маяковского опубликована не была. Впервые напечатана в журнале «Молодая гвардия», М. 1930, № 9, май.

Печатается по тексту журнала.

Сельвинский И. Л. (р. 1899) — советский поэт; в 20-е годы возглавлял литературную группу конструктивистов, резко полемизировавших с Маяковским по вопросам искусства. Эпиграмма имеет непосредственное отношение к полемическим выпадам против Маяковского в произведениях Сельвинского «Записки поэта», М.—Л., ГИЗ, 1928 и „Пушторг“ М.— Л., ГИЗ, 1929.

Строки 10—12— цитата из басни Крылова «Свинья под дубом».

Б е з ы м е н с к о м у (стр. 169). Беловой автограф с поправками (БММ). Написана 9—14 января 1930 г. (см. выше примечание к эпиграмме «Безыменскому»).

В автографе заглавие отсутствует.

При жизни Маяковского опубликована не была. Впервые напечатана в журнале «На литературном посту», М. 1930, № 9, май.

Печатается по тексту журнала.

У т к и н у (стр. 169). Беловой автограф с поправками (БММ). Написана 9—14 января 1930 г. (см. примечание к эпиграмме «Безыменскому», стр. 359).

Уткин И. П. (1903—1944) — советский поэт. Маяковский критиковал стихотворение Уткина «Гитара» и некоторые другие произведения из его «Первой книги стихов» (1927) за претенциозность, ложную романтику и потакание мещанским вкусам.

Строки 3—5. *Не вам строчить агитки хламовые.*— Литературные враги Маяковского считали агитационную поэзию Маяковского однодневной агиткой и противопоставляли ее поэзии подлинной.

Строки 7—10. ... *для сходства с Байроном на русский на язык прихрамывая.*— Байрон Джордж Ноэль Гордон (1788—1824) — английский поэт-романтик.

В критических статьях того времени Уткин неоднократно сравнивался с Байроном. По поводу подобных безответственных захваливаний молодых поэтов Маяковский иронизировал и в стихотворении «Послание пролетарским поэтам» (см. т. 7 наст. изд., стр. 151). Для понимания данной эпиграммы существенно напомнить, что Байрон был хромой.

Гандурину (стр. 170). Автографа не сохранилось. При жизни Маяковского опубликована не была.

Печатается по записи Л. Ю. Брик (опубликована в ее статье «Из воспоминаний о стихах Маяковского», журн. «Знамя», М. 1941, № 4, апрель).

Написана 20 января 1930 г. в связи с готовящейся постановкой пьесы Маяковского «Баня».

Гандурин К. Д.— председатель Главреперткома. Главрепертком настаивал на переделке ряда реплик в пьесе «Баня».

Строка 4. *А вы ноктюрн сыграть могли бы...*— строки из стихотворения Маяковского 1913 г. «А вы могли бы?» (см. т. 1 наст. изд., стр. 40).

Ленинцы (стр. 171). Черновой автограф (БММ); беловой автограф с поправками под заглавием «Ленинство» с подписью «Вл. Маяковский» (БММ); беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); газ. «Комсомольская правда», М. 1930, № 17, 21 января; газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1930, № 17, 21 января.

Печатается по тексту «Комсомольской правды».

Написано к шестой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

«Во весь медногорлый гудочный клич...» (стр. 175). Беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Швейник», М. 1930, № 2, январь.

Печатается по тексту журнала.

Написано для журнала «Швейник» к шестой годовщине со дня смерти В.И. Ленина и напечатано в номере, посвященном его памяти.

Марш двадцати пяти тысяч (стр. 176). Беловой автограф с поправками (БММ); авторизованная машинописная копия с подписью Маяковского (хранится у Н. А. Брюхоненко); «Клубный репертуар», приложение к журналу «Культурная революция», М. 1930, № 2, февраль.

Перепечатано в газетах «Звезда», Новгород, 1930, № 23, 29 января; «Рабочий и пахарь», Рыбинск, 1930, № 27, 2 февраля (строки 31—39 отсутствуют). Обе газетные публикации являются перепечаткой с одного, не дошедшего до нас источника, по-видимому переданного Маяковским в Пресс-бюро, рассылавшего материалы для периферийной печати.

Печатается по тексту приложения к журналу «Культурная революция».

Написано в связи с решением Пленума ЦК ВКП(б) от 10—17 ноября 1929 г. о мобилизации на постоянную работу в деревне в целях укрепления колхозного движения двадцати пяти тысяч передовых рабочих.

Строки 1—10 в несколько измененном виде вошли в текст циркового представления «Москва горит», написанного Маяковским в конце 1929— начале 1930 гг.

Строки 31—39 были использованы Маяковским для лозунгов, размещенных на сцене при постановке пьесы «Баня» (см. т. 11 наст. изд.).

Подводный комсомолец (стр. 179). Газ. «Комсомольская правда», М. 1930, № 117, 24 мая.

При жизни Маяковского опубликовано не было.

Написано в марте 1930 г. в связи с кампанией по сбору средств на постройку комсомольской подводной лодки.

Товарищу подростку (стр. 180). Сб. «Вторая ступень», М. «Молодая гвардия», 1930 (вышел в свет после смерти Маяковского); публикация Л. А. Кассиля в статье «Живой с живыми» («Комсомольская правда», М. 1939, № 85, 14 апреля).

Печатается по тексту сборника «Вторая ступень».

Л. Кассиль в упомянутой статье сообщает: «Я обратился к Владимиру Владимировичу с просьбой дать стихотворное приветствие в альманах «Вторая ступень», который было мне поручено составить в издательстве «Молодая гвардия».

Незадолго до смерти Маяковского, в одну из последних встреч с ним, я получил от него небольшое стихотворение. Недавно я разыскал у себя эту рукопись. Стихотворение не вошло ни в сборники, ни в одно из Собраний сочинений Маяковского».

Рукопись не сохранилась.

Новый тип (стр. 182). Журн. «Крокодил», М. 1930, № 12, апрель.

При жизни Маяковского опубликовано не было.

Напечатано в апрельском номере журнала, посвященном памяти поэта.

ЛОЗУНГИ И РЕКЛАМА

Санплакат (стр. 187). Лозунги 1—13— беловой автограф (БММ); лозунги 2, 4, 5, 7, 8, 10—16 в серии «Личная гигиена» из 12 плакатов, рис. худ. И. Лебедева, М.—Л., Госмедиздат, 1930; фотокопии плакатов с лозунгами 17—28, рис. худ. Н. Денисовского. М., Госмедиздат, 1931; фотокопии плактов с лозунгами 1, 29—35, рис. худ. Ложкина, М., Госмедиздат, 1931. В Собрание сочинений не вошли.

Лозунги 3, 6, 9 печатаются по автографу, все другие лозунги — по указанным печатным изданиям плакатов.

Так как порядок выхода плакатов не всегда соответствовал последовательности их написания, при публикации лозунгов 1—13 в настоящем томе восстанавливается последовательность записи автографа.

Написаны в 1929 году.

Лозунги по безопасности труда (стр. 194). Черновой и беловой автографы (БММ). Текст чернового автографа записан на обороте листа с беловым автографом стихотворения «Душа общества» (см. стр. 28 наст. тома). В Собрание сочинений не вошли.

Печатаются по беловому автографу.

Лозунги написаны для Центрального музея охраны труда и социального страхования в конце июня — начале июля 1929 года.

В бумагах Маяковского сохранился заказ на эти лозунги. Темы всех восьми лозунгов точно указаны в заказе. Приводим текст письма:

«В. В. Маяковскому.

Москва.

Центральный музей охраны труда и социального страхования просит оформить следующие надписи к плакатам по безопасности труда:

1. Себя и других жалей — не оставляй гвоздей.
2. Не оставляй инструмента на лестнице приставной.
3. Лишь тогда работать можно, когда лестница надежна.
4. Содержи в порядке рабочее место (если рабочее место в беспорядке, можно порезать руку, доставая нужную вещь, например).
5. Пуская машину — предупреди товарища.
6. На работе прячь волосы.

7. Только немедленно (до прихода врача) начатое искусственное дыхание может спасти от смерти человека, пораженного электричеством.

Кроме того, музей просит вас взять на себя полное оформление плаката (рисунок и надпись) на тему «Безопасность труда — дело самих рабочих». Смысл плаката в том, что самодеятельность рабочих может содействовать уменьшению числа несчастных случаев. Надпись желательно сделать особенно ударной, короткой, запоминающейся, чтоб можно было ее впоследствии использовать как общий лозунг всего движения.

Срок заказа — не больше недели».

Плакаты с этими надписями выпущены не были.

[Лозунги для журнала «Даешь»] (стр. 197). Лозунги 1—3 — беловой автограф (БММ) и беловой автограф (ЦГАЛИ), журн. «Даешь», М. 1929, № 12 (без подписи); лозунги 4—5 — журн. «Даешь», М. 1929, № 13.

Печатаются по текстам журнала.

В журнале «Даешь» лозунги 1—3 вошли в композицию фотоочерков «Производственная хватка» и «Урал-нефть». Лозунг 1 был перефразирован Маяковским в 10—19 строках стихотворения «Марш ударных бригад» (см. стр. 162 наст. тома).

Лозунги 4—5 напечатаны в подборке «Даешь кадры». Лозунг 4 помещен рядом с заметкой ТАСС из Киева: «Профессора-реакционеры».

[Лозунги «Трудовая дисциплина» и «Агитационно-производственные»] (стр. 199). Лозунги 1—25 — беловой автограф с поправками к лозунгам 1, 2, 5, 7, 9, 11—13, 18—19, 21, 23—24, 25 (ЦГАЛИ); лозунг 24 — беловой автограф (БММ); лозунги 34—35— беловой автограф (БММ); лозунги 1, 3—4, 8—12, 14—15, 17—19, 24, 28—37 — плакаты, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», 1929, 1930. В Собрание сочинений не вошли.

В автографе лозунги 1—25 записаны на 14 тетрадных листах. Первые шесть лозунгов (листы 1—2) пронумерованы. Начиная с 3 листа нумерация прервана. Лозунги 15—25 (листы 11—14) отмечены единой порядковой нумерацией (с первого по одиннадцатый).

В 1929—1930 гг. Маяковским написано для издательства «Вопросы труда» (впоследствии «Гострудиздат») около 40 лозунгов к плакатам о социалистическом отношении к труду. Большинство из них были напечатаны в плакатах серии «Трудовая дисциплина» и серии «Агитационно-производственных» плакатов. В бумагах

Маяковского сохранился ряд рукописных текстов, печатная редакция которых неизвестна.

Так как порядок выхода плакатов не всегда соответствовал последовательности их написания, при публикации лозунгов 1—25 в настоящем томе восстанавливается последовательность записи автографа и вводится сквозная порядковая нумерация, соответствующая в пределах лозунгов 1—25 хронологии написания по автографу, и лозунгов 26—38 — хронологии их издания.

Лозунг 1. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); плакат № 15 работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 2. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); был ли текст использован для плаката — не установлено.

Печатается впервые, по автографу.

Лозунг 3. Беловой автограф (ЦГАЛИ); плакат № 16 работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 4. Беловой автограф (ЦГАЛИ); плакат № 14 работы худ. К. Ротова, М., «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1930.

Перепечатывается впервые, по тексту плаката.

Лозунги 5, 6, 7. Беловой автограф с поправками к лозунгам 5 и 7 (ЦГАЛИ). Были ли тексты использованы для плакатов — не установлено.

Печатаются впервые, по автографу.

Лозунг 8. Беловой автограф (ЦГАЛИ); плакат без номера работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунги 9, 10. Беловой автограф с поправками к лозунгу 9 (ЦГАЛИ); плакаты без номеров работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», 1929.

Печатаются по текстам плакатов с разбивкой строк по автографу.

Лозунг 11. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); плакат без номера работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 12. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); плакат без номера работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 13. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ). Был ли текст использован для плаката — не установлено.

Печатается впервые, по автографу.

Лозунг 14. Беловой автограф строк 1—4 (ЦГАЛИ); плакат без номера работы неизвестного художника, М. «Гострудиздат», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 15. Беловой автограф (ЦГАЛИ); плакат № 9 работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1929.

Печатается по тексту плаката с разбивкой строк по автографу.

Лозунг 16. Беловой автограф (ЦГАЛИ). Был ли текст использован для плаката — не установлено.

Печатается впервые, по автографу.

Лозунг 17. Беловой автограф (ЦГАЛИ); плакат № 11 работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 18. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); плакат № 12 работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 19. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); плакат № 13 работы худ. Яна Черномордика. М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Передавался по радио (в «Рабочей радиогазете») 17 июля 1929г.

Лозунги 20, 21, 22, 23. Беловой автограф с поправками к лозунгам 21, 23 (ЦГАЛИ). Были ли тексты использованы для плакатов — не установлено.

Печатаются впервые, по автографу.

Лозунг 24. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ); беловой автограф (БММ); плакат № 17 работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1929.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 25. Беловой автограф с поправками (ЦГАЛИ). Был ли текст использован для плаката — не установлено.

Печатается впервые, по автографу.

Лозунги 26, 27. Передавались по радио (в «Рабочей радиогазете») 17 июля 1929 г. Приведены в воспоминаниях бывшего начальника Московского радиоцентра А. Садовского «Поэт у микрофона»

(БММ), на основании которых они были впервые опубликованы в Полном собрании сочинений В. В. Маяковского в 12 томах, т. 12, М., ГИХЛ, 1949. Были ли тексты использованы для плакатов — не установлено.

Лозунг 28. Плакат без номера работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», 1929.

Лозунг 29. Плакат № 19 работы неизвестного художника, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1929.

Лозунг 30. Плакат № 20 работы худ. Яна Черномордика, М. изд. «Вопросы труда», «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1929.

Лозунги 31, 32, 33. Плакаты без номеров работы неизвестного художника, М. «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1930.

Лозунг 34. Беловой автограф (БММ); плакат без номера работы неизвестного художника, М. «Гострудиздат», серия «Трудовая дисциплина», 1930.

Печатается по тексту плаката.

Лозунг 35. Беловой автограф (БММ); плакат № 1, работы худ. В. Кост, М. «Гострудиздат», серия «Агитационно-производственная», 1930.

Лозунги 36, 37. Плакаты № 6, 7 работы худ. В. Кост, М. «Гострудиздат», серия «Агитационно-производственная», 1930.

Перепечатываются впервые, по текстам плакатов.

[Лозунги к плакату «На трудовом фронте»] (стр. 208). Беловой автограф (БММ). Лозунги написаны для «Гострудиздата» (бывшее издательство «Вопросы труда»). Первый лозунг представлен в двух вариантах (А и Б), сверху рукой Маяковского написано: «или или». Был ли текст использован для плакатов — не установлено.

Печатаются впервые.

Лозунги Электрозаводу (стр. 209). Лозунги 2, 3, 4, 5 — беловой автограф (БММ); беловой автограф (полный список) (ЦГАЛИ). Впервые опубликованы в «Литературной газете», М. 1936, № 22, 14 апреля и одновременно в газете «Литературный Ленинград», Л. 1936, № 18, 14 апреля.

Печатаются по автографу (ЦГАЛИ).

Лозунги написаны для Электрозавода в январе 1930 г., по-видимому в то же время, что и стихотворение «Марш ударных бригад» (см. стр. 162 наст. тома).

В «Обращении рабочих электрозаводцев», напечатанном в «Правде» после смерти Маяковского, сообщалось: «Рабочие Электрозавода знают Маяковского как упорного борца за новую жизнь. Электрозаводцы в январе этого года решили начать рационализаторский поход десятидневником борьбы с потерями. Целый ряд толстых журналов на просьбу завода помочь художественно оформить десятидневник ответил молчанием. Но достаточно было одного звонка к Маяковскому, чтобы получить ответ: «С удовольствием приду на помощь заводу. Не смотрите на мой отдых или сон, тяните с постели» («Правда», 1930, № 105, 16 апреля).

Для оформления десятидневника Маяковский дал восемь лозунгов. Из них 1, 2, 4, 5, 7 были написаны специально для Электрозавода.

Лозунги 3, 6, 8 представляют собой несколько измененные подписи к плакатам, вышедшим в 1929—1930 гг. в издательстве «Вопросы труда» (см. лозунги «Трудовая дисциплина» и «Агитационно-производственные» 34, 12, 11 — стр. 206, 201 наст. тома).

[Лозунги для выставки «20 лет работы Маяковского»] (стр. 211). Оригинал лозунгов (ГЛМ); гектографированный каталог выставки. Впервые перепечатаны в сб. «Владимир Маяковский», М.—Л. изд. Академии наук СССР, 1940, стр. 315—316.

Печатаются по тексту оригинала.

Написаны для выставки «20 лет работы Маяковского», открывшейся 1 февраля 1930 г. в Москве в клубе Федерации писателей.

Исцеление угрюмых (стр. 213). Беловой автограф с поправками (БММ); «Литературная газета», М. 1930, № 2, 13 января.

Печатается по тексту газеты.

Реклама для журнала «Чудак». Написана в январе 1930 г. Была напечатана в отделе объявлений «Литературной газеты».

СТИХИ ДЕТЯМ

Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий (стр. 217). Беловой автограф с поправками в записной книжке 1925 г., № 31 (БММ); журн. «Огонек», М. 1925, № 16, 12 апреля (строки 1—47); отдельное издание; Сочинения, т. 4.

«Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий»— первая из детских книжек поэта.

В предисловии к сборнику «Вещи этого года», датированном

25 июля 1923 г., Маяковский в числе произведений, над которыми ведется работа, упоминает: «Сейчас пишу «О Сене и Пете» (детское)».

В марте 1925 г. Маяковский сдал «Сказку о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» в изд-во «Московский рабочий».

В конце марта 1925 г. читал это произведение на заседании комиссии по созданию новой книги при отделе детской литературы Госиздата. Ряд пожеланий и критических замечаний, высказанных участниками обсуждения, были им учтены. В Библиотеке-Музее Маяковского хранится записная книжка с текстом, по которому он тогда читал «Сказку...», с пометками и рядом поправок, внесенных в результате обсуждения.

В мае 1925 г. «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» вышла в свет отдельным изданием с рис. худ. Н. Купреянова.

Строка 199. *Сухарева башня* — в Москве, ныне снесенная, стояла на Сухаревской (теперь Колхозной) площади.

Строки 216—217. *На Собачьевой площадке.* — Собачья площадка — старое название небольшой площади в Москве на перекрестке нынешних Композиторской улицы и улицы Вахтангова.

Строка 421. *...вздулся вербною свиницей* — игрушечные свинки из резины продавались на базарах, устраивавшихся до революции в Вербное воскресенье.

Что такое хорошо и что такое плохо? (стр 232). Беловой автограф с поправками (БММ); отдельное издание; Сочинения, т. 4.

Беловой автограф — тетрадь, представляющая собой макет будущей книжки, с разбивкой строк по страницам. На странице 3 после строки 14 в скобках рукой Маяковского: «На рисунке рабочий отец показывает сыну картинки этой самой книги».

Написано весной 1925 года. 20 мая 1925 г. Маяковский подписал договор с издательством «Прибой». Срок представления рукописи — 22 мая 1925 г. По-видимому, стихотворение уже было написано. Вышло в свет отдельным изданием в ноябре 1925 г. с рис. худ. Н. Денисовского.

Гуляем (стр. 236). Беловой автограф с поправками (БММ); отдельное издание; Сочинения, т. 4.

20 мая 1925 г. одновременно с договором на «Что такое хорошо и что такое плохо?» Маяковский подписал с издательством «Прибой» договор на детскую книжку «Каждому Пете и каждому Васе рассказ о рабочем классе». Срок представления рукописи 15 июня 1925 г. 25 мая Маяковский выехал в заграничное путешествие. В письме из

Парижа к Л. Ю. Брик от 19—20 июня им выслан «листок с текстом» для «Прибоя» (В. Катанян, Маяковский), Литературная хроника, М. Гослитиздат, 1956, стр. 231). По-видимому, это была рукопись детской книжки, названной в договоре от 20 мая 1925 г. «Каждому Пете и каждому Васе рассказ о рабочем классе» и получившей теперь новое заглавие «Гуляем».

Вышла в свет отдельным изданием в марте 1926 г. с рис. худ. И. Сундерлан.

Что ни страница,— то слон, то львица (стр. 240). Черновой набросок двух строф (строки 49—53, 39—45) на шмуцтитуле: «Popular official guide to the New York Zoological Park, published by the New York Zoological society», 1925[1] (БММ); беловой автограф с поправками (БММ); строки 26—29 в статье «А что вы пишете?», Л. «Красная газета», вечерний выпуск, 1926, № 124, 25 мая; отдельное издание; Сочинения, т. 4.

В настоящем издании в текст 4 тома Сочинений внесено исправление: строка 18 вместо «сколько им воды, питья»—«сколько им еды, питья» (по автографу и отдельному изданию).

Начало работы над стихотворением относится к августу — октябрю 1925 г., заготовки к нему были сделаны на шмуцтитуле «Популярного официального путеводителя по нью-йоркскому зоопарку» во время пребывания Маяковского в Америке.

20 марта 1926 г. Маяковский подписал договор с издательством «Прибой» на представление к 1 апреля 1926 г. трех детских книжек: 1) «Вокруг Света», 2) «Зверинец», 3) «Собачка». Ни одна из них в издательство «Прибой» сдана не была.

25 марта 1926 г. Маяковский заключил в Москве договор с издательством «Заккнига» на стихотворение «Есенину» и детскую книжку «Зоологический сад». На следующий день рукопись стихотворения «Что ни страница,— то слон, то львица» была передана представителю издательства. Упоминание об этом стихотворении есть в статье Маяковского «А что вы пишете?», опубликованной в мае 1926 г. (см. т. 12 наст. изд).

Книга вышла в издании «Заккнига» только в марте 1928 г. одновременно на русском и грузинском языках с рис. худ. К. Зданевича. Текст издания «Заккнига» значительно отличается от текста, включенного в 4 том Сочинений. По-видимому, при подготовке тома к изданию у Маяковского не оказалось текста и он воспроизвел его по

---

[1] «Популярный официальный путеводитель по нью-йоркскому зоопарку», Нью-Йорк, 1925.

памяти, дав, таким образом, новую редакцию стихотворения. Публикуются обе редакции. Текст издания «Заккнига» см. в разделе «Другие редакции» (стр. 291 наст. тома).

Эта книжечка моя про моря и про маяк (стр. 243). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 37 (БММ), беловой автограф с поправками (БММ); Сочинения, т. 4.

24 сентября 1926 г. Маяковский заключил договор с издательством «Молодая гвардия» и сдал рукопись. На следующий день им был подписан особый договор на иллюстрацию этой книжки. Срок представления иллюстраций 2 октября 1926 г. Были представлены Маяковским рисунки или нет — не установлено.

Книжка вышла в июне 1927 г. с рис. худ. Б. Покровского. Этим и объясняется отсутствие в тексте издания «Молодая гвардия» заключительной строфы (строки 73—78).

История Власа — лентяя и лоботряса (стр. 246). Журн. «Пионер», М. 1927, № 1, январь (напечатано с разбивкой на 4 части: строки 1—49, 50—98, 99—122, 123—165); отдельное издание; Сочинения, т. 4.

Строка 54. *Куафер* — парикмахер (франц.).

Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится? (стр. 251). «Пионерская правда», М. 1927, № 2, 16 апреля; Сочинения, т. 6.

27 марта 1927 г. в Москве проводился детский праздник «День птиц». Как сообщалось в отчете «Пионерской правды», в празднестве приняли участие более четырех тысяч школьников. Стихотворение написано по заданию редакции «Пионерской правды».

В первой строфе перефразированы строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенние воды»:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят,
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят.
Они гласят во все концы.
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед! и т. д.

Конь-огонь (стр. 253). «Пионерская правда», М. 1927, №№ 4, 5, 6 (30 апреля, 7 и 14 мая); отдельное издание; Сочинения, т. 4.

12 апреля 1927 г. Маяковский заключил договор с отделом дет-

ской литературы Госиздата и в тот же день сдал в издательство рукопись двух детских книг «Прочти и катай в Париж и в Китай» и «Конь-огонь».

Во время пребывания Маяковского в Праге в апреле 1927 г. газетой «Прагер прессе» от 22 апреля было напечатано интервью с Маяковским, который сообщал: «Новейшее мое увлечение — детская литература. Нужно ознакомить детей с новыми понятиями, с новым подходом к вещам. Результатом этого увлечения являются две книжки: «О коллективной работе» и «Путешествие вокруг земли»[1] (см. т. 13 наст. изд.).

По поводу этих книжек Маяковский во время своей поездки в Варшаву в мае того же года сказал в беседе с корреспондентом газеты «Эпоха» (напечатана в номере от 14 мая 1927 г.): «Я ставлю себе целью внушить детям некоторые элементарнейшие представления об обществе, делая это, разумеется, в самой осторожной форме.

— Например?

— Вот, скажем, маленький рассказ о лошадке на колесиках. При этом я пользуюсь случаем, чтобы объяснить детям, сколько людей должно было работать, чтобы сделать такую лошадку. Ну, допустим, столяр, и маляр, и обойщик. Таким образом, ребенок знакомится с общественным характером труда. Или пишу книжку о путешествии, из которой ребенок узнает не только географию, но и то, что один человек, например, беден, а другой богат, и так дальше» (см. т. 13 наст. изд.).

Детская книжка «Конь-огонь» вышла отдельным изданием в начале 1928 г. с рис. худ. Л. Поповой.

Прочти и катай в Париж и в Китай (стр. 257). Черновой автограф строк, не вошедших в окончательный текст, в записной книжке 1927—1928 гг., № 55 (ЦГАЛИ); «Пионерская правда», М. 1928, № 17-18 (29 февраля, 3 марта); отдельное издание; Сочинения, т. 4.

В настоящем издании в текст 4 тома Сочинений внесены исправления: в строке 20 вместо «на поляне люди ходят» — «по поляне люди ходят», в строках 82—86 вместо «не тратят зря ни ног, ни рук, а все творят машиною» — «не тратит зря ни ног, ни рук, а все творит машиною»; строка 112 вместо «японская сторона» — «японская страна» (по текстам «Пионерской правды» и отдельного издания).

---

[1] Имеются в виду «Конь-огонь» и «Прочти и катай в Париж и в Китай».

Первое упоминание о замысле этого стихотворения относится к марту 1926 г. См. примечание к стихотворению «Что ни страница,— то слон, то львица» (стр. 370 наст. тома).

Написано до 12 апреля 1927 г. (выше см. примечание к стихотворению «Конь-огонь»).

Вышло в свет отдельным изданием в январе 1929 г. с рис. худ. П. Алякринского.

В о з ь м е м   в и н т о в к и   н о в ы е (стр. 264). «Пионерская правда», М. 1927, № 11, 18 июня; журн. «Пионер», М. 1927, № 12, июнь; Сочинения, т. 6.

Перепечатано в газетах «Большевистский молодняк», Саратов, 1927, № 28, 10 июля; «Пионерская правда», 1928, № 10, 4 февраля (с нотами композитора Клемента Корчмарева); «Пионерская правда», М. 1929, № 77, 6 июля (с нотами композитора К. Покраса).

Газетная и журнальная публикации появились одновременно, с нотами композитора К. Покраса. В журнале «Пионер» напечатано под заглавием «Нынешняя пионерская».

Написано для «Пионерской правды» в связи с подготовкой «Недели обороны СССР», проходившей с 10 по 17 июля 1927 г.

М а й с к а я   п е с е н к а (стр. 266). Черновой автограф в записной книжке 1927—1928 гг., № 55 (ЦГАЛИ); беловой автограф с поправками (БММ); журн. «Еж», М. 1928, № 4, апрель (с нотами композитора Г. Гнесина).

Печатается по тексту журнала.

Написано для журнала к первомайскому празднику.

К е м   б ы т ь? (стр. 267). Черновой набросок строк 197—200 в записной книжке 1928 г., № 56 (БММ); беловой автограф с поправками (ИМЛИ); неавторизованная машинописная копия (ИМЛИ); Сочинения, т. 4; отдельное издание.

Печатается по тексту отдельного издания.

В беловом автографе и 4 томе Сочинений озаглавлено «Что делать?»

Написано не позднее первой половины июня 1928 г. С чтением этого стихотворения Маяковский выступал в Москве на празднике детской книги 11 июня 1928 г.

В сентябре 1929 г. вышло отдельным изданием с рис. худ. Н. Шифрина.

П е с н я - м о л н и я (стр. 275). Газ. «Пионерская правда», М. 1929, № 103, 25 августа.

Напечатано под заглавием «Вперед».

В Библиотеке-Музее Маяковского хранится экземпляр «Пионерской правды» с поправкой, внесенной Маяковским в строки 31—32 и с наброском новой строфы на полях.

Стихотворение написано в связи с проходившим в Москве Первым Всесоюзным слетом пионеров и опубликовано в день его закрытия.

25 августа в день закрытия слета Маяковский читал это стихотворение пионерам на стадионе «Динамо», назвав его «Песней-молнией». Накануне, 24 августа, он побывал в лагере участников слета на Ходынском поле и присутствовал при передаче Красному воздушному флоту авиэтки имени «Пионерской правды». По-видимому, под этими впечатлениями и была написана новая строфа.

Под заглавием «Песня-молния» стихотворение вошло в сборник стихов Маяковского, Кирсанова, Маршака, названный «Песня-молния» (М. Госиздат, 1930), и в 10-й том Сочинений. Оба издания были подготовлены к печати без участия Маяковского.

Печатается по тексту газеты с поправкой Маяковского к строкам 31—32. Набросок новой строфы публикуется в разделе «Варианты, разночтения и черновые наброски» (см. стр. 333 наст. тома).

ПОЭМА

В о в е с ь г о л о с. Первое вступление в поэму (стр. 279).

Черновой автограф строк 62—67 в записной книжке 1929—1930 гг., № 69 (БММ); черновой автограф отдельных строф и строк в записной книжке 1929—1930 гг., № 70 (БММ): на обороте листа 40 — строфы 37—46, 30—36, 22—29, 54—67, на обороте листа 39— строфа 78—85, строки 88—89, 92, строфы 93—103, 86—91, на обороте листа 2— наброски строф 112—123, 124—131, 167—178 и строфа 233—244, на листе 40 — строки 139—140 и неиспользованные заготовки, на обороте листа 1 — строки 237 — 240; беловой автограф — без заглавия с поправками и знаками, указывающими разбивку строк, в записной книжке 1930 г., № 71 (БММ); журн. «На литературном посту», М. 1930, № 3, февраль (строки 179—244); журн. «Октябрь», М. 1930, книга вторая (февраль).

Печатается по тексту журнала «Октябрь».

В настоящем издании в текст журнала вносится исправление:

в строках 76—77 вместо «как живой с живым говоря» — «как живой с живыми говоря» (по беловому автографу).

Первое вступление в поэму «Во весь голос» написано в течение декабря 1929 — января 1930 гг. В это же время Маяковский работал над подготовкой своей отчетно-юбилейной выставки «20 лет работы». На непосредственную связь первого вступления в поэму «Во весь голос» и выставки Маяковский указывал, выступая 25 марта 1930 г. в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию деятельности: «Последняя из написанных вещей — о выставке, так как это целиком определяет то, что я делаю и для чего я работаю.

Очень часто в последнее время вот те, кто раздражен моей литературно-публицистической работой, говорят, что я стихи просто писать разучился и что потомки меня за это взгреют. Я держусь такого взгляда. Один коммунист мне говорил: «Что потомство! Ты перед потомством будешь отчитываться, а мне гораздо хуже — перед райкомом. Это гораздо труднее». Я человек решительный, я хочу сам поговорить с потомками, а не ожидать, что им будут рассказывать мои критики в будущем. Поэтому я обращаюсь непосредственно к потомкам в своей поэме, которая называется «Во весь голос» (см. т. 12 наст. изд.).

По свидетельству друзей поэта, «Во весь голос» было вступлением к поэме о пятилетке. Отрывки, не вошедшие в первое вступление в поэму, см. в разделе «Неоконченное» (стр. 286 наст. тома).

1 февраля на открытии выставки «20 лет работы» в клубе Федерации писателей (Москва) состоялось первое публичное чтение «Во весь голос». Известно также о следующих выступлениях с чтением «Во весь голос»: 6 февраля — на конференции МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей), 15 февраля на выставке «20 лет работы», 22 февраля на закрытии выставки, 25 февраля — на открытии клуба театральных работников, 5 марта — на открытии выставки «20 лет работы» в Ленинграде в Доме печати, 25 марта в Доме комсомола Красной Пресни (Москва), 9 апреля — на вечере в Институте народного хозяйства им. Плеханова (Москва).

Строки 30—34. Еще в марте 1918 года встречается аналогичное высказывание Маяковского по вопросам искусства: «В мелочных лавочках, называемых высокопарно выставками, торгуют чистой мазней барских дочек и дачек в стиле рококо и прочих Людовиков...» (см. т. 12 наст. изд. «Манифест летучей федерации футуристов».)

Строки 35—36 — из популярной в те годы песни-частушки: «Сама садик я садила, сама буду поливать».

Строки 40—41. *Кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки* — К. Митрейкин и А. Кудрейко — в то время молодые поэты. Митрейкин считал себя учеником литературной группы конструктивистов. Кудрейко выступил в 1929 г. со сборником стихов «Осада». Четверостишье из этого сборника Маяковский процитировал, выступая 8 февраля 1930 г. на конференции МАПП с критикой стихов ряда молодых поэтов (см. т. 12 наст. изд.).

Строки 45—46. *«Тара-тина, тара-тина, т-эн-н...»* — строка из стихотворения И. Сельвинского «Цыганский вальс на гитаре»:

«И Идоносится толико стон'ы гиттáоры: таратинна-таратинна-tan...»

Строка 91. *Нумизмат* — знаток и собиратель старинных монет.

Строка 201. *Лета* — в греческой мифологии река забвения в подземном царстве.

Строка 234. *Це Ка Ка* — Центральная Контрольная Комиссия, партийный орган, избиравшийся съездом ВКП(б).

[*Неоконченное*]

[I]

«Л ю б и т? н е л ю б и т?..» (стр. 286). Автограф в записной книжке 1930 г., № 71 (БММ); отрывок записан на обороте последнего листа с беловым текстом первого вступления в поэму. При жизни Маяковского напечатано не было. Впервые опубликовано в «Альманахе с Маяковским», М. «Советская литература», 1934.

Печатается по тексту автографа.

[II]

«У ж е в т о р о й...» (стр. 286). Автограф в записной книжке 1928 г., № 54 (БММ). При жизни Маяковского напечатано не было. Впервые опубликовано в Полном собрании сочинений в 12 томах, т. 10, М. 1935.

Печатается по тексту автографа.

[III]

«М о р е у х о д и т в с п я т ь...» (стр. 286). Автограф на отдельном листе бумаги (хранится у Л. Ю. Брик). При жизни Маяковского напечатано не было. Впервые опубликовано в Полном собрании сочинений в 12 томах, т. 10, М. 1935.

Печатается по тексту автографа.

[IV]

«Уже второй должно быть ты легла...» (стр. 287). Автограф строк 1—4 в записной книжке 1927—1928 гг., № 55(ЦГАЛИ); автограф строк 10—12 в записной книжке 1929—1930 гг., № 69 (БММ): здесь же черновой автограф строк 62—67 из первого вступления в поэму; автограф строк 9—12 в записной книжке 1929—1930 гг., № 70 (БММ): на этом же листе черновой автограф строк 78—103 первого вступления в поэму; автограф всего отрывка в записной книжке 1930 г., № 71 (БММ).

Печатается по тексту автографа. При жизни Маяковского напечатано не было. Впервые опубликовано «в Альманахе с Маяковским», М. «Советская литература», 1934.

[V]

«Я знаю силу слов» (стр. 287). Автограф в записной книжке 1929—1930 гг., № 70 (БММ). Записан вместе с черновым текстом первого вступления в поэму. При жизни Маяковского напечатано не было. Впервые опубликовано в «Альманахе с Маяковским». М. «Советская литература», 1934.

Печатается по тексту автографа.

Записные книжки, в которых строки публикуемых отрывков записаны вместе с черновиками первого вступления в поэму, свидетельствуют о том, что работа над теми и другими первоначально велась одновременно. По свидетельству друзей поэта, кроме опубликованного Маяковским первого вступления в поэму, предполагалось второе вступление — «лирическое». По-видимому, в него должны были войти отрывки I — «Любит? не любит?..» и IV — «Уже второй должно быть ты легла...» В такой последовательности эти отрывки записаны на развороте листа записной книжки 1930 г., № 71 сразу вслед за беловым автографом «Во весь голос». Этапами работы над текстом отрывка IV явились отрывки II и III.

Строки 5—8 отрывка IV (они же 3—6 отрывка III вошли в предсмертное письмо Маяковского в несколько измененном виде: вместо «С тобой мы в расчете» — «Я с жизнью в расчете».

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Что ни страница,— то слон, то львица (стр. 291). См. примечание к стихотворению «Что ни страница,— то слон, то львица» (стр. 370 наст. тома).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ *(1929—1930)*

[1] В первой колонке цифр указываются страницы текста, во второй — вариантов, в третьей — примечаний.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ

Полное собрание сочинений. Том 10

Редактор тома Н. Реформатская.

Редактор *К. Малышева*

Оформление художника *Б. Воронецкого*

Художественный редактор *И. Жихарев*

Технический редактор *Ф. Артемьева*

Корректор *В. Знаменская*

Сдано в набор 26/III 1958 г.
Подписано к печати 11/VII 1958 г.
Бумага 84×108 1/32 — 12 печ. л. =
19,68 усл. печ. л. 17,42 уч.-изд. л +
+ 10 вклеек = 17,92 л.
Тираж 175 000 экз. Заказ № 1644.
Цена 8 р. 20 к.
Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.